

М. СТАНЕВИЧ

Сентябрьская
КАТАСТРОФА

Мариан СТАНЕВИЧ

СЕНТЯБРЬСКАЯ КАТАСТРОФА

Перевод с польского

П. ЗЯБЛОВА и В. ПАВЛОВИЧА

Вступительная статья

В. ПАВЛОВИЧА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1953

MARIAN STANIEWICZ

KLESKA WRZESNIOWA NA TLE
STOSUNKOW MIEDZYNARODOWYCH
1918 — 1939

W A R S Z A W A

1952

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Буржуазные писатели, историки и газетные шарлатаны приложили немало усилий, чтобы обелить преступную империалистическую политику разжигания второй мировой войны и оклеветать Советский Союз. Весьма усердствовали в этом отношении и писаки панской Польши. В потоках лжи и антисоветских измышлений они пытались утопить историческую правду.

Эта ложь нужна была капиталистам и помещикам санационной Польши для того, чтобы обмануть польский народ, чтобы воздвигнуть между ним и братским советским народом искусственную стену недоверия и вражды, чтобы превратить Польшу, в угоду империалистическим державам Запада, в плацдарм для нападения на первое в мире социалистическое государство.

Предлагаемая вниманию советского читателя книга Мариана Станевича «Сентябрьская катастрофа» не оставляет от утверждений польских буржуазных авторов камня на камне.

На основании исторических фактов Мариан Станевич убедительно доказывает, что возрождение Польши как независимого государства после почти полуторавекового рабства оказалось возможным исключительно благодаря прорыву фронта империализма в России в 1917 году, благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей господство русских помещиков и капиталистов и нанесшей сокрушительный удар всему империалистическому лагерю.

Одним из мифов, созданных польскими буржуазными писаками, был миф о том, будто творцы версальской системы, правители Соединенных Штатов, Англии и Фран-

ции, перекраивая карту Европы после первой мировой войны, заботились об интересах Польши. На самом же деле — и это убедительно доказывает в настоящей книге Мариан Станевич — творцы версальской системы сделали все для того, чтобы возродить германский милитаризм — истонного врага польского народа, причем все уступки милитаристской Германии делались в основном за счет Польши, в ущерб ее территориальной целостности, в ущерб ее национальному достоинству. С этой целью они отдали Германии исконно польские земли в Силезии и Поморье. С этой целью они создали так называемый «вольный» город Данциг.

Исторические факты свидетельствуют о том, что империалистические хищники шаг за шагом осуществляли свою преступную политику удушения малых наций, политику умиротворения гитлеровской Германии путем передачи под ее владычество суверенных государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Результатом этой политики был захват Австрии и литовского порта Клайпеды, исчезновение с карты Европы Чехословакии как независимого, суверенного государства. Автор книги «Сентябрьская катастрофа» тщательно проследил все эти этапы политики западных империалистических государств, политики, направленной против стран Европы, в том числе против Польши, политики поощрения гитлеровской агрессии.

Мариан Станевич в своей книге показывает, как американо-английские империалисты всеми силами и средствами поощряли главарей фашистской Германии к агрессии, как они старались направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Польши, против Советского Союза.

В книге отчетливо показана роль Советского Союза как единственного государства, которое последовательно и до конца отстаивало дело установления мира и дружбы между народами, боролось за создание системы коллективной безопасности, за обуздание агрессоров, защищало интересы народов.

Правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции всячески пытались сорвать осуществление конструктивных предложений советского правительства, направленных на сохранение мира. Буржуазные политики и дипломаты не жалеют усилий, чтобы

скрыть от широких народных масс истинный смысл своей внешней политики. Свои агрессивные цели они тщательно маскируют фарисейскими фразами о миролюбии.

Приводимые в настоящей книге факты и документы срывают маску с политиков империалистических государств, разоблачают лживость их фраз о миролюбии, о дружественном и доброжелательном отношении к польскому народу.

Весь период между двумя мировыми войнами — яркое доказательство враждебного отношения правителей западных империалистических государств к польскому народу, к его национальным интересам, к его суверенитету.

Руководители этих государств в период Версаля сделали все для того, чтобы Польша была слабым, беззащитным государством. Затем, пользуясь тяжелым экономическим положением Польши, они постепенно захватывали в свои руки ключевые позиции в ее народном хозяйстве, готовя Польше удел колонии, а польскому народу — удел бесправных рабов.

Такова историческая правда, таковы факты, изложенные в книге Мариана Станевича.

В этой книге читатель найдет наглядные доказательства того, что политика польской реакции всегда была политикой национальной измены, политикой, за которую трудолюбивый и талантливый польский народ должен был уплатить годами неслыханных страданий. В первой части книги автор прослеживает политику западных империалистических государств — Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции, — которые всеми силами и средствами помогали гитлеровской Германии в осуществлении ее планов «натиска на восток»; во второй части он освещает политику правителей панской Польши, действовавших заодно с гитлеровскими агрессорами.

Советское правительство, руководствуясь ленинско-сталинским принципом самоопределения наций, уже с первых дней своего существования сделало все от него зависящее, чтобы дать польскому народу возможность самому решать свою судьбу. Дружественное отношение молодой Советской республики к польскому народу было очевидно для всех.

Было ясно, что независимость Польши может быть обеспечена лишь при условии установления дружествен-

ных, добрососедских отношений с Советской Россией, страной, во главе которой встали Ленин и Сталин — великие борцы за свободу всех народов.

Однако в Польше при поддержке иностранного империализма к власти пришли представители буржуазии и помещиков. Они на всех перекрестках кричали о своем патриотизме, но на деле постоянно предавали национальные интересы польского народа. Они не хотели дружественных отношений с советским государством. Идя на поводу у правительств США, Англии и Франции, они втянули Польшу в братоубийственную войну против Советской республики, пытались захватить украинские и белорусские земли. На протяжении всего межвоенного двадцатилетия польские правящие круги проводили антисоветскую политику, характерной чертой которой была ориентация на ту империалистическую державу, которая в данный момент возглавляла крестовый поход против СССР. В первый послевоенный период, когда на роль гегемона в борьбе против Советского Союза претендовала Франция, буржуазно-помещичья Польша ориентировалась на Францию. Когда в период Локарно тон в антисоветских провокациях начала задавать Англия, она переориентировалась на Англию. Когда же власть в Германии захватил Гитлер, санационные правители Польши бросились в его объятия.

Правящий лагерь буржуазно-помещичьей Польши в течение всего периода своего господства раболепствовал перед финансовой олигархией Соединенных Штатов, которые уже тогда стремились к мировому господству, к объединению усилий агрессивных государств и направлению их против Советского Союза.

Прогитлеровская политика Пилсудского, Рыдз-Смиглы и Бека содействовала осуществлению планов Гитлера, стремившегося к порабощению народов Европы. Эта политика содействовала захвату Гитлером Австрии и Чехословакии, в результате чего Польша оказалась в полуокружении врага. Эта политика имела своим конечным результатом сентябрьскую катастрофу 1939 года.

Автор рекомендуемой читателю книги со всей убедительностью доказывает, что Бек и его сообщники и не помышляли о том, чтобы оторваться от гитлеровской колесницы даже тогда, когда каждому не искушенному

в политике человеку было ясно, что Гитлер нападет на Польшу.

После нападения Гитлера на Польшу полностью выявилась предательская сущность политики западных держав. Никакой военной помощи Польша от них не получила. В результате отказа польской реакции принять помощь Советского Союза Польша оказалась в полном одиночестве.

Нельзя спокойно читать приведенные в книге документы о трагических днях сентября 1939 года. Сколько цинизма и лицемерия в заявлениях официальных представителей Англии, сделанных при переговорах с польской военной миссией по вопросу об отправке в Польшу вооружения и военного снаряжения! В дни, когда плохо вооруженная польская армия таяла, как снежный ком, под натиском лавины германских танков, когда пылала столица Польши Варшава, защищаемая гражданским населением, представитель английского генштаба обещал прислать Польше первую партию самолетов через... несколько месяцев, хотя от Лондона до Варшавы всего несколько часов полета.

Американо-английские и французские империалисты достигли своей цели: Гитлер захватил Польшу. В Вашингтоне, Лондоне и Париже министры потирали руки от удовольствия: гитлеровская армия еще на несколько сот километров продвинулась на Восток, вплотную подошла к границам Советского Союза.

Изменники польского народа, торговцы его независимостью, совестью и честью поспешно, как воры, бежали из страны. А народ остался в неволе. Эта неволя длилась пять лет. Пять страшных лет томился польский народ под игом фашистской оккупации. Миллионы жертв и неисчислимые страдания, Майданеки и Освенцимы, Тремблинки и Матхаузены, национальное порабощение, голод и ужасающая нищета — таковы были результаты политики буржуазно-помещичьих правителей досентябрьской Польши и их американо-английских вдохновителей.

* * *

Сентябрьская катастрофа и ее последствия открыли глаза тем из простых людей Польши, кто долгое время

заблуждался. Польский народ единодушно стал на защиту национальной независимости и свободы своей родины. Вот почему никакие антисоветские маневры, никакая ложь и клевета на Советский Союз не произвели впечатления на широкие массы польского народа. Он понял, что освобождение его родины может прийти только с Востока и что дружба с СССР является залогом его свободного существования.

Польский народ прочно встал на новый путь, путь строительства светлого социалистического будущего. Быстро ликвидируется вековая экономическая отсталость страны. Вдохновенным, самоотверженным трудом польский народ, руководимый Польской объединенной рабочей партией во главе с Болеславом Берутом, превращает свою родину из страны аграрной в страну индустриально-аграрную, в страну высокой техники, в страну изобилия и передовой культуры.

В. Павлович.

ОТ АВТОРА

Целью настоящей книги является показ возрождения германского империализма после первой мировой войны и тем самым раскрытие причин второй мировой войны и — если говорить о Польше — трагической сентябрьской катастрофы. Этот вопрос относится, несомненно, к числу самых существенных проблем истории межвоенного двадцатилетия потому, что объективный анализ корней и источников гитлеровской агрессии должен привести к тому неопровержимому выводу, что ответственность за вторую мировую войну несет не только германский империализм, но в равной мере и весь лагерь международного империализма и прежде всего англо-американский империализм. Выяснение способов подготовки второй мировой войны, выяснение роли, которую сыграл международный и англо-американский империализм в подталкивании Гитлера к агрессии, должно способствовать более глубокому и более полному пониманию тех преступных планов, которые американские торговцы смертью пытаются осуществить сегодня в рамках так называемого Атлантического пакта. Основой агрессивных планов руководителей Атлантического пакта — американских империалистов — является возрождение фашизма в Западной Германии, использование гитлеровских военных преступников для воссоздания вермахта,

разжигание различного рода неогитлеровских стремлений к реваншу, к войне против Советского Союза и стран народной демократии и, в частности, против Польши.

Этим объясняется актуальность проблем, являющихся темой настоящей работы. Рассмотрение этих проблем должно иметь особенно большое значение для польского читателя. Историческая правда о двадцатилетии между первой и второй мировыми войнами полностью раскрывает антипольский характер политики мирового империалистического лагеря, в особенности же англо-американского империализма, а также политики нашей отечественной реакции, которая была послушным орудием в руках циничных главарей международного капитала, торговавших трудом, кровью и жизнью нашего народа. В трагические дни сентября 1939 года польский народ был вынужден испытать на себе последствия преступной политики как внутренней, так и иностранной реакции.

Полной противоположностью империалистической политики войны и продажи национальных интересов в период межвоенного двадцатилетия была последовательная политическая линия Советского Союза, единственного государства, которое в течение всего указанного времени стремилось создать действительную преграду против гитлеровской агрессии. Показ этих двух принципиально противоположных линий в международной политике межвоенного двадцатилетия имеет существенное значение для понимания основных особенностей современного международного положения.

Данная работа, которая, конечно, не претендует на рассмотрение всех вопросов истории международных отношений межвоенного двадцатилетия, а ставит своей задачей лишь выяснение главных линий развития этих отношений, опирается в значительной своей части на материалы документального характера (материалы дипломатических архивов, дневники и высказывания руководя-

щих внешнеполитических деятелей, сообщения печати и т. п.). В настоящей книге в значительной мере использованы материалы, опубликованные в свое время в работах В. Бруса («От Версаля до Тризони», Варшава, 1948) и М. Станевича («Сентябрь, 1939», Варшава, 1949), а также опубликованные в последнее время в Польше и за границей материалы и документы, касающиеся интересующего нас вопроса. Настоящая работа содержит относительно большое количество цитат и фактических данных, ибо автор стоит на той точке зрения, что выяснению исторической правды лучше всего служит объективный язык фактов и документов.

Настоящая работа состоит из двух основных частей. Первая часть посвящена характеристике политики западных государств — Англии, Соединенных Штатов Америки и Франции, — всеми силами поддерживавших агрессивные планы германского империализма. Вторая часть рассматривает антинародную политику буржуазно-помещичьих правительств досентябрьской Польши.

В обеих частях книги подчеркивается мирная политика СССР, отвечающая жизненным интересам народов Европы и всего мира, в частности интересам польского народа.

М. С.

Варшава, август 1951 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ПОЛИТИКА ЗАПАДНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА —
ДВИЖУЩАЯ СИЛА ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ**

Глава 1

Версаль—зародыш сентября

Десятью миллионами убитых, десятками миллионов сирот и калек, руинами и пепелищами заплатило человечество за первую мировую войну (1914—1918 годов). Эта страшная бойня была развязана единственно и исключительно во имя захватнических интересов двух империалистических блоков, боровшихся за установление мирового господства. Главной силой государств Антанты (коалиции) был англо-франко-американский империализм, который втянул в орбиту своего влияния также царскую Россию. На другой стороне стоял кайзеровский германский империализм вместе с главными своими союзниками — габсбургской Австро-Венгрией и Турцией.

В круг наших задач не входит анализ причин первой мировой войны, характеристика противоречий между обоими блоками и внутри каждого из них и т. д. Тем не менее необходимо со всей силой подчеркнуть, что, вопреки распространявшимся у нас в межвоенный период утверждениям о якобы благородных, справедливых намерениях некоторых воюющих государств (прежде всего это старались отнести к Франции и Соединенным Штатам Америки), война имела с обеих сторон захватнический характер, причем каждый из ее главных участников стремился к возможно большим завоеваниям не только за счет противников, но и за счет союзников. Это полностью относится также к американским империалистам, которые в первый период войны оставались «нейтральными», стремясь ослабить обе воюющие стороны, и извлекали сказочные прибыли из военных поставок. Соединенные Штаты Америки намеревались вступить в войну в последний момент с тем, чтобы продиктовать условия воевав-

шим державам. Некоторое ускорение вступления Америки в войну (6 апреля 1917 года) было вызвано опасением, что добыча может ускользнуть из ее рук. Политика американского правительства с первого и до последнего дня войны была направлена к одной цели: осуществлению империалистических планов мирового господства. Это явствует из слов и действий ведущих американских политиков того времени с президентом Вильсоном во главе. Это особенно ясно видно из позиции американской делегации на Парижской мирной конференции (о чем будет сказано ниже).

Первая мировая война закончилась поражением германского империализма и победой Антанты. Однако мы совершили бы существенную ошибку, если бы рассматривали этот факт как главную особенность международного положения, создавшегося после окончания войны. Из первой мировой войны вышел побежденным не только немецкий империализм. Поражение потерпел весь империалистический лагерь. Важнейшим моментом всемирно-исторического значения явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, победа, означавшая первый и решающий прорыв в цепи мирового империализма. «...Империалистическая война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие... капитализм уже не представляет **единственной и всеохватывающей** системы мирового хозяйства... наряду с **капиталистической** системой хозяйства существует **социалистическая** система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы»¹.

Победа Октябрьской революции означала поражение мирового империализма в том смысле, что одним ударом она лишила его возможности эксплуатировать огромную территорию, составляющую шестую часть земного шара. Победа Октябрьской революции означала — что особенно важно — коренное поражение мирового империализма, заключающееся в том, что в результате этой победы наряду с империалистическим лагерем эксплуатации,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 246.

угнетения и войны вырос новый, социалистический лагерь социальной справедливости, национальной свободы и мира. Борьба этих двух лагерей на международной арене стала с тех пор основным элементом современной истории, основным фактором, определяющим весь комплекс политических отношений.

Это положение нашло полное подтверждение уже с первого момента существования советской власти.

Советская республика сразу же выставила лозунг мира. При этом, в противоположность фальшивым буржуазным декларациям о мире, Советская Россия создала для народов России, как и других народов земного шара, реальные условия мирного сосуществования.

Первым декретом советского правительства был декрет о мире (8 ноября 1917 года). Советское правительство обратилось ко всем воюющим странам с предложением немедленного прекращения военных действий. В связи с тем, что государства Антанты игнорировали этот исторический призыв, советское правительство самостоятельно заключило мир с Германией в Брест-Литовске, выведя тем самым Россию из войны. Одновременно на основании декрета о мире советское правительство порвало с империалистическими методами тайной дипломатии и в течение 5—6 недель опубликовало секретные документы царского министерства иностранных дел. Эти документы, среди которых находились также тайные договоры между Францией, Англией и царской Россией о послевоенном разделе мира, а также материалы о дипломатической деятельности послов США, Англии и Франции в России, раскрыли перед всем миром истинный, грабительский характер войны.

Первые шаги новой, советской дипломатии произвели огромное впечатление во всем мире. Народные массы, которых до сих пор официальная пропаганда и правые социалисты пичкали ложью об оборонительном, справедливом характере войны, полностью осознали империалистические устремления правительств, посылавших на бойню миллионы людей.

Заключение мира, путь к которому указала Советская Россия, должно было оказать и действительно оказало влияние на рост антивоенных настроений, на рост революционного сознания широких народных масс.

Убедилось в этом и немецкое командование, когда оно попыталось перебросить часть солдат на западный фронт. Прибытие этих солдат, «заразившихся» в результате соприкосновения с русским революционным антивоенным духом, не только не принесло ожидаемого усиления немецкой армии на Западе, а, наоборот, значительно ослабило ее.

Установление советской власти, ее первые шаги в области внешней политики и вызванные этим результаты породили значительное беспокойство в лагере империалистов. Правительства империалистических государств, которые не хотели примириться ни с фактом свержения в России власти буржуазии и помещиков, ни тем более с выступлениями советского правительства за установление мира, поспешно начали искать средства к спасению. Инициативу в этой области взяли на себя Соединенные Штаты Америки, становившиеся уже тогда во главе мирового империалистического лагеря.

Президентом Соединенных Штатов Америки был в то время Вудро Вильсон, профессор истории и теории государства. Вильсон слыл либералом, человеком, стремившимся к всеобщему равенству и свободе. Такое именно мнение о Вильсоне как о либерале и благородном мечтателе-утописте пыталась закрепить буржуазная историография. В действительности же это был типичный представитель интересов крупных монополий, последовательный исполнитель планов экспансии американского империализма. Период пребывания Вильсона на посту президента характеризовался особенно жестокими преследованиями рабочего класса (разгромы профсоюзов, заключение в тюрьму руководителей рабочего класса, в том числе Евгения Дебса, кровавое подавление забастовок и т. п.).

Именно в тот период развило свою деятельность пресловутое ФБР (Федеральное бюро расследований), которое стало американским гестапо и снискало позорную славу в борьбе против так называемой «антиамериканской деятельности». 1 августа 1919 года был создан так называемый «антирадикальный отдел», который быстро превратился в «общий разведывательный отдел». Руководство этой ячейкой, которая стала основным звеном ФБР, взял на себя Эдгар Гувер, нынешний руководитель ФБР,

кандидат на роль американского Гиммлера. В 1919—1920 годах ФБР провело первую крупную кампанию по истине фашистских преследований, известных под названием «облавы Пальмера», имевших целью отпугнуть американских граждан от участия в прогрессивных организациях. «Облавы Пальмера», во время которых было арестовано более 10 000 человек, проводились с небывалой жестокостью. Именно тогда ФБР произвело также незаконный арест (а несколько лет спустя казнь) двух итальянских рабочих — Сакко и Ванцетти,— единственным преступлением которых были прогрессивные убеждения. Это преступление американского «правосудия» отдалось громким эхом по всему миру. ФБР зверски расправлялось также с бастовавшими рабочими (например, подавление крупных забастовок горняков и железнодорожников в 1920 году). Уже в период пребывания Вильсона на посту президента ФБР протянуло свои щупальцы за границу, устанавливая, между прочим, контакт с тогдашней польской полицией.

Так выглядела деятельность «либерального» президента Вильсона на внутренней арене. Так же выглядел этот «либерализм» во внешней политике.

В 1915 году «благородный защитник мира» послал карательную экспедицию на остров Гаити, население которого выступило против американского господства. В 1916 году в результате вооруженной интервенции Мексика была вынуждена подчиниться американским нефтяным королям. Вторично избранный президентом в 1916 году (под лозунгом сохранения «нейтралитета» США в войне), Вильсон несколькими месяцами позже выступил за участие в войне на стороне Антанты, что соответствовало интересам крупных монополий, которые вложили свои капиталы в займы, предоставленные государствам Антанты, а также в военную промышленность.

8 января 1918 года, когда советское правительство начало публиковать секретные документы, Вильсон выступил со своей программой мира, которая должна была явиться противовесом ясно сформулированным в декрете II съезда Советов положениям о мире «без аннексий и контрибуций». Эту программу он изложил в форме «14 пунктов», которые были разрекламированы буржуазными историками как «начало новой эры в международ-

ных отношениях»¹. В действительности туманная «демократическая» форма, в которой были изложены «14 пунктов», должна была служить средством маскировки действительных целей империализма вообще и американского империализма в частности; «14 пунктов» выражали, во-первых, стремление к созданию платформы для объединения сил империалистов в целях борьбы против Советской России, во-вторых, стремление облегчить американскому империализму борьбу за мировое господство вопреки интересам его союзников, прежде всего Англии (например, пункт 2, трактовавший о «свободе морей», открыто направленный против английских интересов). Сам Вильсон следующим образом характеризовал свои «14 пунктов»: «Яд большевизма,— говорил он своему секретарю,— только потому получил такое распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на Мирной конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом!»

Истинный характер пресловутых «14 пунктов» особенно ярко проявился по отношению к России. Пункт 6 высокопарно гласил, что России будет обеспечена полная свобода выбора системы правления; одновременно же Вильсон заявил, что «большевизм является единственным врагом, против которого необходимо мобилизоваться», и приступил к широко запланированной интервенции против Советской России.

«В период после октябрьского переворота в России, когда царские реакционные генералы, окопавшись на окраинах России, рвали Россию на части, правительство США вместе с правительствами Англии, Франции и некоторых других государств вмешалось во внутренние дела Советской страны, выступило на стороне реакционных царских генералов, чтобы не допустить объединения нашей Родины под эгидой Советского правительства. Правительство США также не остановилось перед вооруженной интервенцией, послав свои войска на Советский Дальний Восток и в район Архангельска. Американские войска, вместе с войсками некоторых других стран,

¹ Пункт 13, касающийся Польши, будет рассмотрен во второй части книги. — *Прим. автора.*

активно помогали русским царским генералам — Колчаку, Деникину, Юденичу и другим — в их борьбе против советской власти, расстреливали русских рабочих и крестьян, занимались грабежом населения»¹.

Еще за десять месяцев до окончания войны с Германией американские империалисты разработали планы использования немецких войск в борьбе против Советской России. Американская комиссия по изучению условий будущего мира писала в меморандуме от 22 декабря 1917 года: «В настоящее время ввиду поражения России направлением наиболее легкого продвижения Германии является восток. Данный момент предоставляет Германии шансы воспользоваться открывшимися здесь для нее возможностями. Это вполне может побудить ее решиться на жертвы на юго-востоке, на западе, на других континентах и на отдаленных морях с тем, чтобы обеспечить контроль над Россией».

Таким образом, уже в то время был намечен план, который мировой империализм, в первую очередь англо-американский империализм, осуществлял в течение всего межвоенного двадцатилетия и которого он придерживается также сегодня: не уничтожать немецкий империализм, а оказывать ему помощь в экспансии на Восток под руководством западных государств с Соединенными Штатами Америки во главе.

Первый конкретный шаг в этом направлении был сделан при выработке условий перемирия.

В момент капитуляции Германии германские войска находились далеко на востоке, ведя в нарушение Брест-Литовского договора вооруженную борьбу против Советской России по всему фронту. Германия оккупировала Украину, намеревалась захватить кавказские нефтяные источники, угрожала Петрограду. Войска генерала фон дер Гольца оккупировали Прибалтику, подавляли революцию в Латвии, Эстонии и Финляндии, активно помогали русским белогвардейцам.

11 ноября 1918 года в вагоне в Компьене (близ Парижа) были подписаны условия перемирия между воюющими сторонами. От имени союзников выступал главным командующий, французский маршал Фердинанд Фош.

¹ Заявление А. А. Громыко об американской вооруженной интервенции в Корею. «Правда», 4 июля 1950 года.

Условия перемирия, подписанные 11 ноября 1918 года, не означали безоговорочной капитуляции. Германия капитулировала на определенных условиях, которые сводились, главным образом, к передаче известного количества вооружения, транспортных средств и некоторых типов машин, а также к эвакуации германских войск с чужих территорий, занятых к моменту перемирия. Если говорить о последнем пункте (к некоторым другим мы еще вернемся), то он был сформулирован таким образом, чтобы обеспечить участие Германии в интервенции против Советской России. Германия должна была немедленно вывести свои войска с территорий, занятых ею на Западе (при этом часть немецкой территории — Рейнская область — подлежала даже оккупации войсками союзников). Предусматривался также немедленный вывод германских войск из Австрии, Венгрии, Румынии и Турции. Вместе с тем в отношении России статья 12 условий перемирия гласила: «Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, до войны входивших в состав России, должны равным образом вернуться в пределы Германии... как только союзники признают, что для этого настал соответствующий момент, приняв во внимание внутреннее положение на этих территориях». Эта формулировка означала не что иное, как военный союз Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции и других стран Антанты с Германией для борьбы против Советской России. Всякие сомнения в этом вопросе рассеивает совершенно ясное высказывание тогдашнего государственного секретаря США Лансинга, заявившего: «... Союзные и объединенные державы являются на основе перемирия союзниками Германии в Прибалтийских провинциях». Более того, как сообщала американская газета «Нью-Йорк таймс» от 4 января 1919 года, Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция предъявили Германии «ультиматум о том, что германские войска должны не только предотвратить дальнейшее наступление большевиков, но и одновременно вновь захватить ряд городов в Прибалтике». Ленин говорил в ноябре 1918 года: «Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии, потому

что, хотя они и враги германского империализма, но эти войска делают их дело: они подавляют большевиков»¹.

В соответствии со статьей 12 условий перемирия, в Прибалтике была оставлена вся 6-я германская армия, насчитывавшая 75 000 солдат и офицеров под командованием упоминавшегося уже генерала фон дер Гольца. О задачах этих войск писал один из членов американской военной миссии на этих территориях: «Соединенные Штаты, Англия и Франция, враждебно относящиеся к большевизму, согласились на пребывание германских войск в прибалтийских странах на основании статьи 12 условий перемирия, которая специально предусматривает необходимость пребывания германских войск в этих странах... для борьбы против большевиков». В ноябре 1918 года по требованию Антанты германские войска, находившиеся на Ближнем Востоке, были переброшены на Украину и на Кавказ. К началу января 1919 года в Николаеве (порт на юге Украины) находилось 8 000 германских солдат и офицеров, на Кавказе — более 25 000.

Американские военные миссии заботились о снабжении германских войск, боровшихся против Советской России. Глава американской военной миссии в Прибалтике подполковник Грин писал 11 апреля 1919 года в рапорте из Либавы:

«Поскольку Германия, в соответствии с условиями перемирия, держит в боевой готовности войска для борьбы против большевиков, главная задача состоит в том, чтобы ей были предоставлены соответствующие возможности для снабжения этих войск».

Именно так использовала Антанта статью 12 условий перемирия.

Но этим, конечно, вопрос не был исчерпан. Чтобы использовать кайзеровскую германскую армию для борьбы против Советской России и подавления революционного движения в Европе, необходимо было обеспечить победу сил реакции в самой Германии, необходимо было утопить в крови борьбу германского народа, который хотел на руинах империи создать действительно свободное, демократическое, миролюбивое государство.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 129.

С самого начала правительства Соединенных Штатов, Англии и Франции, опираясь на германскую военную клику и правых руководителей социал-демократии, делали все, чтобы Веймарская республика стала инкубатором обновленного германского империализма. Поэтому условия перемирия отнюдь не предусматривали демобилизации и разоружения германской армии. Напротив: германские войска с западного фронта должны были в полном составе вернуться в Германию, чтобы подавить там революционное движение.

Командование армии союзников с маршалом Фошем во главе упорно противилось всяким попыткам демобилизации и разоружения германской армии. Германская армия возвратилась в страну как сила, готовая для борьбы. (Прусские милитаристы в связи с этим сочинили и распространяли миф о том, что германская армия не была побеждена на поле битвы, а была вынуждена капитулировать в результате... «удара ножом в спину», нанесенного революцией.) Более того, представители Германии моментально выразили готовность служить Антанте и использовали это для дальнейшего смягчения условий перемирия. Как писал сотрудник французского премьера Клемансо на мирной конференции Андрэ Тардье, Фош согласился на ряд уступок, в том числе и в вопросе о вооружении, которое Германия должна была передать союзникам. «По техническим соображениям, — пишет Тардье, — маршал Фош сделал Эрцбергеру [руководитель немецкой делегации.— М. С.] три уступки: вместо 30 000 пулеметов согласился на передачу 25 000; вместо 2 000 самолетов — 1 700; вместо 10 000 грузовых автомашин — 5 000».

Постепенно Эрцбергер получал от Фоша дальнейшие уступки, причем мотивы потворства были отнюдь не «технического» характера. Вот один характерный эпизод, рассказанный Эрцбергером:

«Я отправился в 11 часов к маршалу Фошу на вокзал, где сообщил противникам только что полученное известие об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург. Это сообщение произвело на всех присутствующих глубокое впечатление. Я тотчас же заявил, что выдача сельскохозяйственного материала до 1 марта 1919 года невыполнима: она разрушила бы немецкое сель-

ское хозяйство и сделала бы невозможной будущую жатву».

Фош согласился. Германская дипломатия обменяла кровь Либкнехта на машины.

3 сентября 1919 года тогдашний военный министр Германии, социал-демократ Носке, «прославившийся кровавым подавлением революции, заявил в Дармштадте, что, принимая во внимание угрозу «беспорядков», союзники согласились отсрочить ликвидацию германской армии. Месяцем позднее Клемансо заявил в парламенте, что с согласия генерального штаба он удовлетворил просьбу Носке относительно оставления в распоряжении германской армии большего количества пулеметов. Будущий министр иностранных дел Франции Барту сразу же расшифровал эти слова Клемансо, заявив, что речь идет о 5 000 пулеметов. По данным парижской газеты «Тан», берлинский гарнизон насчитывал в то время 50 000 человек, в то время как в период империи насчитывал не более чем 12 000.

Один из видных французских политических деятелей Пенлеве следующим образом оценил позднее последствия позиции, занятой США, Англией и Францией в момент капитуляции Германии:

«Если бы германские солдаты вернулись домой без единого орудия, без единого пулемета, как толпа демобилизованных, то это явилось бы ошеломляющим подтверждением поражения, понесенного на поле боя, неопровержимым доказательством, что доктрина прусского милитаризма привела Германию к капитуляции и позору... Почему не сделано этого? Потому, что у наших тогдашних руководителей дух консерватизма взял верх над духом демократии. Потому, что опасались силы революционных республиканцев. Одним словом, потому, что опасались немецкого большевизма».

Германские реакционеры хорошо поняли смысл политики западных империалистов и сделали из нее недвусмысленные выводы. Так, например, реакционный немецкий военный историк Ганс Дельбрюк писал уже в марте 1919 года в связи с создавшимся положением:

«Мы снова обретем силу... Наступит день и час, когда мы потребуем возврата всего того, что у нас отобрано».

В ожидании этого «дня и часа» германская реакция всю свою активность направила на подавление революции, пользуясь при этом всесторонней помощью правительств союзных государств. Помощь эта была разнообразна; оказывалась, в частности, экономическая помощь. Несомненно, однако, что наибольшее значение имела подчеркнутая выше передача армии в распоряжение германской реакции (и ее социал-демократических марионеток), благожелательное отношение к различным фашистским милитаристским организациям и т. д.

Вот несколько фактов для иллюстрации этого положения. В 1924 году одна из консервативных немецких газет выступила против тогдашнего президента Германской республики, правого социал-демократа Эберта, обвиняя его в соучастии в германской революции 1918 года. Эберт возбудил дело против автора статьи на том основании, что последний... обесчестил его. Во время судебного заседания в качестве свидетеля выступал в числе других военный министр Веймарской республики, один из руководителей рейхсвера, генерал Грёнер, который сыграл немаловажную роль в подавлении революции. Защищая Эберта от «бесчестия», Грёнер рассказал о своем закулисном сотрудничестве с оскорбленным руководителем социал-демократов:

«Мы стали союзниками в борьбе против большевизма... Ежедневно между 11 часами и часом ночи мы поддерживали телефонную связь по секретному кабелю, соединявшему главное командование с канцелярией президента республики. Речь шла о том, чтобы вырвать власть в Берлине из рук Советов рабочих и солдат. 10 дивизий должны были войти в Берлин. Эберт согласился с этим, дав одновременно согласие на стрельбу боевыми патронами. Мы разработали программу, которая предусматривала очищение Берлина после вступления в него войск. Этот вопрос также обсуждался с Эбертом, которому мы особенно благодарны».

Эберт и другие руководители социал-демократии активно поддерживались американскими империалистами. Небезызвестный агент американского монополистического капитала Буллит, специально направленный Вильсоном в Германию для обеспечения успешной борьбы с революцией, доносил своим хозяевам: «Если мы не

окажем достаточной поддержки правительству Эберта, Германия станет большевистской». Государственный секретарь США Лансинг также требовал оказания немедленной помощи «правительствам Пруссии и Баварии, которые находятся в руках социал-демократов». Союз американских империалистов, реакционной юнкерско-военной клики и правых руководителей социал-демократии образовал бронированный кулак, который со всей силой обрушился на германский народ, жестоко подавляя революцию.

Подавлением революции в период 1918—1923 годов занялись специально отобранные части бывшей императорской армии, возглавляемые такими людьми, как известный руководитель монархистов генерал фон Лютвиц, Росбах (позднее один из активнейших гитлеровцев), фон Пфеффер (позднее командующий отрядами СА), фон Анлок (произведенный Гитлером в генералы), фон Эпп (гитлеровский наместник в Баварии) и т. п. Руководителями похода против революции были главарь юнкерства и крупного капитала, среди которых постоянно находились такие люди, как Крупп, Тиссен, Стиннес и другие. Союзнические власти всеми средствами помогали контрреволюции.

Полковник Хант, один из ответственных политических руководителей американских вооруженных сил в Германии, писал в своем отчете об оккупации Кобленца в 1919 году:

«Для Германии было счастьем, что удалось сорвать планы независимых социалистов. Большинство прежних императорских офицеров осталось на своих должностях. В оккупированных районах по условиям перемирия было разрешено дальнейшее пребывание их на своем посту... В результате оккупационная армия располагала хорошо подготовленной группой офицеров для проведения в жизнь своих приказов и желаний. Во многих случаях эти офицеры встречали с радостью наше прибытие, видя в нем укрепление своего авторитета, подорванного революцией».

Одним из главных инспираторов политики союзников был Уинстон Черчилль, тогдашний военный министр английского правительства. По требованию Черчилля в Берлин был направлен в качестве английского посла

лорд д'Абернон, который играл видную политическую роль в начале послевоенного периода. 7 ноября 1920 года лорд д'Абернон записал в своем дневнике:

«Считаю французское требование о полном разоружении организации гражданской обороны [крайне националистическая милитаристская организация.— М. С.] и подобных ей организаций сумасшествием. Это значит подрубать сук, на котором сидишь. Кульминационная точка военной опасности пройдена, и единственной реальной опасностью, которая угрожает Германии, являются коммунистические беспорядки».

23 ноября того же года находим следующую запись:

«Организация гражданской обороны и «Оргэш» [так называемая «организация Эшериха» — вторая крайне националистическая организация.— М. С.] являются в основном монархическими и милитаристскими... Я, однако, считаю опасность, угрожающую со стороны левых, значительно большей, чем со стороны правых.

...Эти организации могут, безусловно, оказать помощь в поддержании порядка».

Суждения лорда д'Абернона, который шел вместе с Уинстоном Черчиллем и другими, безусловно, не остались без последствий как в тот, так и в последующий период. В тесной связи с попытками удушить германскую революцию находились, как мы видели, такие решения союзников, как обеспечение полной свободы действий националистическим воинским частям, разрешение возвратиться в Германию всей армии, игнорирование факта существования «черного рейхсвера», ставшего позднее основой гитлеровской армии. Нетронутым оставался генеральный штаб во главе с создателем милитаристской концепции германского реваншизма генералом Сектом.

Но зато от Германии была отодвинута опасность «большевизма», зато погибли от рук офицеров фон Лютвица Карл Либкнехт и Роза Люксембург, зато генерал Сект разгромил при помощи социал-демократов демократические правительства Саксонии и Тюрингии в 1923 году. Веймарская республика, «спасенная» таким образом от революции, не ликвидировала, конечно, ни экономических, ни политических основ германского империализма. Нетронутые общественно-экономические отношения в городе и деревне, фактически нетронутый

государственный аппарат, засилье военной клики — вот почва, на которой могли развить свою деятельность руководители крупного капитала и юнкерства: тиссенсы, стиннесы, шредеры, гинденбурги. Это была почва, на которой вырос впоследствии гитлеризм.

Именно таким образом государства Антанты готовились к мирной конференции, которая должна была, по их планам, заменить империалистическую войну империалистическим миром. За столом конференции в Париже империалисты приступили к новому разделу мира:

В мирной конференции в Париже (18 января — 28 июня 1919 года) формально принимали участие 27 государств. Однако руководство конференцией было сосредоточено в руках так называемого Совета десяти, состоявшего из глав правительств и министров иностранных дел пяти государств: США, Англии, Франции, Италии и Японии. Практически принимаемые решения исходили от так называемой «большой тройки» — президента США Вильсона, премьер-министра Англии Ллойд Джорджа и премьер-министра Франции Клемансо. Другие государства участвовали в конференции, собственно, в качестве шахматных пешек, передвигаемых по воле «большой тройки», или в роли просителей, ожидающих милостивых решений со стороны государств «большой тройки». Так выглядело «равноправие», которое провозглашал Вильсон, так выглядел демократизм конференции, которая должна была якобы положить начало новой эры в мировой истории.

Советская Россия вообще не была допущена к участию в конференции. Империалистические заправилы безоговорочно лишили представительства народ, который понес огромные жертвы в войне против кайзеровской Германии. Этот факт сразу же определил характер конференции и характер Версальского договора, послужившего наглядным опровержением лицемерных лозунгов о прочном и справедливом мире.

Парижская конференция с первого же момента явилась ареной острой борьбы, она стала возмутительным сборищем торгашей, на котором члены «большой тройки» перепродавали друг другу целые страны и народы, перекраивая карту мира и яростно борясь между собой за каждую позицию. Противоречия между США и

Францией (а также Италией и Японией) настолько обострились, что неоднократно нависала угроза срыва конференции.

Американский империализм доказал на конференции свою агрессивность. За пышной фразеологией президента Вильсона скрывалась программа борьбы за мировое господство. Война в значительной степени укрепила позиции американского империализма. США из страны, ввозившей капитал, превратились в крупнейшего экспортера капитала, в главного кредитора капиталистического мира, в том числе также и в кредитора Англии. Располагая большой и свежей (ибо она прибыла в Европу только в последней фазе войны) армией, Соединенные Штаты намеревались на конференции попросту продиктовать свои условия. Однако они натолкнулись на яростное сопротивление со стороны своих контрагентов, в особенности Англии, которая сама претендовала на роль гегемона.

Парижская конференция со всей силой подчеркнула англо-американские противоречия. Однако одновременно на конференции проявились также тенденции к объединению англо-саксонских империалистов против остальных конкурентов, особенно против Франции. Опасаясь чрезмерного роста могущества Франции в Европе, англичане выступали в защиту германского империализма, находя в этом отношении поддержку со стороны США, поскольку американский капитал, тесно связанный с германским капиталом, был заинтересован в сохранении империалистической Германии как партнера и выгодного опорного пункта для своей экспансии в Европе.

Франция, для которой немецкая экспансия являлась непосредственной угрозой, выступала на Парижской конференции поборником расчленения Германии, лишения ее ряда территорий в Рейнской области, обложения репарационными платежами и т. д. Однако французская делегация не осуществила своих намерений и, в конечном счете, активно сотрудничала в разработке договора, который явился исходным пунктом возрождения германского империализма вопреки национальным интересам Франции и других народов Европы. Клемансо подобно Вильсону и Ллойд Джорджу фактически оказал активную поддержку усилиям германских реакционеров

в их борьбе за максимальное сохранение сил и за подготовку исходных позиций для новой агрессии.

В чем заключалась причина того непонятного, на первый взгляд, явления, что, несмотря на острые взаимные противоречия, все три западных империалистических государства в конечном счете сотрудничали между собой в проведении политики сохранения и возрождения германского империализма? Существенную роль сыграл, несомненно, тот факт, что как американский и английский капитал, так и капитал французский были связаны узами непосредственных интересов с крупными германскими монополистическими объединениями. Взаимоотношения между монополистами обеих борющихся сторон не прекращались ни на минуту во время войны, а после ее окончания эти связи заметно укрепились.

Однако решающим фактором, определившим характер самого Версальского мирного договора и политику западных государств в послеверсальский период, был так называемый «русский вопрос», под которым империалисты понимали как борьбу против Советской России, так и борьбу против всего революционного движения в капиталистических странах и национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Ненависть к борющимся за свое освобождение народным массам, и прежде всего ненависть к стране, в которой победил народ, к Советской России, вот что руководило политикой США, Англии и Франции, вот что, в первую очередь, заставляло их идти на возрождение агрессивной империалистической Германии как силы, которая должна была задержать растущую волну народных движений и сокрушить Советский Союз.

Шесть лет спустя Габриэль Пери, один из руководителей французской коммунистической партии и движения сопротивления, убитый гитлеровцами в период оккупации, писал о положении на другой конференции (в Локарно):

«В час открытия конференции у дипломатических представителей есть лишь одна общая черта: их ненависть к большевизму и к Советскому государству».

Эти слова можно полностью отнести также к Парижской конференции. Противоречия между государствами Антанты, как и противоречия между лагерем победите-

лей и побежденной Германией, обнаружилось со всей силой, но они отступали на задний план перед необходимостью борьбы с общим врагом, которого эти страны видели в лице Советского Союза и всего международного лагеря прогресса.

Парижская конференция была посвящена вопросу мирного договора с Германией. Советская Россия, как мы знаем, даже не была допущена на эту конференцию. Но, несмотря на это, можно без всякого преувеличения заявить, что вопросом, который доминировал в Париже, был именно «русский вопрос». Этой проблеме было посвящено, по существу, все.

Вот что говорит один из английских участников конференции Диллон:

«Во время мирной конференции большевизм занимал видное место среди международных вопросов. Некоторые из делегатов боялись его, как чорта; другие использовали этот вопрос как орудие, третьи — как угрозу. Если когда-нибудь кто-либо из делегатов одной из меньших стран чувствовал, что теряет почву под ногами за столом переговоров о мире и что требования его страны могут быть урезаны как чрезмерные, он начинал многозначительно указывать на определенные признаки распространения большевизма на его родине и характеризовал их как неизбежные результаты разочарования народа. Поэтому представители почти каждой страны, имевшей в своей программе территориальные вопросы, заявляли, что эта программа должна быть проведена в жизнь, если хотят избежать победы большевизма. «Или это, или большевизм» — этими словами заканчивались выступления многих из делегатов».

Хотя Германия и не принимала непосредственного участия в конференции, тем не менее совершенно ясно, что в первую очередь германское правительство использовало этот прием по отношению к «большой тройке». Такое положение вещей с двух точек зрения отвечало интересам германской реакции: во-первых, потому, что германские, точно так же как и другие империалисты были заинтересованы в борьбе против Советской России и революционного движения; во-вторых, потому, что стремление к борьбе против Советской России было в руках теоретиков и практиков германского реваншизма

излюбленным средством шантажа, применяемого ими постоянно и с полным успехом как во время Парижской конференции, так и в течение всего периода между двумя мировыми войнами. Реакционный германский политик Вальтер Ратенау давал следующие советы ближайшему сотруднику Вильсона полковнику Хаузу: «В будущем Германия явится единственной страной, на чью дружбу США смогут рассчитывать». Поэтому Ратенау считал, что представители США должны «резко настаивать на своем, стучать кулаком по столу и требовать, чтобы Германия не была ослаблена».

Как Вильсон, так и Ллойд Джордж и Клемансо явно руководствовались этими и подобными мотивами. Ллойд Джордж счел даже целесообразным подробно изложить свою точку зрения в специальном меморандуме, разосланном делегациям США, Франции и Италии. В этом меморандуме, известном под названием «документа из Фонтенбло», Ллойд Джордж следующим образом сформулировал главные цели будущего договора:

«Наибольшей опасностью в настоящий момент, по моему, является то, что Германия может связать свою судьбу с большевизмом и отдать свои ресурсы, свой мозг, свои организационные таланты в распоряжение революционных фанатиков, которые мечтают о завоевании всего мира большевизмом при помощи оружия.

...Целесообразно было бы предложить Германии мир, опирающийся на наши справедливые требования, но одновременно такой, который для всех благоразумных людей [в Германии] был бы вещью лучшей, чем большевизм... Мы должны сделать все, что только можно, чтобы поставить германский народ снова на ноги.

...Если мы хотим противопоставить разрешение вопроса о европейском мире большевизму, мы должны создать Лигу наций, которая являлась бы одновременно защитой для государств, готовых добросовестно относиться к своим соседям, и предостережением для тех государств, которые стремятся нарушить права этих соседей...

...Я убежден, что бесцельно навязывать Германии длительное ограничение в деле вооружений, если мы не собираемся навязать сами себе такого ограничения...

Я хотел бы спросить, почему Германия, если она

принимает условия, признанные нами правильными и справедливыми, не может быть принята в Лигу наций, по крайней мере после того, когда к власти придет устойчивое и демократическое правительство? Разве принятие Германией в Лигу наций не явилось бы для нее стимулом к одобрению наших условий, а одновременно к сопротивлению большевизму?

...Самообманом является предположение, что Мирная конференция может спокойно закончить свою работу и что принятый ею мирный договор с Германией будет иметь какое-либо значение, если оставить Россию в ее сегодняшнем состоянии».

В том же самом духе высказывались и другие руководители конференции, в том числе и представители Франции, которые в официальных заявлениях энергично подчеркивали свою решимость не допустить возрождения германского империализма. Несмотря на острые противоречия между Францией, с одной стороны, и Англией и США — с другой, французская реакция поддерживала англо-американскую линию в «русском вопросе», выдвигаясь даже на первое место в антисоветском блоке. Именно мотивами борьбы против Советской России руководствовалась Франция, когда создавала буферные государства в Восточной Европе как орудия агрессии против СССР (это касалось, в первую очередь, Польши). Теми же мотивами руководствовалась Франция, одобряя англо-американские планы сотрудничества с Германией, где, правда, уже не было императора, но остались генералы...

Вот что сообщал 19 февраля 1919 года полковник Хауз президенту Вильсону о предложениях маршала Фоша:

«Если таким образом удастся установить условия предварительного мирного договора с Германией, союзники смогут обратить свое внимание на русскую проблему, решение которой потребует времени. Маршал считает, что союзники могут проиграть войну, если им не удастся найти удовлетворительного решения русской проблемы; ...он стоит за такое решение, которое было бы на руку всем антибольшевистским элементам в России и всем соседям России, сопротивляющимся большевистскому вторжению. Он даже готов пойти на сотрудниче-

ство с Германией после подписания прелиминарного договора о мире и считает, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным».

Почти дословно повторяет содержание этого заявления Фоша английский генерал (Дюкейн) в записке на имя Ллойд Джорджа.

В письме к одному из «королей» германской промышленности и впоследствии одному из главных покровителей Гитлера, Арнольду Рехбергу, Фош писал:

«Сделать ничего нельзя до тех пор, пока Франция и Германия не будут единодушны. Прошу вас передать от меня привет генералу Гофману, горячему стороннику антибольшевистского военного союза».

Генерал Гофман, один из виднейших военных руководителей германского империализма, автор Брест-Литовского мирного договора и первый организатор интервенции против Советской России, в этом отношении полностью соглашался с маршалом Фошем. Лорд д'Абернон записал следующие впечатления от беседы с генералом Гофманом в 1923 году:

«Все его мысли подчинены главной идее о том, что ни один вопрос в мире не может быть разрешен до тех пор, пока цивилизованные западные государства не объединятся для уничтожения советского правительства... На вопрос, верит ли он в возможность какой-либо договоренности между Францией, Германией и Англией для нападения на Россию, он ответил: «Это жизненно необходимо». (Гофман даже разработал конкретный план нападения на Советский Союз силами немецко-франко-англо-итало-польской коалиции.)

Конечно, поддержка германского империализма как орудия борьбы против СССР отнюдь не имела на Парижской мирной конференции платонического характера и не ограничивалась словами. Руководители конференции, и прежде всего Вильсон, пошли на ряд уступок Германии как в экономических, так и в территориальных и военных вопросах.

Представители США (главным образом Гувер) и Англии упорно сопротивлялись присоединению к Польше Верхней Силезии. По требованию Соединенных Штатов Америки, Верховный совет конференции пересмотрел свое прежнее решение о присоединении Верхней Силезии

к Польше и оставил значительную часть этого важного промышленного центра в пределах Германии. Точно так же президент Вильсон добился оставления за Германией района Ратибора. Американские империалисты уже тогда выступали за присоединение Австрии к Германии. Особую активность в этом направлении развил эксперт американской делегации, а ныне советник Ачесона и один из главных поджигателей войны Джон Фостер Даллес.

В результате давления США, Англии и Франции территориальные проблемы в Европе были решены таким образом, чтобы направить германскую экспансию на Восток. Этой цели было подчинено сохранение Восточной Пруссии как форпоста немецкой агрессии на Востоке. Этой цели служило искусственное создание ряда пограничных проблем между Германией и Польшей, Чехословакией и Литвой. Этой цели (хотя в иной форме) служила аннексия Польшей Западной Украины и Западной Белоруссии, Румынией — Бессарабии и т. д. Версальский договор создавал, таким образом, очаг новой войны, ясно указывая при этом ее направление — против СССР.

Эта тенденция проявилась еще отчетливее в момент рассмотрения военных статей договора. Вначале американская делегация добивалась, чтобы Германии оставили все вооружение, находившееся в ее распоряжении. Вильсон считал, что Германия должна иметь такое количество вооружения, чтобы «в течение короткого времени вооружить шестьдесят дивизий, а не тридцать». Представители США горячо поддерживали предложение об оставлении в Германии кадровой армии (рейхсвера), причем требовали, чтобы численность рейхсвера составляла 200 000 человек, а не 100 000, как предполагалось ранее. При этом Вильсон без всякой маскировки обосновывал эти требования «внешней угрозой со стороны большевиков, с которыми, возможно, Германия столкнется на своих восточных границах». Вильсон требовал, чтобы германские войска, а также войска восточно-европейских государств, прежде всего Польши и Румынии, находились в состоянии готовности «продолжать войну против максималистской России всеми имеющимися в их распоряжении средствами». Вильсон был также

против запрещения производства в Германии самолетов, против контроля над соблюдением запрета производства отравляющих газов, против контроля над военной промышленностью и т. д.

Вильсон безоговорочно поддержал Ллойд Джорджа, когда 24 января 1919 года последний заявил, что Германия «должна иметь достаточное количество солдат для разгрома спартаковцев и других революционных партий». 7 марта 1919 года Ллойд Джордж попытался вообще устранить всякие постановления об ограничении германских вооружений, заявляя, что «постоянное ограничение вооружения является иллюзией». Английские генералы высказались за сохранение германских крепостей в Восточной Пруссии, поскольку «они могут служить защитой против большевизма».

Фош также не выступал против этих тенденций. На заседании Верховного совета 5 марта 1919 года, когда рассматривались военные статьи договора, Фош зачитал меморандум германской делегации, участвовавшей в заключении перемирия. Вот некоторые отрывки из этого меморандума:

«О большевизме и о необходимости помощи со стороны Антанты. Необходимы, во-первых, поставки продовольствия, а затем оказание помощи в открытии фронта против большевистского наступления, ожидаемого весной. Германское военное командование ставит перед Антантой следующий вопрос: заинтересованы ли правительства Антанты в том, чтобы наши войска участвовали в борьбе против большевизма? Если да, то необходимо разрешить переброску войск в район Либавы, чтобы провести линию фронта через Восточную Пруссию».

В результате военные статьи Версальского договора предусматривали лишь запрещение всеобщей воинской повинности в Германии и запрещение иметь наступательные виды оружия (танки, авиацию, тяжелую артиллерию). Постоянная германская армия (рейхсвер) должна была насчитывать 100 000 солдат, причем договор не препятствовал тому, чтобы рейхсвер стал кадровой армией, которую в любой момент можно было бы превратить в большую агрессивную армию (рейхсвер имел большое количество офицеров, на каждую тысячу солдат приходился один генерал, в руководстве рейхсвера

насчитывалось 922 офицера генерального штаба, то есть на 303 офицера больше, чем в германском генеральном штабе накануне первой мировой войны, и т. д.). Версальский договор не запрещал также создания полувоенных организаций (вроде «Стального шлема» или позднее СА и СС), которые фактически проводили регулярную военную переподготовку. Договор не предусматривал почти никаких ограничений военно-промышленного потенциала Германии. Даже лаборатории и экспериментальные отделы военной промышленности беспрепятственно работали, подготавливая материальные условия для будущей агрессивной войны. Если к этому добавить, что даже эти постановления Версальского договора фактически никогда не выполнялись, что государства Антанты смотрели сквозь пальцы на явные и бесцеремонные нарушения постановлений договора германскими милитаристами, то станет ясным, что цель, изложенная в приведенных выше высказываниях Вильсона, Ллойд Джорджа и Фоша, была полностью достигнута.

Точно так же обстояло дело с постановлениями договора по экономическим вопросам, которые будут рассмотрены во второй главе.

Составной частью Версальского договора был так называемый устав Лиги наций, который предусматривал создание Лиги наций — международной организации, имеющей целью прежде всего обеспечение коллективной безопасности. Создание Лиги наций было главным лозунгом Вильсона, предназначенным для того, чтобы убедить весь мир, что Антанта с Соединенными Штатами Америки во главе несет «новую эру в международных отношениях».

В действительности же Лига наций была предназначена служить орудием реализации американских планов мирового господства и прежде всего орудием организации антисоветского блока. Мы видели выше, что так именно понимал задачи Лиги наций Ллойд Джордж в своем «документе из Фонтенбло», Так же представлял себе этот вопрос Вильсон.

В одном из первоначальных вариантов устава Лиги, который Вильсон принял за основу для разработки окончательного текста, среди задач Лиги ясно предусма-

тривалась «интервенция в Россию всех стран». Американская газета «Ивнинг стар» писала 16 января 1919 года:

«По существу, Лига наций, когда она будет создана, должна будет расправиться с Россией и восстановить порядок...»

Более того, авторы первоначального варианта Устава не ограничивали задачи Лиги только антисоветской интервенцией, но и давали ей правомочия также в вопросах дележа «завоеваний».

«...Поскольку дело касается народов и территорий, ранее принадлежавших России, Австро-Венгрии и Турции, Лига наций должна рассматриваться как наследница их прав в самом общем смысле и обладать правом конечного распределения...»

Лига наций должна была стать жандармом международной реакции, новой формой реакционного «святого союза». Вся практическая деятельность этой бесславной памяти организации с несомненностью доказала, что именно этого добивались ее создатели. Ее функции сводились к роли ширмы, которая должна была прикрыть подготовку новой агрессивной войны.

Версальский договор (а также дополнявшие его договоры, заключенные в 1922 году на Вашингтонской конференции и касавшиеся, главным образом, Дальнего Востока) явился одним из краеугольных камней международных отношений в период после первой мировой войны. Как видно хотя бы из вышеприведенной беглой характеристики самого договора и намерений его авторов, это был не предвестник прочного мира, а зловещий план новой империалистической войны. Заключенный без Советского Союза и против Советского Союза, Версальский договор должен был явиться исходным пунктом подготовки ко второй мировой войне, к гитлеровской агрессии, которая угрожала истреблением народов Европы и всего мира. Дальнейший ход событий в период межвоенного двадцатилетия, поскольку дело касается политики США, Англии и Франции, был логическим развитием основ, заложенных в Версальском договоре.

Глава 2

Золотой дождь долларов

В одном из документов, имеющих огромное значение для правильной оценки истории межвоенного периода, а именно в исторической справке Советского информационного бюро «Фальсификаторы истории», мы находим, в частности, следующее важное положение:

«...первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии было возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии, что стало возможным лишь в силу прямой и широкой финансовой поддержки правящих кругов Соединенных Штатов Америки.

...золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжелую промышленность гитлеровской Германии и, в частности, военную промышленность. Это миллиарды американских долларов, вложенных заокеанскими монополиями в военную экономику гитлеровской Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии».

Американские империалисты начали осуществление программы оказания финансовой помощи акулам германской тяжелой промышленности уже во время Парижской мирной конференции.

В результате войны Соединенные Штаты Америки выдвинулись на первое место среди стран, экспортирующих капитал. В 1914—1919 годах экспорт капитала из США составлял 13 253 миллиона долларов, что в четыре раза превышало довоенные размеры заграничных капиталовложений США. Одновременно долгосрочная

задолженность Соединенных Штатов уменьшилась наполовину.

В момент окончания войны экономическое положение Европы было исключительно тяжелым. Американский капитал использовал это для того, чтобы под вывеской «помощи» распространить свое влияние и оказывать политическое и экономическое давление даже на такие европейские страны, как Англия, не говоря уже о других.

Свои экономические позиции в капиталистическом мире американские империалисты использовали также для такого разрешения вопроса о репарациях, которое благоприятствовало бы восстановлению и развитию военной экономики Германии. Именно в репарационном вопросе возрождающийся германский империализм одержал первую победу после поражения 1918 года.

Разговоры о репарациях во время войны и непосредственно после нее охотно пускались в ход французскими и английскими политическими деятелями. Словами «Германия заплатит за все» пытались успокоить во Франции и Англии простого человека, материальное положение которого становилось все более тяжелым и который одновременно видел растущие прибыли крупных капиталистов.

Однако когда приступили к конкретному разрешению проблемы репараций, дело приняло совершенно иной оборот. Против обременения Германии репарациями выступили представители США, которые хотели использовать экономический потенциал Германии как для военно-политических целей, так и в качестве рынка для экспорта капитала. Один из руководителей группы Морган Томас Ламонт прямо заявил, что «Германии необходимо оставить достаточно большую сумму текущего капитала для восстановления промышленности, а также в качестве основы ее кредитования, без которого предоставление Германии американских займов натолкнулось бы на трудности».

Почти дословно ту же мысль повторил Вильсон на заседании Верховного совета Парижской мирной конференции 6 июня 1919 года. Вильсон заявил, что американские банки готовы предоставить Германии заем при условии, что репарации не ликвидируют платежеспособности Германии.

Представители Англии и Франции пытались связать вопрос о германских репарациях с вопросом о межсоюзнических долгах¹, аргументируя это тем, что сокращение размера репараций должно быть компенсировано соответствующим уменьшением задолженности Соединенным Штатам Америки. Однако Вильсон твердо заявил, что американское правительство «не согласится связывать проблему репараций с вопросом о военных долгах государств Антанты». «Благородный» президент не собирался отказываться от мощного орудия нажима на своих конкурентов.

Английская делегация на Парижской конференции также не собиралась решать вопрос о репарациях в духе обещаний, дававшихся народам во время войны. Один из «столпов» современной буржуазной политической экономии, финансовый советник британского правительства лорд Кейнс пространно доказывал, что обременение Германии репарациями не соответствует интересам европейского мира.

В связи с противоречиями, которые выявились по этому вопросу на конференции, Версальский договор установил лишь принцип, что Германия обязана выплачивать репарации. Общая сумма не была установлена, и этот вопрос явился предметом обсуждения на ряде межсоюзнических конференций с участием представителей Германии, причем каждая очередная конференция уменьшала установленную перед этим сумму. Так, например, конференция в Спа (1920 год) установила общую сумму репараций в 269 миллиардов золотых марок, Парижская конференция (24—30 января 1921 года) сократила эту сумму до 226 миллиардов и, наконец, Лондонская конференция (25 апреля — 5 мая 1921 года) постановила ограничиться суммой в 132 миллиарда золотых марок (около 35 миллиардов долларов), которая явилась основой репарационной программы.

Германия с первого момента поняла значение вопроса о репарациях и сразу же после подписания договора начала открыто и тайно саботировать репарационную

¹ По состоянию на 1 июля 1921 года военные долги государств Антанты Америке равнялись 11 084,7 миллиона долларов. — *Прим. автора.*

программу. Выполнение этого ей облегчали, во-первых, значительные расхождения в интересах между недавними союзниками, а во-вторых, то обстоятельство, что выплата репараций в значительной мере должна была быть произведена деньгами. Используя этот последний момент, Германия доказала, что будет в состоянии выплатить репарации только тогда, когда произойдет восстановление ее экономики.

«Положение Германии стоит в центре внимания. Имеется весьма много кредиторов и только один должник. Кредиторы ничего не получают, если должник окажется неплатежеспособным».

Эти слова германского министра иностранных дел Штреземана, произнесенные в беседе с американским банкиром и экспертом по вопросам репараций Паркером, наглядно иллюстрируют политику Германии по вопросу репараций.

За словами последовали дела. Германия попросту не платила репараций, пользуясь при этом негласной поддержкой со стороны США и Англии, в интересах которых было разжигание антагонизма между Германией и Францией. Действительно, Франция, наиболее заинтересованная в получении репараций (она должна была получить 52 процента общей суммы), проявляла все большее недовольство. Наконец, во второй половине 1922 года французский премьер Пуанкаре выступил с требованием так называемых «действительных гарантий» — выплаты репараций в натуре. Германия отказалась. 11 января 1923 года Франция и Бельгия начали оккупацию Рурского бассейна. Англичане сохранили внешнее спокойствие, фактически, однако, через своего посла в Берлине д'Абернона посоветовали Германии перейти к политике «пассивного сопротивления». Политика «пассивного сопротивления» обошлась Германии весьма дорого и вызвала обесценение немецкой валюты, что чувствительно отразилось на положении населения. Результатом этого явился рост антифранцузских настроений в германском обществе, что именно и требовалось Англии, а также германским промышленным магнатам со Стиннесом во главе.

26 сентября 1923 года германское правительство капитулировало; политика «пассивного сопротивления»

была прекращена. Но победа Франции оказалась поистине пирровой победой: огромные оккупационные расходы подорвали и французскую валюту. Созрели условия для «посредничества»...

12 октября 1923 года английское правительство официально обратилось к американскому правительству с просьбой об оказании «помощи» в разрешении этого вопроса. Американский ответ был получен уже через три дня. Американский посол в Лондоне Харвей заявил, что «Соединенные Штаты охотно примут участие в конференции, чтобы спасти Европу от катастрофы».

Сообщение об американском посредничестве было принято в германских правительственных кругах с огромным удовлетворением. Политическая линия США, начертанная американской финансовой олигархией, предвещала Германии ряд крупных успехов. Узы, связывающие германский и американский монополистический капитал, были уже тогда весьма тесными, многие американские концерны вкладывали капитал в германские концерны (о чем будет сказано ниже); не было, следовательно, оснований опасаться, что американское посредничество нанесет Германии ущерб. Кроме того, вследствие огромных военных доходов США имели излишки капитала, которые нужно было вложить за границей, вложить, конечно, с таким расчетом, чтобы это дало прибыль. Германские капиталисты не без оснований считали, что американцы заинтересованы в сохранении и расширении германского рынка.

Германские промышленные магнаты и банкиры принимали уже тогда участие в закулисных переговорах с американскими монополистами по вопросу о «разрешении» проблемы репараций. Послом Германии в Вашингтоне в то время был один из директоров концерна Круппа Видфельдт. Видфельдт вел переговоры о заключении германо-американского торгового договора (подписанного в декабре 1923 года), а затем принимал активное участие в подготовке американского «посредничества» в репарационном вопросе. Одновременно, под нажимом Соединенных Штатов (и при содействии немецких социал-демократов), на пост президента рейхсбанка был назначен Яльмар Шахт, позднее финансовый «чудотворец» Гитлера и один из главных военных преступников,

а сегодня один из прислужников американских империалистов.

Германская реакция всеми силами стремилась активизировать участие США в европейских вопросах. Германское правительство в своей внешней политике ориентировалось главным образом на Америку. По заявлению английского посла в Берлине д'Абернона, «решающее значение для послевоенного развития Германии имело американское влияние».

«Проблема восстановления Европы неразрешима без участия Америки», — заявлял Штреземан. «Американский народ дал конкретные доказательства того, что он желает справедливого мира, а не мира, навязанного силой», — вторил ему Яльмар Шахт.

30 ноября 1923 года союзническая репарационная комиссия опубликовала официальное сообщение о создании комитета экспертов для определения дальнейшей линии действий по вопросу о репарациях. Несколькоими неделями позже комиссия сообщила о своем решении правительству США. Президент Кулидж в своем послании конгрессу 6 декабря одобritельно отозвался о предложении репарационной комиссии и назначил своих («неофициальных») представителей в комитет. Франция в течение определенного времени сопротивлялась, но, в конце концов, уступила. (Немаловажную роль сыграл в этом деле экономический нажим США, которые угрожали отказом от предоставления обещанного займа в сумме 100 миллионов долларов, а также дипломатический нажим английского правительства: английский премьер-министр лейборист Макдональд являлся горячим сторонником активизации участия США в европейских вопросах.)

14 января 1924 года в Лондоне состоялось первое заседание международного комитета экспертов. Во главе первого комитета стал американский банкир, тесно связанный с банковской группой Моргана, генерал Чарльз Дауэс, во время первой мировой войны квартирмейстер американской экспедиционной армии (отсюда генеральское звание). Комитет экспертов работал в течение нескольких месяцев, проводил обследования в Германии, собирал высказывания различных германских специалистов по вопросам экономики и наконец в

апреле 1924 года представил свой доклад межсоюзнической репарационной комиссии.

Основные предложения плана Дауэса сводились к признанию восстановления Германии как необходимого условия не только для репарационных платежей, но и «экономического возрождения Европы» вообще. Доклад констатировал, что существуют все объективные условия для выполнения этой задачи.

«Германия богата ресурсами, имеет средства для их эксплуатации в больших масштабах. После преодоления нынешнего недостатка в средствах она будет в состоянии занять привилегированное положение в области международных отношений».

План Дауэса ставил своей целью ликвидировать это затруднение. Он не определял ни общей суммы репараций, ни окончательного срока их выплаты. Он предусматривал лишь, что Германия должна заплатить в течение первого года миллиард марок, а в течение последующих лет постепенно увеличивать эту сумму с тем, чтобы в 1928—1929 годах довести ее размер до 2,5 миллиардов марок в год. Для обеспечения выплаты репараций германская экономика была передана под контроль союзников, которые назначили так называемого «комиссара по налогам». Однако самым важным элементом плана Дауэса было оказание Германии финансовой помощи в целях восстановления валюты. В связи с этим комитет экспертов предлагал предоставить Германии оздоровительный заем в сумме 800 миллионов долларов. Не менее важным было распоряжение о том, что суммы, уплачиваемые Германией в счет репараций, не должны немедленно переводиться за границу, а должны переводиться на счет «комиссара по налогам». До поступления соответствующей установленной суммы «комиссар по налогам» имел право предоставлять кредиты из этих средств германской экономике, то есть крупным монополиям. Таким образом, даже репарационные суммы предназначались на восстановление военно-экономического потенциала Германии.

Тот факт, что главной предпосылкой плана Дауэса было восстановление германской промышленности и усиление экспортных возможностей Германии, таил в себе целый ряд опасностей для американской и англий-

ской промышленности, ибо Германия могла выступить их опасным конкурентом на мировых рынках. Поэтому естественным последствием плана Дауэса должно было явиться стремление направить торговую экспансию Германии на рынки, не занятые еще английским или американским капиталом. Речь шла конкретно о рынках Восточной Европы и особенно Советского Союза. Располагая заграничными кредитами и мощной промышленной базой, Германия получала возможность подчинить себе в хозяйственном отношении страны Восточной Европы и удерживать их в положении зависимых сельскохозяйственных территорий. Кроме совершенно понятных экономических выгод как для германского капитала, так и для связанного с ним англо-американского капитала, такая постановка вопроса предвещала ряд политических выгод (в частности, замедление развития советской промышленности). Именно поэтому как раз в этот период провозглашаются планы создания «европейской экономической унии», «ликвидации таможенных границ», «международного разделения труда» и т. п. Одним из горячих сторонников этих планов был Яльмар Шахт, который писал:

«Естественным последствием такого положения вещей является мысль о том, чтобы безо всяких скрытых политических целей (!) слить в единый хозяйственный организм промышленные и сельскохозяйственные страны Европы. Германия с ее 65-миллионным населением является надлежащим и самым естественным рынком сбыта для сельскохозяйственных стран Восточной Европы».

В интервью, данном в августе 1926 года венской газете «Нейе фрейе прессе», будущий экономический диктатор гитлеровской Германии выразился еще яснее:

«Один из наших соседей [Польша.— М. С.] пытается создать крупную электропромышленность. Почему он вместо этого не вывозит свою руду и нефть?»

Америка совершает ошибку, предоставляя кредиты для поддержания таких отраслей промышленности. Американский финансист должен вначале хорошо подготовиться, прежде чем являться в Среднюю Европу. Американский банкир должен постоянно иметь перед собой карту Европы и рассматривать всю Среднюю Европу как единое целое».

Ясную и необыкновенно меткую характеристику плана Дауэса дал в 1925 году Сталин, указав:

«План Дауэса, составленный в Америке, таков: Европа выплачивает долги Америке за счет Германии, которая обязана Европе выплатить репарации... Германия должна получить ряд свободных рынков, не занятых еще другими капиталистическими странами... Кроме ряда незначительных рынков, тут Америка имеет в виду наши российские рынки. Они должны быть, по плану Дауэса, предоставлены Германии... Весь этот план хорошо построен, но построен он без хозяина... мы вовсе не хотим превратиться в аграрную страну для какой бы то ни было другой страны, в том числе для Германии. Мы сами будем производить машины и прочие средства производства»¹.

Могучий Советский Союз действительно был в состоянии не допустить осуществления планов «дауэсизации» своей территории. Зато, поскольку дело касалось других стран Восточной Европы, в том числе и Польши, то они достаточно почувствовали усилившуюся экономическую экспансию Германии.

План Дауэса был окончательно утвержден на Лондонской конференции 16 июля 1924 года и вступил в действие 30 августа того же года. В Германии этот план был принят более чем доброжелательно. Штреземан определил его значение следующим образом:

«С принятием плана Дауэса пройден еще один существенный этап на пути вступления Германии на арену международной политики... От Версаля до Лондона вел долгий путь унижения и величайших затруднений. Я убежден, что Лондон — это не завершение пути. Лондон может быть только началом».

Точно так же оценил план Дауэса Шахт:

«С этого момента определилась линия, которая при последовательном ее продолжении должна была неминуемо привести к ликвидации репараций в течение относительно короткого времени... Эта линия заключалась в перемещении проблемы репараций из сферы политических актов насилия в сферу хозяйственных возможностей...»

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 271—272.

...Страны, располагающие избытком капиталов, предложили предоставить Германии займы, обеспечив, таким образом, новую производственную базу для германской экономики».

Шахт писал эти слова в 1931 году, когда результаты плана Дауэса были уже налицо. В тот период Германия получила огромную финансовую помощь, что иллюстрируется следующими данными:

**ПРЕВЫШЕНИЕ ВВОЗА КАПИТАЛА НАД ВЫВОЗОМ
(в миллионах марок)**

1924 г.	1799
1925 »	3314
1926 »	4430
1927 »	4762
1928 »	3714

В течение 6 лет (1924—1929) приток капитала в Германию составил более 10—15 миллиардов марок в виде долгосрочных кредитов и более 6 миллиардов марок в форме краткосрочных. Около 70 процентов суммы займов, полученных Германией, падает на промышленность, из этого более 50 процентов получила тяжелая промышленность. Главным кредитором были Соединенные Штаты (70 процентов всех долгосрочных займов), затем шла Голландия (12 процентов) и Англия (8 процентов).

В результате притока капиталов значительно возрос запас золота и иностранных валют в Германском банке (рейхсбанке):

30/XI 1924 г.	634	миллиона марок
30/XI 1925 »	1578	миллионов »
30/XI 1928 »	2986	» »

План Дауэса рассматривался германскими реваншистами исключительно как этап на пути к полной ликвидации экономической части Версальского договора. В 1925 году Штреземан в письме к бывшему кронпринцу Германии писал:

«Репарационное бремя, возложенное на нас планом Дауэса, по всей вероятности, станет невыносимым уже в 1927 году. Тогда мы должны потребовать созыва новой конференции».

Действительно, как только размер годовых репарационных платежей, вносимых Германией в соответствии

с планом Дауэса, достиг 2,5 миллиарда марок, германская дипломатия начала вести кампанию, направленную на получение новых «льгот». 22 декабря 1928 года был создан новый комитет экспертов под председательством американца Оуэна Юнга, являвшегося одним из соавторов плана Дауэса. План Юнга был представлен на рассмотрение специальной конференции 12 государств, состоявшейся в Гааге (6—31 августа 1929 года). В ходе конференции английский министр финансов лейборист Сноуден внес ряд поправок, направленных на уменьшение размера репараций в сравнении с суммами, предусмотренными в проекте комитета. Сноуден (не без закулисной поддержки одного из руководителей концерна Моргана — Томаса Ламонта) победил. Конференция одобрила в принципе план Юнга с поправками Сноудена. Окончательно план Юнга был утвержден 20 января 1930 года на второй конференции в Гааге.

План Юнга предусматривал предоставление Германии нового займа в размере 1 200 миллионов марок и определял общую сумму репараций в 113,9 миллиарда марок, причем уменьшал ежегодные платежи с 2,5 до 2 миллиардов марок. Важным моментом плана была полная ликвидация межсоюзнического контроля над германской экономикой. Кроме того, результатом принятия плана Юнга было немедленное прекращение оккупации Рейнской области войсками союзников. (Версальский договор предусматривал окончание оккупации только в 1935 году.)

Дальше события развивались с необыкновенной быстротой. В 1931 году президент США Гувер объявил одногодичный мораторий по всем международным правительственным долгам, что повлекло отсрочки репарационных платежей. «Годовой мораторий» превратился в бесконечность: Германия не заплатила более ни одного гроша. Правда, конференция в Лозанне (1932 год) пробовала робко наложить символическое бремя платежей (речь шла о внесении 3 миллиардов (!) марок и прекращении на этом репарационных платежей), но и эта сумма не была выплачена. Проблема репараций была «разрешена»...

Данные, относящиеся к балансу «затрат и прибылей» Германии в период выплаты репараций, несколько разно-

речивы. Так, например, репарационная комиссия сообщила, что Германия в целом заплатила (наличными и в натуре) 20 769,9 миллиона марок, а в то же самое время получила иностранных займов на сумму около 30 миллиардов марок. Советская «История дипломатии» сообщает следующие цифры: 25 миллиардов марок иностранных займов и 10 миллиардов марок репарационных платежей (в эту последнюю цифру, видимо, не входят выплаты в натуре). Наконец, некоторые немецкие источники исчисляют сумму репарационных выплат в размере 30,8 миллиарда марок и примерно так же определяют сумму иностранных займов.

Не подлежит сомнению, что эта последняя сумма, определяющая репарационные выплаты, является значительно завышенной. Германия, во всяком случае, получила больше (при этом значительно больше), чем выплатила. Но если ближе присмотреться к репарационному механизму, то окажется, что решающим фактором является здесь единственно и исключительно размер полученных займов. Ибо необходимо принять во внимание тот основной и не учитывавшийся до сих пор факт, что репарации платили одни, а займы получали другие. Возьмем для примера механизм сбора репарационных платежей на основе плана Дауэса. Он обычно представляется в форме, показанной на приводимой таблице (см. стр. 52).

Эта таблица позволяет без особого труда увидеть существо дела: в «нормальном» 1928/29 году 50 процентов всех репарационных сумм должны были давать налоги на предметы потребления. Вместе с железнодорожным налогом широкие массы населения платили, следовательно, около $\frac{2}{3}$ общей суммы репарационного взноса. Участие промышленности составляло в то же время (официально) 12 процентов! Нет надобности доказывать, что с займами, которые получала Германия «взамен» репараций, а также для иных целей, дело обстояло совсем иначе: преобладающую часть займа, если не всю его сумму, получили германские монополистические объединения — концерны фликов, тиссенов, стиннесов, круппов и т. п. Таким образом, репарации превратились в своеобразную форму накопления капитала германскими монополиями, которые были главной силой германского империализма.

ИСТОЧНИКИ РЕПАРАЦИОННЫХ ВЫПЛАТ
(в миллионах золотых марок)

Характер дохода	Вид дохода	Период					
		1924/25 г.	1925/26 г.	1928/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	
Единовременный	Заграничный заем	800	—	—	—	—	
	Продажа железнодорожных акций	—	500	—	—	—	
Постоянный	Бюджет	Налоги на предметы потребления, таможенные сборы	—	—	110	500	1250
		Железнодорожный налог	—	—	290	290	290
	Железные дороги	Проценты и амортизационные поступления от акций и облигаций	200	595	550	660	660
	Промышленность	Проценты и амортизационные поступления от промышленных облигаций	—	125	250	300	300
Всего		1000	1220	1200	1750	2500	

Если к этому прибавить значительное накопление капитала в период инфляции, а также тот факт, что германские промышленники в этот период отнюдь не торопились с увеличением экспорта (что с удовлетворением воспринималось англо-американскими капиталистами), а заботились об увеличении капиталовложений, то мы увидим, что представляет собой та «новая производственная база», о которой говорил Шахт в вышеприведенной цитате. В 1924—1930 годах, которые германскими ревизионистами и их заграничными друзьями изображаются как годы трагического упадка «под бременем Версальского договора», в германскую промышленность было вложено не менее 63 миллиардов марок! (Попутно важно отметить, что в тот же самый период бюджетные ассигнования на армию и флот систематически росли: в 1924/25 году — 458,7 миллионов золотых марок;

в 1925/26 году — 567 миллионов; в 1926/27 году — 672,6 миллиона; в 1927/28 году — 701,1 миллиона; в 1928/29 году — 705,6 миллиона.) В результате этого германский производственный аппарат был модернизирован, рационализирован и расширен, становясь базой для стремительного роста вооружений в последующий период.

Уже в 1922 году германская металлургическая промышленность достигла довоенного уровня производства. В 1926 году выплавка чугуна (без Саарского бассейна) составляла 130 процентов в сравнении с 1913 годом, а производство стали — 138 процентов. В период 1924—1929 годов выработка стали в Германии возросла с 9,8 миллиона тонн в год до 16,1 миллиона тонн. В тот же самый период производство стали во Франции возросло только с 6,8 до 9,8 миллиона тонн, а в Англии — с 9,8 до 10,1 миллиона тонн.

Помимо общего роста промышленной продукции, быстрое накопление капитала усилило обнаружившуюся еще ранее тенденцию преобразования промышленной структуры страны в направлении увеличения удельного веса крупной промышленности. Если, например, в 1900 году вывоз средств производства был на 50 процентов меньше вывоза средств потребления, то уже в 1925 году обе группы товаров занимали почти равное положение. Особенно быстрое развитие происходило в области производства продукции машиностроительной промышленности.

Наконец, быстрому накоплению капитала сопутствовала растущая концентрация капитала и производства, все более быстрый переход национальной экономики в зависимость от крупных монополистических объединений.

Если в течение 1911—1922 годов (то есть за 12 лет) число германских картелей возросло с 600 до 1 000, то в период 1922—1925 годов (за 4 года) возникло 500 новых картелей. В 1925 году создается концерн-гигант — одна из главных опор гитлеризма — «И. Г. Фарбениндустри», который почти полностью подчинил себе германскую химическую промышленность. В 1926 году создается Стальной трест, производящий более 35 миллионов тонн кокса, 9 миллионов тонн стали и столько же чугуна. В 1926 году крупнейшие германские монополии контро-

лировали 65 процентов всех капиталов страны, 88,5 процента продукции сырья и полуфабрикатов, 96,3 процента продукции химической промышленности, 90 процентов продукции горной промышленности, 86,7 процента продукции электротехнической промышленности, 85 процентов производства машин и т. д. Три концерна производили 69 процентов чугуна; один концерн (Стальной трест) 43 процента стали. Два концерна (АЭГ и «Сименс») контролировали почти всю электротехническую промышленность; четыре концерна — 80 процентов производства поташа; 10 концернов — 69 процентов производства угля и т. д.

Рост могущества германского монополистического капитала был основной базой политической реакции в Германии, фундаментом, на котором вырос гитлеризм и его планы мирового господства.

* * *

План Дауэса, который не без основания называется «планом Маршалла, родившимся четверть века тому назад», был не только исходной позицией для восстановления военно-экономического потенциала империалистической Германии, но также и отправным пунктом для дальнейшего осуществления реваншистской внешней политики Веймарской республики, фактически управляемой крупным монополистическим капиталом.

Осуществление планов германских реваншистов могло происходить только этапами, причем вначале довольно медленно. Лучшее всего, пожалуй, отдавал себе в этом отчет многолетний руководитель внешней политики Германии Густав Штресман, связанный еще перед первой мировой войной с крайне националистическими политическими группами, преданный сторонник Вильгельма II и горячий поборник ведения войны «до победного конца».

16 декабря 1927 года на закрытом собрании в Кенигсберге Штресман открыто охарактеризовал основы своей внешней политики, недвусмысленно проводя параллель с историей возрождения Пруссии после наполеоновских войн. Он заявил:

«Необходимо знать цели и методы действий. В 1813 году Пруссия поставила все на одну русскую

карту. Версаль, однако, хуже Тильзита. Ничего, следовательно, не остается иного, кроме подпиливания цепей. Другие должны пойти вместе с нами... принимая во внимание свои интересы».

Говоря о «других», которые «должны пойти вместе с нами», Штреземан имел в виду, конечно, США, Англию и Францию. Говоря об их интересах, он имел в виду прежде всего «интересы борьбы с большевизмом». Играя на этих именно «интересах», Штреземан с успехом подпиливал «цепи» Версальского договора.

Принятие плана Дауэса, при котором «Германия впервые после поражения выступила как равноправная сторона за столом конференций» (Штреземан), стало исходным пунктом для большого политического наступления германского империализма. Цели этого наступления Штреземан сформулировал в письме от 7 сентября 1925 года к «его королевскому высочеству» (так неизменно именовал кронпринца Гогенцоллерна «великий европеец»):

«По-моему, перед германской внешней политикой стоят на ближайший период три большие задачи:

во-первых, благоприятное для Германии разрешение репарационного вопроса;

во-вторых, защита немцев, проживающих за границей, то есть тех 10—12 миллионов соотечественников, которые в настоящий момент находятся в чужих странах под иностранным ярмом;

третья задача — это пересмотр восточных границ, возвращение Германии Данцига и «Польского коридора», а также пересмотр границ в Верхней Силезии.

В перспективе — присоединение немецкой Австрии, хотя я полностью отдаю себе отчет в том, что это не только принесет пользу, но и одновременно значительно осложнит проблему германской империи».

Понятно, что осуществление реваншистских планов на Востоке требовало обеспечения позиций на Западе особенно потому, что, кроме репараций, Германии сильно мешала оккупация важных районов Рейнской области и Рурского бассейна. Руководствуясь этими принципами, Штреземан выступил в сентябре 1924 года с предложением заключения гарантийного договора, так называемого «рейнского пакта». В ходе дипломатической борьбы за

осуществление своего проекта Штреземан особенно часто пускал в ход «антибольшевистский аргумент». Этот аргумент оправдал его ожидания, тем более, что контр-агентом Штреземана со стороны Англии был не кто иной, как лорд д'Абернон.

«Мы говорили под конец о большевизме, — вспоминает Штреземан одну из бесед, — и я ознакомил его [д'Абернона.— М. С.] с несколькими только что полученными донесениями о силе большевистского движения. Я выразил при этом сомнение в том, что в случае коммунистического путча в Германии мы будем располагать средствами для его подавления. Мне пришла мысль подчеркнуть это обстоятельство в связи с полученной от союзников нотой, настаивающей на уменьшении численности наших частей, расквартированных в казармах».

Добиваясь получения как можно больших уступок со стороны союзников, Германия недвусмысленно давала понять, что за соответствующую цену она охотно включится в антисоветский фронт.

«Если бы мы в результате нашего вступления в Лигу наций действительно нанесли ущерб нашим отношениям с Россией, то мы должны были бы взамен получить соответствующее вознаграждение, например отмену оккупации всей Рейнской области, возврат округов Эйпен и Мальмеди [перешедших к Бельгии в силу Версальского договора.— М. С.] и мандат на какую-нибудь колонию».

Этот явный шантаж Штреземана д'Абернон принял спокойно, заявив тут же, что «можно будет поговорить на тему о сокращении срока оккупации».

Переговоры продолжались несколько месяцев. В них принимали участие не только дипломаты, но и банкиры. В июле 1925 года Германию посетил директор Английского банка Монтегю Норман в сопровождении одного из руководителей американских федеральных банков Стронга, который обещал Шахту предоставление Германии кредита после подписания пакта. Одновременно американский посол в Лондоне недвусмысленно дал понять правительствам тех государств, которые воспротивились подписанию пакта, что если они не изменят своей позиции, Соединенные Штаты «будут вынуждены» прекратить предоставление им кредитов.

Наконец 5 октября 1925 года в Локарно была созвана конференция представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Польши и Чехословакии. В ходе конференции Штреземан не переставал играть «антибольшевистским» козырем. Делая, в частности, намек на необходимость перевооружения Германии, германский министр иностранных дел заявил:

«Москва найдет себе много помощников в нашей стране. Поэтому-то приходится усомниться, хватит ли нам сил полиции и рейхвера для поддержания порядка».

Локарнская конференция, закончившаяся подписанием ряда договоров в Лондоне 1 декабря 1925 года, принесла Германии существенный успех. Так называемый рейнский пакт, подписанный Германией (как равноправной стороной), Бельгией, Францией, Англией и Италией, содержал коллективную гарантию германо-французской и германо-бельгийской границы. При одновременном отказе от подписания гарантийного пакта о восточных границах Германии рейнский пакт означал, по существу, оставление за Германией свободы действий на Востоке. Именно так оценивал смысл этого пакта французский посол в Лондоне Сентолэр:

«На основании статьи 10 устава Лиги наций Великобритания, равно как и другие участники, гарантирует все границы, установленные мирными договорами... В Локарно же гарантируются только западные. Целью Локарнского договора является, следовательно, не возобновление версальских обязательств, а их ограничение, с исключением восточных границ, которые именно более всего находятся под угрозой».

Впрочем, Германия открыто ставила вопрос о том, что, принимая участие во взаимной гарантии западных границ, она отказывается гарантировать восточные границы. Еще во время предварительных переговоров заместитель Штреземана Шуберт ясно заявил лорду д'Абернону (12 марта 1925 года):

«Германия не соглашается ни в какой форме гарантировать Польше ее границы и готова только заключить с Польшей договор об арбитраже».

Вторым важным последствием Локарно было принятие Германией в Лигу наций с предоставлением ей постоянного места в Совете Лиги.

Германская реакция торжествовала.

«Значение духа Локарно заключается в том, что отныне нет уже германской проблемы, есть только европейская, международная проблема. Политика Локарно исключает политику насилия по отношению к Германии. Локарно означает возрождение германской свободы», — говорил Штреземан.

«Я вижу в Локарнском соглашении возвращение Рейнской области и возможность возврата германских территорий на востоке», — писал Штреземан 27 ноября 1925 года в частном письме к одному из своих политических друзей.

Английские дипломаты также видели ряд полезных моментов, вытекающих из Локарнских соглашений.

«Пакт [Локарнский.— *Ред.*] привлекает Германию как равноправного партнера Англии и Франции к сотрудничеству по сохранению сегодняшнего положения вещей на западе Европы. Таким образом, уменьшается в значительной мере сфера влияния русского коммунизма».

Английский министр Ормсби-Гор заявил от имени консервативной партии:

«Насколько я понимаю, спор в Локарно идет вот о чем: свяжет ли Германия свое будущее с судьбами великих западных держав или пойдет совместно с Россией на штурм западной цивилизации? Значение Локарно огромно. Оно показывает, что нынешнее германское правительство отходит от России и связывает свою судьбу с западными державами».

После Локарнской конференции были ликвидированы всякие формы контроля над выполнением Германией постановлений Версальского договора. К этим поражениям французской дипломатии следует добавить значительное падение политического престижа Франции в странах Восточной Европы, которые, несмотря на союзные договоры, связывающие их с Францией, были представлены самим себе перед лицом возраставшей агрессивности Германии.

Результаты конференции в Локарно лишней раз доказали, что реакционная, антисоветская политика неизбежно ведет к продаже национальных интересов. Вопреки интересам Франции короли тяжелой французской промышленности именно тогда заключали далеко идущие

соглашения с германскими магнатами угля и стали. В целях борьбы против Советского Союза французское правительство поддержало в Локарно англо-американскую политику содействия агрессивным планам германского империализма.

Конечно, Локарно не было в этом отношении обособленным явлением. В последующие годы эта преступная, антинародная политика французских правительств проводилась все более отчетливо.

Коротко и ясно охарактеризовал истинный смысл Локарнских соглашений Сталин на XV съезде ВКП(б), сказав:

«... «система Локарно», «дух Локарно» и т. д., — что это, как не система подготовки новых войн и расстановки сил для будущих военных столкновений?..

Разве не ясно, что рост вооружений диктуется неизбежностью новых империалистических войн между «державами», что «дух войны» является основным содержанием «духа Локарно»¹.

Советский Союз последовательно осуществлял свою мирную политику. В 1925—1927 годах, когда созрел агрессивный «дух Локарно», советское правительство дало ряд конкретных доказательств своих истинно мирных стремлений. Именно в тот период СССР заключил договоры о нейтралитете с Турцией, Литвой, Германией, Афганистаном и Ираном, предлагая одновременно заключение подобных договоров другим своим соседям.

Не обращая внимания на это, западные державы с Англией во главе пустили в ход систему антисоветских провокаций. Зимой 1926 года империалисты спровоцировали нападение вооруженных сил реакционного правительства Северного Китая на Восточно-Китайскую железную дорогу, являвшуюся собственностью СССР, нападение на представителей СССР в Пекине и т. д. В течение 1926 и 1927 годов английское правительство совершило ряд провокационных актов также по отношению к советским дипломатическим и торговым представителям в Лондоне. 27 мая 1927 года консервативное правительство Англии порвало дипломатические отношения с СССР. 5 февраля 1926 года в Латвии было совершено

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 280, 281.

нападение на советских дипломатических курьеров. Подобные нападения на представительства СССР имели место также в Берлине. Наконец, 7 июля 1927 года был убит в Варшаве полпред СССР Войков.

Все эти акты были звеньями одной и той же цепи провокаций. Они олицетворяли «дух Локарно». Не привели они тогда к желательным для империалистов результатам лишь благодаря ясной и решительной позиции советского правительства. Англо-франко-американские империалисты не отказались, однако, от осуществления своих планов.

Глава 3

Международный союз торговцев смертью

Препятствием на пути к осуществлению планов «крестового похода» против Советского Союза и использованию германских милитаристов в качестве главной ударной силы в этом походе была ясная и решительная внешняя политика СССР, опирающаяся на быстрый рост могущества страны социализма. Агрессивным планам империализма препятствовало также решительное сопротивление народных масс капиталистических стран. Против планов новой мировой войны выступал германский рабочий класс, который в ходе событий все более начинал понимать предательскую роль руководителей германской социал-демократии, активно сотрудничавших в подавлении революционного движения в 1918—1923 годах. Рост сознательности, боеспособности и организованности германского рабочего класса находил выражение в постоянно возраставшем влиянии Коммунистической партии Германии, руководимой такими людьми, как Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт. Компартия шла в авангарде борьбы за миролюбивую и демократическую Германию.

Германская буржуазия и юнкерство, а также их заграничные союзники и покровители отдавали себе отчет в том, что условием осуществления их агрессивных планов является срыв сопротивления рабочего класса, раскол рабочих организаций и, прежде всего, лишение народных масс их боевого авангарда — коммунистической партии. Стремление к фашизации страны, отчетливо проявлявшееся уже в 1918—1923 годах, особенно усилилось позднее, когда магнаты Рура и прусское юнкерство поняли, что при помощи «старых» буржуазно-парламентских

методов правления их цели не могут быть осуществлены. Со времен кризиса 1929 года главным козырем германской реакции стал гитлеризм — наиболее гнусная форма террористической диктатуры финансового капитала.

Путь Гитлеру к власти прокладывали правые лидеры социал-демократии (такие, как Вельс, Гильфердинг, Браун, Зеверинг и др.). Путь Гитлеру к власти прокладывали различные «христианско-социальные» группы и прежде всего так называемый католический центр, во главе которого стоял питомец Ватикана, рейхсканцлер в 1930—1932 годах, Брюннинг. Путь Гитлеру к власти прокладывали крупные монополистические объединения, которые, помимо политической поддержки, оказывали Гитлеру значительную материальную помощь.

Роль, которую сыграл монополистический капитал в приходе Гитлера к власти, хорошо известна. Нет необходимости вдаваться в подробности этого дела. Достаточно вспомнить хотя бы конференцию в Бад-Гарцбурге в 1931 году, на которой присутствовали представители крупнейших германских монополистических объединений и юнкерской аристократии. Под покровительством этих кругов возник тогда формальный союз между гитлеровцами и «германской национальной партией» Гугенберга. В 1932 году в Дюссельдорфе состоялась встреча Гитлера с представителями крупного германского капитала. Эта конференция, на которой была согласована политическая тактика и Гитлеру была гарантирована дальнейшая материальная поддержка, явилась одним из важнейших этапов на пути гитлеровцев к власти. Наконец 4 января 1933 года в вилле банкира Шредера в Кёльне состоялась встреча Гитлера с Папеном, а также с представителями Стального треста. Непосредственным результатом этого совещания была передача Гитлеру должности рейхсканцлера в тот момент, когда фашистская партия переживала острый кризис (на выборах в рейхстаг в 1932 году гитлеровская партия потеряла 2 миллиона голосов).

Гитлеровская диктатура осуществила по указке германского и иностранного монополистического капитала расправу с германским рабочим движением. В застенках гестапо погибли тысячи германских борцов за свободу. Десятки тысяч были приговорены к медленной смерти в

концентрационных лагерях. Рабочие организации были ликвидированы. Подпольное движение сопротивления, которое под руководством коммунистов действовало в течение всего периода существования гитлеризма, беспощадно подавлялось.

Гитлеровская диктатура принесла германским монополиям безраздельное господство над экономикой страны, баснословные прибыли от производства вооружений. Она означала подготовку и проведение войны за мировое господство, за эксплуатацию поработенных народов. Все, начиная с чехословацких, польских французских и других промышленных предприятий и вплоть до газовых камер Освенцима, гитлеровцы превратили в источник миллиардных прибылей германских монополистических объединений.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в течение всего периода своего существования гитлеризм пользовался значительной поддержкой крупного капитала и германского юнкерства, что германские монополисты явились организаторами черной гвардии Гимmlера—СС. Важные показания по этому вопросу дал 5 декабря 1944 года один из столпов гитлеризма, упоминавшийся выше банкир Курт фон Шредер, который заявил:

«Внутри этой группы [германских капиталистов, поддерживавших гитлеровское движение задолго до 1933 года.— М. С.] родилась идея организации всего промышленного и финансового мира по образцу фашистской партии. С приходом Гитлера к власти эта идея была законодательно осуществлена... Примерно в 1935—1936 годах «покровителем» группы стал Гимmlер. С этого момента вплоть до 1944 года эти круги предоставляли Гимmlеру средства на выполнение «специальных заданий». Эти суммы вносились участниками группы или предприятиями, в которых они занимали руководящие должности, на специальный счет «С» банка Штейна [совладельцем этого банка был Шредер.— М. С.]».

Ежегодно я писал Гимmlеру, чтобы проинформировать его о суммах, внесенных отдельными лицами или компаниями, а Гимmlер со своей стороны посылал благодарственные письма каждому, кто вносил эти пожертвования. В течение года сумма таких поступлений достигла почти миллиона марок».

В заключение Шредер по памяти составил список членов группы в количестве 36 человек. Здесь не место, конечно, приводить весь этот список, наглядно показывающий срастание верхушки монополистического капитала, гитлеровской партии и государства. Достаточно сказать, что в этом списке фигурируют такие фамилии, как Флик (Стальной трест), Буттефиш («И. Г. Фарбен-индустри»), Раше («Дрезднер банк»), Бингель («Сименс-Гальске»), Оллендорф (министр хозяйства), граф фон Бисмарк, Шахт, Поль (руководитель административного управления СС) и другие.

19 октября 1946 года в лондонской газете «Санди экспресс» было опубликовано небезинтересное высказывание капитана американской армии Джилберта, который посетил в нюрнбергской тюрьме Шахта:

«Шахт рассмеялся, когда услышал, что германские промышленники будут обвинены в вооружении Германии. «Если вы хотите наказать промышленников, которые помогали Германии вооружаться,— сказал он,— то вы должны также посадить на скамью подсудимых ваших собственных. Предприятия «Опель», принадлежащие «Дженерал моторс», не производили ведь ничего, кроме военного оборудования».

Трудно в этом случае не согласиться с гитлеровским «чудотворцем». Выражение «сотрудничество» является чересчур мягким для определения той роли, которую американские, английские, французские и другие монополии играли в подготовке Германии к войне.

«Сотрудничество» иностранного и германского капиталов не было, конечно, случайным явлением. Несмотря на типичные для империализма столкновения и борьбу между отдельными капиталистическими группами, это «сотрудничество» существовало задолго до первой мировой войны и развивалось по мере роста удельного веса могущественных монополистических объединений. Война 1914—1918 годов внесла существенные изменения в соотношение сил, значительно усилив американские монополии. На базе этого нового соотношения сил выросли новые формы международных монополистических союзов.

Уже примерно в 1925 году многие крупные германские предприятия перешли полностью или частично в руки американских концернов. Именно в тот период «Джене-

рал моторс» завладел одним из крупнейших автомобильных предприятий в Европе — фирмой «Адам Опель» с капиталом в 60 миллионов марок. Акционерное общество «Форд мотор» в Кёльне с капиталом 20 миллионов марок было своего рода совместным владением американского «Форда» и германского «И. Г. Фарбениндустри». В 1929 году американская компания «Дженерал электрик компани» владела 25—30 процентами акций германской «Альгемейне электрицитетс гезельшафт», а одновременно также 16 процентами акций крупнейшего в Европе завода электроламп «Осрам». Две пятых германской продукции телекоммуникационного оборудования принадлежало уже тогда могущественной «Интернэшнал телефон энд телеграф компани» (группа Моргана). Из 63 миллионов марок капитала германского нефтяного концерна «Дейче петролеум гезельшафт» около 55 миллионов оказалось под контролем рокфеллеровской «Стандард ойл». Точно так же под влиянием «Стандард ойл» оказалась «Дейче вакуум ойл», а также «Дейче газолин» (вместе с германским «И. Г. Фарбениндустри» и англо-голландской «Ройял Датч шелл»). Необходимо отметить, что все указанные выше германские общества занимались прежде всего производством синтетического бензина.

Англо-американский банкирский дом Шредера (о котором будет еще идти речь) финансировал германский стальной трест «Ферейнигте штальверке». Значительное участие в финансировании «Ферейнигте штальверке» принимал также крупный нью-йоркский банк «Диллон, Рид энд компани», директором которого в течение ряда лет бы небезызвестный Форрестол.

Американский капитал имел также «интересы» в германской угольной промышленности, приобретенные при посредничестве фирмы «Гуго Стиннес корпорейшн оф Мэриленд» (известный концерн Стиннеса, после смерти его основателя и крупного банкротства был «перенесен» в Соединенные Штаты Америки).

Конечно, участие иностранного капитала в германской промышленности не было единственной формой сотрудничества германских, американских, английских и французских монополистов. В послеверсальский период, как грибы после дождя, вырастают европейские и «трансконтинентальные» картельные соглашения.

Еще в 1920 году германские промышленники пробовали возобновить контакт с «коллегами» из лагеря Антанты. При этом характерно, что они начали с... французов. На конференции в Спа Гуго Стиннес открыто предложил тогдашнему премьер-министру Мильерану¹ сотрудничество промышленников Франции и Германии. Проблема соединения рурского угля с лотарингской рудой не переставала волновать обе стороны и позднее. В 1922 году происходили переговоры о совместном владении западногерманской угольной и стальной промышленностью. Переговоры эти не привели тогда к желаемым результатам (французы требовали соотношения капитала 60 : 40 в свою пользу, а немцы предлагали 50 : 50). Впоследствии возник упоминаемый выше конфликт из-за Рура.

Летом 1924 года в Эссене, Париже и Брюсселе начались переговоры между германскими и французскими промышленниками. Переговоры, происходившие одновременно с дипломатическими, привели к заключению ряда важных хозяйственных соглашений. Заключение этих соглашений совпало с локарнскими соглашениями и вступлением Германии в Лигу наций. В результате этого лотарингская руда явилась наряду с американскими долларами базой развития германской тяжелой промышленности, а французский картель тяжелой промышленности «Комите де Форж» был непосредственно заинтересован в росте германских вооружений...

Уже тогда крупный французский капитал стремился к организационному объединению французской промышленности Лотарингии с германской промышленностью Рура. Эти планы пропагандировал один из «могильщиков Франции», ставший позднее премьер-министром, Поль Рейно. Сегодня этот же самый Поль Рейно является одной из американских марионеток во Франции и участвует в осуществлении тех же самых «планов» под гегемонией крупных монополий США (например, «плана Шумана»)...

С германской стороны активнейшими участниками картельных соглашений были Фриц Тиссен и Арнольд

¹ Мильеран — бывший «социалист», впоследствии президент Франции, был тесно связан с французским картелем тяжелой промышленности «Комите де Форж». — *Прим. автора.*

Рехберг, который еще в 1919 году в своей книге «Сколько стоит мирный договор Антанте» предлагал англичанам и французам 30 процентов акций в германской промышленности в уплату за передачу русской промышленности (понятно, после свержения советской власти) в совместную эксплуатацию.

Переговоры между капиталистами обеих стран явились еще до их окончания основой франко-германского политического сближения. Особую активность в этом направлении проявил французский министр иностранных дел Аристид Бриан. Переговоры Бриана со Штреземаном представляют собой исключительно интересную и характерную страницу истории французской дипломатии и ее отношения к Германии. Поэтому имеет смысл несколько подробнее рассказать о них.

Исходным пунктом переговоров между министрами явилось, как мы отмечали выше, соглашение промышленников. 5 августа 1926 года Штреземан заявил представителю Бриана, профессору Теснардю:

«Министр иностранных дел [Штреземан] надеется, что договоренность между крупной промышленностью Франции, Бельгии, Люксембурга и Германии окажет весьма большое влияние на развитие экономического сотрудничества между Францией и Германией».

Уже 22 августа 1926 года французский поверенный в делах в Берлине Лабулайе мог сообщить Штреземану ответ своего начальства. Бриан не только с радостью приветствовал относительно сдержанные слова Штреземана, но и открыто выражал удовлетворение по поводу успехов в деле франко-немецкого сближения.

«Господин Бриан с радостью приветствует это соглашение [промышленников.— М. С.]... Он [Бриан] разговаривал недавно с одним из руководителей германской промышленности Фрицем Тиссенем, который высказался за дальнейшее германо-французское сотрудничество, и он [Бриан] полностью поддерживает эту мысль».

В конце беседы Лабулайе зачитал Штреземану заключительную часть письма Бриана. Содержание этого обширного документа представляется по записям Штреземана в следующем виде:

«Господин Бриан доказывает, что его позиция в вопросе германо-французских отношений не подверглась

никаким изменениям и что он, сохраняя симпатию к политике германского министра иностранных дел и к нему лично, просит, однако, меня [Штреземана], чтобы я принял во внимание границы его возможностей, с тем чтобы наши отношения не омрачились в результате *чересчур быстрого осуществления* [подчеркнуто в оригинале. — М. С.] германских стремлений».

Яснее этого уже нельзя было сказать! Бриан отчетливо давал здесь понять Штреземану, что речь идет не о существе дела, а исключительно о том, чтобы чересчур быстрые темпы не вызвали преждевременного возмущения во Франции. Штреземан с полным пониманием отнесся к этому заявлению Бриана, однако, почувствовав почву под ногами, не замедлил предъявить мелкое («для начала») территориальное требование (Эйпен и Мальмеди), а также напомнить Бриану его другое знаменательное заявление:

«Именно г-н Бриан выражал мысль, что общеевропейская договоренность должна опираться на германо-французскую договоренность. Еще восемь дней тому назад г-н Бриан заявил г-ну Фрицу Тиссену, что если бы сегодня провести во Франции плебисцит по вопросу о наиболее выгодном союзе, какой Франция могла бы заключить, то 85 процентов французов голосовало бы за союз с Германией».

10 сентября 1926 года германская делегация торжественно вошла в зал заседаний Лиги наций, встреченная овацией присутствовавших делегатов. 17 сентября Бриан и Штреземан, ускользнув от корреспондентов, покинули Женеву и провели секретные переговоры в швейцарской деревушке Туари. Встреча в Туари, которая несколькими днями позже стала крупнейшей европейской сенсацией, протекала следующим образом. Предметом бесед был главным образом вопрос об участии Германии в... стабилизации французской валюты. Конкретно речь шла о том, чтобы Германия заплатила Франции за досрочное освобождение Рейнской области и за Саарские угольные шахты. Штреземан в весьма грубой форме ставил политические условия и даже территориальные вопросы. Вот несколько интересных моментов из этих переговоров:

«Штреземан. Как обстоит дело с ликвидацией военного контроля [над Германией.— М. С.]?»

Б р и а н. Сегодня происходят переговоры между Масильи [тогдашний директор департамента французского министерства иностранных дел.— М. С.] и Вейсманном и Пюндером [представители Германии.— М. С.]. Я думаю, что остались только мелочи. Вы, со своей стороны, проследите, чтобы было сделано все, как полагается. Тогда я немедленно дам инструкцию французскому представителю в совете послов отозвать военную контрольную комиссию».

Как одну из «мелочей» Бриан затронул вопрос о разраставшихся в Германии полувоенных организациях. «Мои генералы не дают мне с этим покоя»,—жаловался он своему германскому коллеге. Штреземан не замедлил отвести этот вопрос как не имеющий значения:

«Генерал фон Сект никогда не делал секрета из того, что хочет иметь дело с настоящими солдатами и отбрасывает прочь всякую игру в солдатики... Люди просто любят краски, радость, движение — этим объясняются успехи «Стального шлема», с одной стороны, и Рейхсбаннера [социал-демократическая военизированная организация.— М. С.] — с другой».

Бриан согласился очень быстро:

«Я тоже так думаю. Это действительно должно производить впечатление, если кто-либо наденет себе на голову стальной шлем и изобразит профессионального вояку. Я также не придаю большого значения этому вопросу».

Такая форма аргументации вообще была характерна для Штреземана. Полтора месяца спустя, в беседе с французским послом Маржери, Штреземан вновь характеризовал «Стальной шлем» и другие подобные организации просто как невинное занятие немецких обывателей. Единственной действительно опасной для дела мира организацией, по мнению Штреземана, был... «Рот фронт» (коммунистическая организация):

«Я считаю, что, кроме «Рот фронта», в Германии нет организации, которая проводила бы регулярные военные занятия. Это относится к двум большим союзам — «Стальному шлему» и «Юнгдейтчер орден». «Стальной шлем» в значительной степени состоит из людей женатых, а, кроме того, большинство его членов — это купцы, служащие и рабочие. Откуда же эти люди возьмут время на военные занятия?»

Французским дипломатам говорилось то, что... они хотели услышать.

В ходе дальнейшей беседы Штреземан начал высказывать свои замечания относительно состава... французского правительства. Не нравился ему, в частности, премьер-министр Пуанкаре, которого в широких кругах считали ярким врагом Германии. Штреземан заявил, что он охотно окажет помощь в деле стабилизации франка, но не хотел бы приобщаться к стабилизации кабинета Пуанкаре. Бриан с необычайной «лояльностью» проявил свое отрицательное и даже пренебрежительное отношение к премьеру и заявил, что он не верит, чтобы кабинет Пуанкаре долго продержался. Вслед за этим он произнес знаменательные слова:

«Впрочем, ведь это прекрасная шутка истории, что вступление Германии в Лигу наций и франко-немецкое соглашение совершилось именно в момент, когда этот человек [Пуанкаре] является премьером Франции».

Такие «шутки» история преподносила Франции не в первый и не в последний раз. Пуанкаре считался врагом германского империализма. Но Пуанкаре был реакционным политиком, и это именно определяло его деятельность. «Антинемецкие» настроения всех реакционных французских политиков, начиная от Тьера, всегда в конечном счете развеивались как дым и превращались в сотрудничество с германской реакцией. На алтарь своих классовых интересов реакция, не колеблясь, приносила национальные интересы Франции. Не иначе было и в Туари. Французская реакция рассматривала сближение французских и германских империалистов как исходный пункт для дальнейших закулисных махинаций. Вот одна из записей Штреземана.

«Бриан заявил, что Тиссен намеревается, кроме соглашения о Стальном тресте, заключить с Францией также и другие договоры. Когда я ему сказал, что Фриц Тиссен является наиболее известным членом националистической партии [немецкая националистическая партия была тесно связана с гитлеровской партией.— М. С.] из среды промышленников, Бриан рассмеялся и сказал: «Если бы мы имели таких «националистов», было бы значительно легче прийти к соглашению».

Переговоры в Туари были одобрены французским

правительством. Официальное французское коммюнике гласило:

«Совет министров одобрил отчет министра иностранных дел о позиции французской делегации в Женеве и его переговорах со Штреземаном в Туари».

Английский министр иностранных дел Остин Чемберлен заявил Штреземану еще в Женеве:

«Я знаю, что Вы будете беседовать с Брианом в Туари. Знаю также, что он будет Вам предлагать; приветствую такое разрешение. Дальнейшее развитие вопроса будет касаться нас всех».

Действительно, дальнейшее «развитие вопроса» касалось монополий всех капиталистических стран. Кроме созданного в 1926 году стального картеля, картеля по производству железнодорожных рельсов и картеля предприятий, производящих трубы, в 1927 году был создан европейский картель, объединявший предприятия, производящие проволоку; было создано международное объединение по производству цемента; создан синдикат по производству стеклянных изделий; организована международная федерация по производству искусственного шелка, в которой главную роль играл германский «И. Г. Фарбениндустри»; было заключено международное соглашение предприятий химической промышленности.

Если говорить о немецко-американских связях, то, кроме указанных уже картелей, необходимо отметить соглашение между «И. Г. Фарбениндустри», американским трестом «Дюпон де Немур» и английским трестом «Империял кемикл индастрис», а также между «Стандард ойл» и «Ройял Датч шелл» в области продукции искусственного топлива, в военной промышленности — между американской фирмой Ремингтон и германским Рейнско-Вестфальским обществом по производству пороха и динамита и т. д. и т. п. Огромную роль в этих соглашениях играло совместное использование патентов.

Германские концерны проявляли также значительную активность на американском континенте. «И. Г. Фарбениндустри» создал в Америке ряд зависимых от себя фирм, как, например, «Дженерал дайстафф корпорейшн» — краски и взрывчатые вещества, «Агфа Анско корпорейшн» — производство фотографических материалов, «Кемикал анилайн уоркс» и другие. «И. Г. Фарбен-

индустри» контролировал также крупную компанию «Магнезиум дивелоппмент корпорейшн» и др. АЭГ — германский электрический трест — кроме Европы контролировал также южно-американские рынки, действуя через свой филиал «Компани испано-американа де электрицидад».

Мы привели только несколько фактов, которые могут осветить рассматриваемый вопрос лишь частично. Но и это проливает свет на причины такой политики западных государств по отношению к Германии после первой мировой войны. Международные монополистические союзы оказывали значительное влияние на изменение как внутривнутриполитических отношений в Германии в направлении фашизации страны, так и на развитие событий на международной арене. Нетрудно установить совпадение дат заключения соглашений между картелями и очередными этапами политики «умиротворения» агрессора. От Локарно, которое «случайно» совпало с созданием европейского стального картеля, вплоть до марта 1939 года (занятие Праги), когда был заключен известный германо-английский промышленный договор в Дюссельдорфе, тянется одна большая цепь соглашений между монополистами, определяющими политику своих (в полном смысле слова своих!) правительств.

Приход Гитлера к власти не прервал, конечно, связей в «хозяйственных сферах». Наоборот, по вполне понятным мотивам сотрудничество монополистического капитала систематически укреплялось.

Американским «химическим королем» является трест «Дюпон де Немур», связанный с германским «И. Г. Фарбениндустри». Уже в феврале 1933 года Дюпон пришел к выводу о том, что гитлеровская Германия имеет одно большое достоинство: она готова покупать боеприпасы и взрывчатые вещества. В связи с этим Дюпон не упустил случая начать переговоры и даже заключить с гитлеровским агентом Гера контракт (что было разоблачено позднее в сенате) на поставку Германии взрывчатых веществ. Дюпон не был в этом отношении исключением. Полковник Бен, председатель «Американской телеграфной и телефонной компании», входящей в состав концерна Моргана, посетил в 1933 году Гитлера и согласовал с ним список лиц, которые должны войти в

состав правлений германских промышленных компаний. В состав руководства одного из таких предприятий «Лоренц» вошли между прочим: известный уже нам Курт фон Шредер, генерал Курт Лизе из департамента вооружения, Эмиль Мейер из правления «Дрезднер банк» и другие лица, фигурировавшие преимущественно в упоминаемом выше списке «опекунов СС». Председателем наблюдательного совета «Лоренц» был назначен Герхард А. Вестрик — гитлеровский агент в США, а также доверенное лицо американских концернов.

В 1937 году фирма «Лоренц», 98,8 процента акционерного капитала которой принадлежало американскому телефонному тресту, закупила 30 процентов акций известного авиационного завода «Фокке Вульф» в Бремене. Иначе говоря, американский трест непосредственно финансировал германскую военную промышленность. Получал он за это, конечно, в стократном размере, — прибыли росли из года в год. Входившие в состав треста предприятия охотно жертвовали средства в фонд Гимmlера. В списке вносивших пожертвования были фирма «Лоренц», «Микс и Генест» и другие. Годовой взнос этих фирм в гимmlеровский фонд составлял 20 000 марок.

Особого внимания заслуживает история банкирского дома Шредеров. Банкир Курт фон Шредер, происходивший из Кёльна, был уже неоднократно предметом нашего внимания. Мы знаем его как совладельца банкирского дома Штейна, как одного из активнейших гитлеровцев. Банкирский дом Штейна был представлен в правлении германского Стального треста, который имел, конечно, многочисленные интересы в Америке и Англии. «По случайному совпадению» представительство интересов этого треста было поручено двум банкирским домам, владельцы которых носят фамилию Шредер. Речь идет здесь о лондонском и нью-йоркском банкирских домах Генри Шредера. Лондонско-ньюйоркские Шредеры и кёльнские Шредеры происходят от одних предков. Основателем лондонского банкирского дома был Бруно Шредер (родившийся в 1867 году в Гамбурге), который эмигрировал в Англию.

Может быть, родственные связи и не играли здесь решающей роли, однако, во всяком случае, несомненно, что ньюйоркско-лондонский банкирский дом Шредеров

стал представителем Стального треста, немецкой агентурой в США. Между прочим, банк Шредеров финансировал общество «Шеринг корпорейшн» в Блумфилде (штат Нью-Джерси), принадлежавшее известному германскому химическому концерну Шеринга.

Одним из директоров нью-йоркского филиала банка Шредеров является Аллен Даллес, бывший во время войны руководителем американской разведки в Европе. Аллен Даллес является братом советника государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса, одного из инициаторов современной «долларовой дипломатии». Джон Даллес является главой адвокатской фирмы «Салливен и Кромвелл», которая представляет интересы ряда американских концернов, а также банка Шредеров.

Наконец, представителем фирмы «Салливен и Кромвелл» в Германии был упомянутый выше Герхард А. Вестрик — председатель наблюдательного совета «Лоренц», торговый атташе Германии в Вашингтоне, обвинявшийся в 1940 году американскими властями в шпионаже.

Читатель простит нас за это, может быть, чересчур продолжительное, но, несомненно, поучительное привлечение его внимания к банкирскому дому Шредеров вместе с его ответвлениями. Эта сложная история, несомненно, проливает свет на тот факт, что друга Гимmlера и генерала СС кельнского банкира Курта фон Шредера денацификационный суд в американской зоне оккупации Германии приговорил... к штрафу в 10 000 марок (!) и выпустил на свободу.

Со Шредером нелегко, однако, закончить. Английское отделение банка Шредера принадлежало основателю «Общества англо-германской дружбы». Это общество, между прочим, «имело честь» принимать у себя в качестве гостей Риббентропа, маршала фон Бломберга и ряд других видных лиц гитлеровской Германии. Общество зачисляло в список своих членов не только физических лиц, но также и фирмы. Так, например, в обществе состояли крупные сталелитейные заводы «Виккерс стейнлес стил», тесно связанные с военным концерном «Виккерс-Армстронг». Членом общества был также лорд Мак-Гаун, председатель «Империял кемикал индастрис», крупного химического треста, связанного с «И. Г. Фар-

бениндустри» значительным капиталом (11 миллионов фунтов), вложенным в совместно контролируемые предприятия. Акционером этого химического треста был, между прочим, один из творцов пресловутого мюнхенского соглашения Невиль Чемберлен.

Коллективным членом «Общества англо-германской дружбы» состоял также мировой концерн мыла и маргарина «Левен энд юнилевер». Этот концерн контролировал перед войной $\frac{3}{4}$ европейской продукции маргарина и $\frac{4}{5}$ мировой продукции мыла. Концерну принадлежало 10 заводов в Германии, а также крупная германская фирма в Чехословакии (имевшая перед войной также заводы в Польше) «Шихт». Шихт, который являлся членом наблюдательного совета концерна «Левен энд юнилевер», был одним из главных опекунов «фюрера» судетских гитлеровцев Конрада Генлейна. Шихт был во время войны руководителем всех филиалов «Левен энд юнилевер» в Германии и в оккупированных странах. Необходимо еще отметить, что председатель «Левен энд юнилевер» и член правления общества англо-германской дружбы Купер в 1939 году был назначен Чемберленом членом «комиссии шести» по вопросам вооружения¹.

В мюнхенский период много шума было поднято вокруг лорда Ренсимена, который в качестве личного представителя Чемберлена исследовал положение в Чехословакии и меморандум которого стал документом, обосновывающим политику Англии в вопросе о чешско-германском конфликте. Сын лорда Ренсимена, Уолтер Ренсимен, принадлежал к числу руководителей «Общества англо-германской дружбы», являясь также членом правления одного из крупнейших английских финансовых центров «Ллойд банка».

Поскольку мы затронули вопрос о Мюнхене, то важно рассмотреть так называемое «дюссельдорфское соглашение».

¹ Попутно важно отметить, что бывший английский посол в Варшаве Кавендиш-Бентик после бесславного окончания своей дипломатической карьеры получил, по данным, проникшим в печать, должность представителя концерна «Левен энд юнилевер» в Германии. — *Прим. автора.*

В начале 1939 года, когда Гитлер готовился к окончательному захвату Чехословакии, в Дюссельдорфе происходили переговоры между представителями Федерации британской промышленности и руководством Германской имперской промышленной группы. В тот же день, когда гитлеровские войска вступили в Прагу, весь мир узнал о заключении соглашения между руководителями английской и германской промышленности. Это соглашение предусматривало прекращение взаимной конкуренции и даже совместные действия английского и германского правительств против промышленников другой страны, которые угрожали бы германо-английской промышленной унии. Вот выдержка из этого соглашения:

«Обе организации с радостью приветствуют открывшуюся благодаря этим переговорам возможность дальнейшего укрепления существующих уже в течение многих лет дружественных взаимных отношений.

...Обе организации стоят на той точке зрения, что желательно прекращение разорительной взаимной конкуренции при помощи заключения промышленных договоров...

Обе организации полностью отдают себе отчет в том, что польза от соглашений между обеими странами может быть сведена на нет в результате противодействия со стороны какой-нибудь третьей страны, которая не желает присоединиться к договору. В таких случаях организации могут быть вынужденными искать помощи у своих правительств. Обе организации договариваются в каждом таком отдельном случае просить указанной помощи у своих правительств.

...В целях обеспечения успеха этой политики... создан постоянный комитет из представителей обеих организаций. Комитет будет собираться через определенные промежутки времени и контролировать состояние переговоров [между отдельными отраслями промышленности.— М. С.]».

Под давлением общественного мнения английские капиталисты (правда, с большим промедлением) вынуждены были в дальнейшем отказаться от этого соглашения, так как весь мир был слишком обеспокоен другим соглашением, заключенным в тот же самый день, — «соглашением» между Гитлером и президентом Чехословацкой

республики Гаха, в результате которого германские войска маршировали уже по улицам Праги...

Не состоялась также предусмотренная в Дюссельдорфе поездка германских промышленников в Англию летом 1939 года. Германский империализм, заботливо взращенный союзниками, начал осуществлять свои планы. Танки и автомашины, на поставке которых Германии зарабатывали американские и английские монополисты, двинулись не только по дорогам Польши, но также и по дорогам Франции. Самолеты, на поставках которых зарабатывала «Дженерал моторс», снабженные бензином, на котором зарабатывали «Стандард ойл» и «Империал жемикал индастрис», начали сбрасывать бомбы, на которых зарабатывал Дюпон, не только на Варшаву, но также на Лондон и Ковентри.

Вчерашний воспитанник стал слишком опасным соперником, чтобы можно было разрешить дальнейший рост его сил.

Сотрудничество империалистических групп всегда является в то же время борьбой. В отдельные периоды доминирует одна или другая тенденция, но никогда, даже в периоды полного согласия, не прекращается соперничество, точно так же, как никогда, даже в периоды открытой борьбы, не исчезает стремление к сотрудничеству. Период второй мировой войны может служить классическим примером этого явления. Сотрудничество американских, английских, французских и германских монополистических объединений фактически не прекращалось и во время войны. Оно подверглось лишь определенному ослаблению и приобрело новые формы.

В 1942 году заместитель министра юстиции США Арнольд довел до сведения подкомиссии сената ряд данных, касающихся связей между «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» во время войны.

На основе соглашения между обеими монополистическими группами «Стандард ойл» передала «И. Г. Фарбениндустри» данные о методах производства синтетического каучука, сохраняя их в то же время в секрете от американского правительства. 26 марта 1942 года Арнольд заявил в сенате:

«Стандард ойл» задерживала производство каучукбуна, потому что гитлеровское правительство, руководст-

вудясь стратегическими соображениями, не хотело развития здесь [в США.— М. С.] этой продукции».

В 1940 году «Стандард ойл» отказалась передать американским фирмам патент на производство толуола, в то время как Германия получила этот патент без всяких затруднений.

Известно, какую огромную роль как в экономическом, так и в военно-политическом отношении имели для гитлеризма позиции германских монополий в Южной Америке. Еще в 1941 году «Стандард ойл» точно выполняла соглашение о недопущении «третьей» силы в Южную Америку, которая рассматривалась как сфера влияния «И. Г. Фарбениндустри». В течение всей войны итальянская авиационная линия «Лати» поддерживала регулярное сообщение с Южной Америкой, оказывая большие услуги гитлеровскому правительству как в создании шпионских организаций и обеспечении их связей с центром, так и в доставке исключительно важных со стратегически-экономической точки зрения материалов. Между прочим, на самолетах «Лати» доставлялось в Германию значительное количество алмазов, предназначенных для промышленных целей. Линия «Лати» имела возможность в течение всей войны поддерживать регулярное сообщение с Южной Америкой только благодаря непрерывным поставкам бензина фирмой «Стандард ойл».

Жидкое топливо было вообще лучшим «видом связи» между «И. Г. Фарбениндустри» и англо-американскими монополиями. Еще в 1938 году между «И. Г. Фарбениндустри», «Стандард ойл» и англо-голландским нефтяным трестом «Ройял Датч шелл» было заключено соглашение, в силу которого создана была совместная организация «КРА» по производству синтетического бензина. Соглашение обязывало «И. Г. Фарбениндустри» не экспортировать производимого в Германии синтетического бензина, взамен чего «И. Г. Фарбениндустри» получала наравне со «Стандард ойл» право участвовать в прибылях от производства авиационного бензина в США. После начала войны «И. Г. Фарбениндустри» должна была формально выйти из этого нефтяного «интернационала», фактически, однако, все пункты заключенного договора соблюдались и выполнялись даже позднее. Каждый литр бензина, который сжигали самолеты союз-

ников, бомбардируя Германию, приносил доходы «И. Г. Фарбениндустри». Если помимо этого принять во внимание то обстоятельство, что большинство предприятий «И. Г. Фарбениндустри», а также здание ее центрального управления во Франкфурте-на-Майне «чудом» уцелели от бомбардировок, то польза, которую приносил этот договор концерну, станет совершенно очевидной.

Взаимное регулирование расчетов было, конечно, во время войны затруднено. Участники нефтяного соглашения нашли, однако, выход и из этого положения. Франк Говард, вице-председатель «Стандард ойл», открыто заявил в 1942 году на заседании патентной комиссии сената:

«Наш филиал в Германии «Дейче-американише петролеум гезельшафт» продает производимые «И. Г. Фарбениндустри» материалы. Германские филиалы «Стандард ойл» имели значительные доходы от продажи гитлеровскому правительству собственных и принадлежащих «И. Г. Фарбениндустри» материалов. При помощи этих именно доходов регулировались замороженные в США прибыли «И. Г. Фарбениндустри», причитающиеся в силу соглашения о «КРА».

Впрочем, как «Стандард ойл», так и другие сотрудничавшие с германскими монополиями американские и английские концерны имели совместную финансовую организацию, которая беспрепятственно функционировала во время войны, оказывая всем заинтересованным сторонам неоценимые услуги. Речь идет здесь о пресловутом Банке международных расчетов в Базеле (Швейцария).

Банк международных расчетов был основан в 1930 году как один из важнейших инструментов мирового финансового капитала. В этом банке были представлены интересы всех более или менее важных монополистических объединений мира. В состав руководства банка входили, между прочим: Яльмар Шахт, которого заменил позднее гитлеровский министр хозяйства Вальтер Функ, многократно уже упоминавшийся банкир Курт фон Шредер, председатель «И. Г. Фарбениндустри» Герман Шмитц. Со стороны Англии решающую роль в руководстве банка играл известный германофил, главный директор Английского банка Монтегю Норман. Представителем американского финансового капитала

был Томас М. Киттрик, связанный с известным «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», а в последнее время с «Чэйз нэшнл бэнк». Пайщиками Банка международных расчетов были также японские, итальянские, французские, швейцарские, бельгийские, голландские и другие капиталисты.

Банк международных расчетов еще до войны являлся важнейшим кредитором гитлеровской Германии. В 1939 году банк без малейшего колебания передал в распоряжение Германии суммы, принадлежавшие Чехословакии, в размере 6 миллионов фунтов стерлингов золотом. Эта сумма была депонирована в Английском банке, руководство которого (Монтегю Норман!) немедленно выполнило поручение Банка международных расчетов, передав в мае 1939 года чехословацкое золото Германии. Во время войны, как мы уже упоминали выше, банк функционировал нормально, оформляя дела всех контрагентов и являясь своеобразным центром, соединяющим разделенный линиями фронтов капиталистический «интернационал». Представители финансового капитала обеих сторон в полном согласии сотрудничали между собой в Банке международных расчетов, заботясь прежде всего о регулярной выплате дивидендов пайщикам, что осуществлялось бесперебойно.

Банк международных расчетов играл также роль хранилища золота и ценностей, награбленных гитлеровцами в оккупированных странах Европы. В самый последний момент перед капитуляцией Германии, в апреле 1945 года, Рейхсбанк передал Банку международных расчетов значительную часть своего золотого запаса, среди которого, по всей вероятности, находились различного рода ценности и золотые зубы, привозимые из лагерей смерти.

12 октября 1939 года, то есть через полтора месяца после начала войны, один из директоров «Стандард ойл» писал о состоявшейся за несколько дней до этого конференции с представителями «И. Г. Фарбениндустри» в Гааге (письмо это цитировал в 1942 году упоминавшийся уже нами заместитель министра юстиции США Арнольд):

«Мы делали все, чтобы разработать «модус вивенди», которое сохранило бы свою силу на весь военный пе-

риод, независимо от того, вступят ли в войну Соединенные Штаты или нет».

Участники этих переговоров могли с чистой совестью заявить, что они «добросовестно» придерживались установленной в свое время программы действий. Правда, формы связи между монополиями государств-противников должны были, по вполне понятным соображениям, измениться, но они никогда не разрывались. Английские и американские монополии видели цель войны в ликвидации угрозы со стороны чересчур энергичного конкурента, в новом переделе сфер влияния и т. д. Но их целью никогда не был действительный и окончательный разгром германского империализма, который, даже будучи военным противником, не переставал быть одновременно союзником, особенно ввиду растущего авторитета Советского Союза и усиливающегося национально-освободительного движения во всем мире.

* * *

Мы привели лишь немногие факты о сотрудничестве германского, а также американского и западноевропейского монополистического капитала.

Нам кажется, что ознакомление даже в самой общей форме с этим вопросом является необходимой предпосылкой для понимания дальнейшего хода международных событий, особенно в период установления гитлеровской диктатуры в Германии, а также во время второй мировой войны и после ее окончания.

Глава 4

„Завтра может быть уже поздно...“

30 января 1933 года Гитлер пришел к власти. Выкормленный американскими займами, связанный видимыми и невидимыми нитями с монополистическим капиталом и правящими кругами западных государств, гитлеризм на всех парах начал подготовку к войне.

30 января 1933 года Гитлер пришел к власти, а 6 февраля, то есть всего лишь неделей позднее, советская делегация на конференции по разоружению внесла проект международной конвенции об определении агрессора. Подписание такого документа ставило целью выбить оружие из рук всех тех, кто совершал нападение или отказывался ему противодействовать под предлогом отсутствия ясности в том, можно ли данное действие квалифицировать как акт агрессии¹. Ни для кого не было секретом, против кого был направлен проект конвенции об определении агрессора. Это была первая попытка, предпринятая Советским Союзом в целях приостановки агрессии со стороны гитлеровской Германии. До всеобщего разрешения вопроса дело, однако, не дошло (Советский Союз подписал по собственной инициативе конвенцию только с некоторыми государствами, в том числе с Польшей), поскольку гитлеровский переворот в Германии способствовал сближению Германии с Англией и Францией, которые задавали в то время тон в европейской политике.

¹ Классическим примером такого рода «неясности» был вопрос о нападении Японии на Китай в 1931 году, когда Лига наций, несмотря на бесчисленное количество комиссий и подкомиссий, созданных по этому вопросу, не смогла прийти к выводу, о том, имел ли действия Японии агрессивный характер и следует ли в связи с этим оказать Китаю помощь. — *Прим. автора.*

30 января Гитлер пришел к власти. 23 марта 1933 года премьер-министр Англии Макдональд проинформировал парламент о происходивших в Риме переговорах по вопросу о заключении так называемого «пакта четырех», который, между прочим, предусматривал признание равенства прав Германии в области вооружений. 9 апреля 1933 года, как сообщает прелат Пунди в своей книге о Пие XII, в Ватикане начались переговоры по вопросу о заключении конкордата с Германией. 7 июня 1933 года представители Англии, Франции, Германии и Италии подписали в Риме «пакт четырех». 20 июля 1933 года Ватикан заключил конкордат с Гитлером и фон Папен был назначен папским камергером. 28 ноября 1933 года консервативная лондонская газета «Дейли мейл» писала, что «энергичные германские нацисты, являются защитниками Европы от коммунистической опасности». Одновременно сэр Артур Бальфур, председатель наблюдательного Совета английского стального концерна «Бальфур стил» заявил, что «перед лицом грозной опасности с востока разоруженная Германия была бы похожа на сливу, которая ожидает, что ее сорвут русские. Мы должны защищать Германию, если она сама будет не в состоянии этого сделать. Одной из самых больших опасностей для дела мира является разоруженная Германия».

Таким образом, оказалось достаточным всего лишь нескольких месяцев или даже недель с момента прихода Гитлера к власти, чтобы в Европе и во всем мире ясно обозначились два совершенно противоположных фактора, которые сохранились и на протяжении всего последующего периода: с одной стороны, неутомимые усилия СССР в целях укрепления фронта мира, фронта, способного противостоять фашистской агрессии; с другой стороны, вероломная политика английских, американских и французских империалистов, поощрявших Гитлера к агрессии и активно поддерживавших его.

Вот ход событий в кратком, почти хроникальном изложении.

29 мая 1934 года народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов провел первую беседу с министром иностранных дел Франции Барту, одним из немногих западноевропейских политиков, которые сознавали опас-

ность, надвигавшуюся со стороны агрессивной Германии, и ту роль, какую может сыграть Советский Союз в борьбе против гитлеровской агрессии. Литвинов без всяких оговорок высказался за заключение так называемого Восточного пакта. Восточный пакт должен был охватить все государства Восточной Европы и создать такую систему обороны, при которой всякий акт агрессии вызывал бы коллективное выступление против агрессора.

Восточный пакт не был заключен. 13 июля 1939 года министр иностранных дел Англии Джон Саймон заявил в палате общин, что английское правительство не будет принимать участия ни в каких попытках «окружения» Германии. Одновременно Пилсудский¹ решительно воспротивился идее Восточного пакта. Косвенным результатом переговоров по вопросу о Восточном пакте явился лишь договор о взаимопомощи, заключенный Советским Союзом с Францией (2 мая 1935 года) и Чехословакией (16 мая 1935 года). Договор с Чехословакией предусматривал, что в случае нападения на Чехословакию Советский Союз окажет Чехословакии немедленную вооруженную помощь, если одновременно выступит Франция, обязанная это сделать на основании франко-чехословацкого договора.

15 сентября 1934 года Советский Союз принял приглашение вступить в Лигу наций, подтверждая этим свое стремление использовать всякую возможность для укрепления системы коллективной безопасности.

7 января 1935 года французский министр иностранных дел Лаваль заключил в Риме соглашение с Муссолини, уступив требованиям «дуче» и облегчив ему тем самым осуществление агрессивных планов в Африке.

1—3 февраля 1935 года в Лондоне состоялась конференция представителей правительств Англии (Саймон) и Франции (Фланден и Лаваль). Декларация участников конференции, опубликованная 3 февраля, констатировала, что «предпосылкой организации безопасности в Европе является непосредственное и эффективное сотрудничество с Германией».

¹ К этому вопросу мы еще возвратимся во второй части книги. — *Прим. автора.*

Ободренный этим, Гитлер 16 марта 1935 года заявил об отказе выполнять военные статьи Версальского договора, введя в Германии всеобщую воинскую повинность. В тот же день Гитлер принял большой военный парад.

Англия реагировала на это весьма сдержанно. Нота протеста имела чисто формальный характер, а 24 марта 1935 года в Берлин прибыл Джон Саймон, чтобы выслушать ряд очередных требований Гитлера. 18 июля 1935 года Англия заключила с Германией морское соглашение, на основании которого Германия получила право содержать морской флот, равный 35 процентам всех морских сил Британской империи. Заключение этого соглашения означало, что Англия, не задумываясь, нарушила постановления Версальского договора, который запрещал Германии иметь морские вооружения.

Перед лицом возрастающей опасности со стороны Германии Советский Союз пригласил в Москву министра иностранных дел Англии Идена, желая при этом высказать свою точку зрения по поводу сложившейся обстановки и предпринять предупредительные меры против Германии. Переговоры не дали, однако, конкретных результатов, так как английское правительство имело совершенно иные планы: 11 апреля 1935 года на конференции в Стресе (Италия) представители Англии, Франции и Италии решительно высказались против применения по отношению к Германии каких-либо санкций за нарушение Версальского договора.

Среди политиков, покровительствовавших фашистским агрессорам и стремившихся к изоляции Советского Союза, не могло не быть, конечно, американских реакционеров. По заявлению тогдашнего посла США в Берлине Додда, летом 1935 года его посетил американский посол в Москве Буллит, который сообщил ему о предстоящем нападении Японии на дальневосточные территории Советского Союза. С послом Франции Буллит вел переговоры по вопросу об отказе от советско-французского договора о взаимопомощи.

В таких условиях фашистские агрессоры получили свободу действий. 4 октября 1935 года войска Муссолини перешли границу Абиссинии.

Правительство Советского Союза заняло ясную позицию в связи с ничем не оправданным нападением,

требуя в своей ноте от 22 ноября 1935 года применения положений Устава Лиги наций, предусматривающего совместное выступление против агрессора. 10 января 1936 года Молотов заявил, что Советский Союз «исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии».

Западные государства реагировали иначе. В октябре 1935 года английский министр иностранных дел Хор заявил итальянскому министру Гранди:

«Великобритания не имеет никаких намерений ни нападать на фашизм, ни создавать блокаду. Она и не помышляет о военных санкциях».

9 декабря 1935 года министры иностранных дел Англии и Франции, Хор и Лаваль, заключили соглашение, которое предусматривало фактический отказ от всяких попыток защиты Абиссинии. Правда, взрыв всеобщего возмущения в Европе принудил авторов неудачного соглашения к отступлению, но позиция обоих правительств осталась прежней. Вскоре итальянцы заняли Аддис-Абебу, а 30 июня 1936 года Иден потребовал от Лиги наций отмены санкций по отношению к Италии: «Надо смотреть фактам прямо в глаза, надо считаться с действительностью. Продолжение санкций в их нынешней форме не принесет никакой пользы». 4 июля 1936 года санкции были отменены. Абиссиния перестала существовать как независимое государство.

Характерно, что абиссинская агрессия Муссолини встретила горячую поддержку со стороны Ватикана и сановников итальянской церкви. Еще 29 августа 1935 года Пий XI публично заявил, что Италии необходимо «жизненное пространство». По данным книги Авро Мэнхэттена «Ватикан», в активной кампании по оказанию помощи Муссолини принимало в то время участие 7 кардиналов, 29 архиепископов и 61 епископ. Папа римский (который одновременно является главой итальянской церкви) официально разрешил итальянскому духовенству активно участвовать в кампании, пропагандирующей захватническую войну против Абиссинии.

7 марта 1936 года германские войска вступили в Рейнскую область, что означало нарушение постановлений Локарнских соглашений (1925 год), которые, как известно, предусматривали демилитаризацию Рейнской зоны.

Франция, над которой нависла непосредственная угроза, ограничилась лишь формальными протестами. Англия, также подписавшая локарнское соглашение, сделала то же самое, причем в еще менее выразительной форме. 18 марта 1936 года Иден заявил на сессии Совета Лиги наций в Лондоне, что факт вступления германских войск в Рейнскую зону не угрожает миру и «не вызывает необходимости непосредственных действий, которые предусмотрены в определенных случаях Локарнским договором».

Иную позицию занял представитель СССР. Он заявил, что обязанностью Лиги наций является защита международных договоров и что нельзя сохранить Лигу наций, если она не будет выполнять своих собственных постановлений; тем самым она приучит агрессоров не считаться с ее предостережениями. «Весь смысл выступлений господина Гитлера и его предложений в области международной политики, — говорил представитель СССР, — сводится к организации похода против народов представляемого мною государства, к объединению против них всей Европы, всего мира. Пусть его агрессия фактически метит на ближайшее время в другие страны, пусть его атаки на Советский Союз являются лишь дымовой завесой для подготовки агрессии против других государств, но уже то обстоятельство, что он выбирает для этой цели мишенью своих беспрестанных атак Советский Союз и что он это сделал опять в связи с нарушением Локарнского договора, дает мне право открыто и с особой силой говорить о сущности агрессивной внешней политики господина Гитлера».

Нарушение локарнских соглашений не повлекло за собой никаких последствий для Гитлера. Лига наций отклонила советские предложения, изложенные в документах о необходимости противодействия нарушениям договоров. Подобная же судьба постигла и меморандум советского правительства, переданный генеральному секретарю Лиги наций Авенюлю 30 августа 1936 года. Советская делегация в указанных документах выдвинула конкретный проект укрепления системы коллективной безопасности.

Подобного рода вопросы, постоянно поднимаемые представителями СССР, не интересовали правительства

Англии и Франции, а также стоящие за их спиной правящие круги Соединенных Штатов Америки. Ослепленные перспективой направления агрессии Гитлера на восток политические дельцы западных государств готовы были пойти на всевозможные уступки в отношении германского агрессора. Исчерпывающим образом такое положение вещей характеризует следующая цитата из письма германского посла в Париже Вельчека министру иностранных дел Германии фон Нейрату от 26 декабря 1936 года:

«Я неоднократно сообщал, что французы, несмотря на все пощечины, полученные ими за последние годы, и теперь еще согласны начать переговоры с целью прийти к взаимопониманию. То обстоятельство, что они сразу же после пощечин не соглашались даже на самые заманчивые предложения, психологически понятно. Теперь положение изменилось. Не фюрер протягивает руку, чтобы достичь взаимопонимания, а французы протягивают руку нам; битый обращается к тому, кто его ударил».

Вельчек выражает сомнение, указывая, что «едва ли удастся России заставить Францию отказаться от принятой и обещающей успех попытки прийти к соглашению [с Германией.— М. С.], хотя Москва работает усердно». В то же время Вельчек с удовлетворением подчеркивает тот факт, что все эти примирительные предложения исходят от правительства «социалиста» Блюма. В связи с этим гитлеровский посол проявляет поистине трогательную заботу о прочности политической позиции «социалистического» премьера и его министра иностранных дел, заявляя далее:

«Как мне стало известно из авторитетных источников, Блюм и Дельбос за сделанное нам предложение подвергаются резким нападкам со стороны следующих директивам Советов радикальных левых, которые саботируют всякую попытку достичь соглашения и которые хотели бы сделать демарш Блюма и Дельбоса поводом для их свержения. Так как в наших интересах удержать этих обоих здравомыслящих и честных людей у руля, то не рекомендуется заставлять Францию слишком долго ждать. Долгая задержка нашего ответа была бы, несомненно, воспринята здесь как оскорбление».

«Удержание у руля этих здравомыслящих и честных людей», атакованных «радикальными левыми» [то есть коммунистами], было, несомненно, в интересах Германии. Именно в этот период господ Блюм и Дельбос оказывали Гитлеру исключительно ценные услуги, причем не только путем внесения примирительных предложений в отношении Германии. Это ведь был период гражданской войны в Испании.

18 июля 1936 года группка фашистских генералов во главе с Франко и Мола подняла мятеж против законного правительства Испании, созданного в результате победы Народного фронта на всеобщих выборах весной 1936 года. Не могло быть никакого сомнения в том, что Франко является лишь марионеткой в руках Гитлера и Муссолини. В интересах обоих фашистских главарей было не только подавление движения народных масс, которое они всегда расценивали как наибольшую для себя опасность. Гитлер и Муссолини стремились подчинить себе Испанию, которая должна была принести им как экономическую пользу (сырье), так и политико-стратегические выгоды (окружение Франции, угроза: Гибралтару, выход в Атлантический океан и западную часть Средиземного моря, проникновение в Северную Африку и т. д.). Действуя с беспрецедентной наглостью, Гитлер и Муссолини почти открыто посылали в Испанию оружие и крупные воинские части, особенно авиационные и технические. Испанскому народу — первому в Европе — выпала задача оказать сопротивление бронированным ордам фашизма. Испанский народ, понимая, что борется не только за собственную свободу, но также и за дело всего прогрессивного человечества, за дело мира и безопасности народов, мужественно и самоотверженно вступил в неравный бой. Расчеты Гитлера и Муссолини быстро «разрешить» испанский вопрос потерпели крах. Война в Испании явилась первым ударом по «молниеносной» стратегии фашизма.

На помощь Гитлеру и Муссолини поспешили «здравомыслящие и честные люди», о которых с такой признательностью писал германский посол Вельчек. Блюм совместно с английским правительством начал политику удушения Испании петлей «невмешательства». Законному испанскому правительству было отказано в праве за-

купки оружия и необходимых материалов даже на золото, в то время как Германия и Италия, насмехаясь над «невмешательством», беспрепятственно снабжали Франко людьми и военными материалами. В испанском вопросе с особой наглядностью проявилась классовая ограниченность политики империалистов и их «социалистических» союзников. Невзирая на то, что победа гитлеровского агента Франко явно угрожала государственным интересам Франции и Англии, Блюм, Чемберлен, Эттли и компания всячески содействовали тому, чтобы сломить сопротивление испанского народа. Не их вина, что им не удалось этого сделать быстро...

Рабочие и крестьяне Испании не были, несмотря на усилия Блюма, одинокими в своей великой борьбе. Народные массы всего мира поняли, что в Испании идет борьба за общее дело, и посылали под Мадрид и Теруэль, на Эбро и Мансанарес своих лучших сынов. В первых рядах защитников Испанской республики находились и польские антифашисты, сознававшие, что своей борьбой они преграждают путь смертельным врагам польского народа.

Особое значение для укрепления силы сопротивления испанского народа фашистской агрессии имела помощь народов Советского Союза. Советский Союз оказывал народной Испании всевозможную политическую поддержку.

В период гражданской войны в Испании Советский Союз активно противодействовал фашистской агрессии. В первую очередь к его заслугам следует отнести тот факт, что в течение почти трех лет Испания приковывала к себе немалую часть вооруженных сил Германии и Италии, задерживая тем самым фашистскую агрессию на других участках.

16 октября 1936 года Сталин ответил на телеграмму генерального секретаря Коммунистической партии Испании Хозе Диаса, который благодарил СССР за помощь, оказанную испанскому народу:

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Положение в Европе обострялось с каждым месяцем. 25 ноября 1936 года между гитлеровской Германией и Японией был заключен пресловутый «антикоминтерновский пакт». Этим приятно звучащим для каждого империалиста названием участники захватнического пакта хотели обеспечить себе одобрение Лондона, Парижа и Нью-Йорка. Год спустя к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия. Треугольник Берлин — Рим — Токио готовился к осуществлению планов мирового господства...

30 января 1937 года, в четвертую годовщину своего прихода к власти, Гитлер произнес в рейхстаге очередную речь. После ряда банальных антисоветских выпадов германский канцлер выдвинул ряд требований, особенно домогаясь удовлетворения германских колониальных притязаний.

Выступление Гитлера встретило решительную отповедь советской печати, которая, раскрывая истинный смысл гитлеровских угроз, предостерегала правительства и общественное мнение Запада от продолжения капитулянтской политики.

Московская газета «Известия» писала 1 февраля 1937 года:

«Экономическая и политическая экспансия, бешеные вооружения и война являются стержнем всей политической программы фашизма. От этой программы фашизм откажется только в том случае, если он будет знать, что ему не удалось и не удастся разобщить и изолировать друг от друга мирные страны, которым одинаково, хотя и на разных этапах, угрожает германская агрессия. Он откажется от этой агрессии только в том случае, если будет видеть, что встретит немедленный, объединенный и сокрушительный отпор этих мирных стран. Гитлер может заколебаться и остановиться на пути к европейской мировой войне, если он будет к этому вынужден. Но разве Англия и Франция сделали что-нибудь, чтобы на деле остановить Германию на этом пути? Разве поставлены серьезные препятствия кровавой авантюре германского и итальянского фашизма в Испании? Разве встретила надлежащий организованный отпор та угрожающая, совершенно нетерпимая с точки зрения европейского мира позиция, которую Германия занимает по отношению к мирной демократической Чехословакии?»

Разве политика Англии такова, что Гитлер может быть убежден в ее готовности действительно поддержать коллективную организацию мира? На все эти вопросы приходится ответить отрицательно. Но до тех пор, пока Англия и Франция — и особенно Англия — продолжают колебаться, пока на агрессивные фашистские дела они отвечают словами, и притом не слишком ясными и вразумительными, — до тех пор рассчитывать на благоразумие Гитлера значит терпеть неизменное разочарование».

В тот же самый день «Правда» писала:

«Внешнеполитическая часть декларации Гитлера ярко показывает, что германский фашизм будет продолжать свою политику разжигания новой мировой войны. Усилия германской дипломатии будут направлены на то, чтобы срывать работу государств, ведущих борьбу за сохранение и обеспечение мира.

Программа, оглашенная Гитлером в рейхстаге, — это программа дальнейшей подготовки войны».

3 февраля газета «Известия», критически оценивая выступления Блюма, Дельбоса и Идена, которые весьма неясно отвечали на обращения по вопросу об организации действенной системы коллективной безопасности, писала:

«Разумеется, речь идет только об оттенках и тенденциях, еще очень далеких от воплощения в жизнь той коллективной системы, которая единственно способна охранить мир, остановить агрессоров и предотвратить осуществление черных замыслов... До тех пор, пока эта система не станет реальностью, мир будет оставаться в величайшей и все возрастающей опасности.

Нужно, однако, с удовлетворением констатировать постепенную, хотя и медленную кристаллизацию в самых различных буржуазных кругах сознания, что оплотом этой коллективной системы является именно великий Советский Союз. Его поддержку в деле защиты и организации мира не может заменить никакая международная комбинация — будь то комбинация с агрессором или попытка создания «нейтрального блока».

Бешеные нападки на СССР со стороны заведомых поджигателей войны являются выражением вовсе не бескорыстного «идеологического» фанатизма, а зловещих замыслов против мира и безопасности всех других стран».

Казалось бы, что трудно не признать правоты этих выводов, наполненных глубокой заботой о деле мира и безопасности народов. Но они, однако, не убедили руководителей западных государств. Новый английский премьер-министр Невиль Чемберлен, доверенное лицо Сити и акционер химического треста «Имperiал кемикл индастрис», тесно связанного с германским «И. Г. Фарбен-индустри», направил в Берлин в качестве посла сэра Невилля Гендерсона. Гендерсон, который являлся заклятым врагом всего прогрессивного и горячим сторонником англо-германского «сближения», развил в Берлине бурную деятельность, поддерживая исключительно близкие отношения с гитлеровскими руководителями, а особенно с Герингом, которого он расхваливает в своих воспоминаниях.

Вспоминая этот период, Гендерсон с явным удовлетворением приводит факты, свидетельствующие о росте «взаимного доверия и дружбы». Он пишет:

«Первым проявлением моих... стараний улучшить отношения с нацистским правительством Германии была речь, произнесенная на приеме, устроенном в мою честь в мае 1937 года. Другим проявлением было мое участие в нюрнбергском съезде гитлеровской партии в сентябре. До тех пор ни один посол Англии, Франции или Соединенных Штатов не присутствовал в Нюрнберге, поскольку партийный съезд не мог рассматриваться как официальное торжество. Мой французский коллега г. Франсуа-Понсэ, поверенный в делах Соединенных Штатов г. Джилберт и я впервые получили согласие наших правительств на участие в партийном съезде.

...Гитлер относился ко мне в Нюрнберге более дружелюбно, чем когда-либо раньше. Несомненно, он был рад присутствию представителей Англии, Франции и Америки и дал мне понять, что этот факт он приписывает моей инициативе. Найдя удобный момент, я сказал ему, что приглашение барона фон Нейрата [тогдашний министр иностранных дел Германии. — М. С.] в Лондон попрежнему остается в силе».

Приглашение фон Нейрата в Лондон было, как указывает Гендерсон, одной из ряда «хорошо продуманных попыток, предпринятых Чемберленом в целях улучшения англо-германских отношений». Гитлер, однако,

торговался — он хотел вести переговоры на своей территории. Случай к этому представился скоро.

В ноябре 1937 года «страстный охотник» Геринг организовал в Берлине международную охотничью выставку. Неожиданно оказалось, что среди участников выставки отсутствует Великобритания. Гендерсон не замедлил, конечно, договориться с Лондоном и... прибыли охотничьи экспонаты, а вместе с ними (уже не как экспонаты) другой «страстный охотник» — тогдашний заместитель министра, вскоре ставший министром иностранных дел Англии лорд Галифакс.

Беседа Гитлера с Галифаксом, которая состоялась по случаю этого «охотничьего» визита 19 ноября 1937 года, приобрела достаточно громкую огласку, и нет необходимости излагать ее во всех подробностях. Прочитируем здесь лишь самые существенные места протокола этой беседы, проведенной в присутствии фон Нейрата:

«...он [лорд Галифакс] и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма.

...Не должно быть такого впечатления, что «ось Берлин — Рим» или хорошие отношения между Лондоном и Парижем пострадают в результате германо-английского сближения. После того как в результате германо-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великие западноевропейские державы должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе. Ни одна из четырех держав ни в коем случае не должна остаться вне этого сотрудничества, так как в противном случае не будет положен конец теперешнему неустойчивому положению.

...Англичане являются реалистами и, может быть, больше, чем другие, убеждены в том, что ошибки Версальского диктата должны быть исправлены. Англия и в прошлом всегда оказывала свое влияние в этом реалистическом смысле. Он указал на роль Англии при досрочной эвакуации Рейнской области, при разрешении репарационного вопроса, а также при реокупации

Рейнской области. Следует попытаться разговаривать на одном и том же языке, избегая при этом громко говорить о слишком далеких перспективах, потому что это приводит только к недоразумениям и не облегчает решение проблемы».

В ходе беседы Гитлер заявил, что «между Англией и Германией имеется по существу только одно разногласие: колониальный вопрос». Галифакс согласился с этим и, сохраняя определенную сдержанность в отношении колониального вопроса («разрешение» этого вопроса могло произойти лишь за счет Англии), поспешно добавил, что все иные вопросы (то есть те, по которым Англия может удовлетворить Германию за чужой счет,— на востоке!) можно разрешить без труда. Он заявил:

«...Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, чего не желали бы ни фюрер, ни другие страны».

Комментарий к приведенным высказываниям Галифакса, собственно, излишни. В грубой и откровенной форме Галифакс открыл перед Гитлером перспективы свободной экспансии на восток, дав свое согласие на присоединение Австрии, «разрешение» чехословацкого вопроса и проблемы Гданьска.

Чтобы не было никаких сомнений относительно авторитетности высказываний Галифакса, он, вскоре по возвращении в Лондон (с золотой медалью за английские охотничьи экспонаты), был назначен на пост министра иностранных дел вместо Идена, который в тогдашних условиях не давал, очевидно, достаточной гарантии быстрого достижения «полной договоренности» с Германией. Одновременно Гендерсон продолжает переговоры с руководителями германской внешней политики, подтверждая во всей полноте позицию Англии в вопросе предоставления Германии свободы действий на востоке.

Как и следовало ожидать, гитлеровская Германия не осталась без поддержки также со стороны своих амери-

канских друзей, одобрительное отношение которых к Гитлеру не ограничивалось, конечно, присутствием официальных дипломатических представителей США на нюрнбергских партийных съездах.

Готовясь к захватнической войне, Гитлер считал необходимым насадить в США благоприятные для своих планов настроения. Он имел уже там в своем распоряжении как мощную агентуру (легальные и нелегальные германские организации и шпионскую сеть), так и друзей среди руководителей монополий и реакционных политиков. Реакционные круги спешили использовать экономический кризис, разразившийся в 1937 году, чтобы развить наступление в области внутренней и внешней политики. Блок республиканской и демократической партий провел в парламенте закон, запрещающий вывоз оружия в Испанию для законного республиканского правительства. В то же самое время американские монополисты, через свои германские филиалы, снабжали оружием генерала Франко. Противодействуя снабжению оружием законного испанского правительства, профашистские круги развили кампанию против испанских демократов, против американских антифашистов и против Советского Союза.

В такой обстановке Гитлер поручил своим эмиссарам — фон Типпельскирху, который занимал пост генерального консула в Бостоне, а также фон Киллингеру, генеральному консулу в Сан-Франциско, — согласование совместного плана действий с руководством монополий и реакционными политическими деятелями. Секретное совещание состоялось в Сан-Франциско 23 ноября 1937 года, то есть через четыре дня после беседы Гитлера с Галифаксом. (Коммюнике об этом совещании напечатано в протоколах конгресса США за 20 августа 1942 года.) В совещании принимали участие с германской стороны Типпельскирх и Киллингер, с американской стороны — семь крупных промышленников и членов конгресса.

Открывая совещание, Типпельскирх призвал Германию и Соединенные Штаты к сотрудничеству в целях захвата рынков Китая и Советского Союза. Киллингер, испытанный фашистский террорист и убийца, охарактеризовал «достижения» фашизма в Германии и порекомендовал американским империалистам обратить на них внимание.

Точку зрения американских монополистов изложили: сенатор Артур Ванденберг, руководитель мощной финансовой группы Ламот Дюпон и Альфред П. Слоун, председатель правления компании «Дженерал моторс», находящейся под совместным контролем Дюпона и Моргана. Они заявили, что необходимо стремиться к сближению между Соединенными Штатами и Германией в целях совместной борьбы против Советского Союза; во внутренней политике — к фашизации в области политики и экономики. Дюпон считал, что необходимо сотрудничество между политическими деятелями и представителями экономических кругов обеих партий с целью насаждения фашизма в США и оказания помощи, гитлеризму в Европе.

Таким образом, Гитлер получил одобрение своих планов по другую сторону Атлантического океана и обеспечил себе совместные действия с мощными монополиями Соединенных Штатов.

Не меньшую поддержку агрессивным планам Гитлера оказал Ватикан.

Еще 30 апреля 1937 года кардинал Пачелли (нынешний папа римский Пий XII) писал послу Германии при Ватикане фон Бергену, что Ватикан «придает огромное значение созданию... политического оборонительного фронта против опасности атеистического большевизма».

После всех этих заверений Гитлер счел излишним дальнейшее выжидание и в начале 1938 года приступил к уничтожению в Европе независимых государств.

Первой жертвой оказалась Австрия.

* * *

4 февраля 1938 года Гитлер произвел изменения в составе правительства. Министром иностранных дел после отставки фон Нейрата был назначен Риббентроп, Геринг был возведен в звание генерал-фельдмаршала, военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг и командующий сухопутной армией генерал Фрич получили отставку. Верховное главнокомандование принял на себя сам Гитлер, назначив ближайшими своими помощниками фон Браухича и Кейтеля. Эти перемещения ясно

указывали на то, что Гитлер готовится к очередной и на этот раз большой аванюре.

11 февраля 1938 года в Берхтесгаден был вызван австрийский канцлер Шушниг. В результате беседы с Гитлером в состав австрийского правительства вошли гитлеровские агенты с Зейсс-Инквартом во главе. 20 февраля Гитлер произнес новую агрессивную речь, полную нападок на Советский Союз.

Советская печать, полностью оценивая серьезность положения, предостерегала, что в случае попустительства агрессору дни независимости Австрии сочтены. Газета «Правда» 17 февраля 1938 года писала:

«Капитуляция правительства Шушнига перед германским фашизмом является предостережением для стран, которые вздумали бы искать опоры у одного фашистского агрессора (в данном случае Италии) для того, чтобы отстоять свою независимость от другого фашистского агрессора (Германии)... Маленькая Австрия оказалась разменной монетой при расчетах двух агрессоров...

В момент, когда в самой Германии обострилась борьба в правящем лагере, сигнализирующая о возрастании внутренних трудностей режима, фашистской диктатуре необходим какой-нибудь внешний успех для того, чтобы отвлечь внимание масс от тяжелого положения внутри страны».

Подчеркивая при этом, что гитлеровская агрессия против Австрии совершается с согласия реакционных англо-саксонских кругов, «Правда» писала далее:

«В Лондоне отчетливо берут верх те круги, которые хотя и оставят немецкому фашизму свободу действия в Центральной Европе и обольщают себя надеждой, что этот фашизм «в порядке благодарности» согласится воздержаться от своих колониальных требований вплоть до момента, когда Англия закончит свою программу вооружения».

Другая крупная московская газета, «Известия», приводит 18 февраля 1938 года более подробные детали шантажа, организованного в Берхтесгадене:

«Шушниг знал о существовании этого плана до того, как он выехал в Берхтесгаден, и запросил Великобританию и Францию, может ли он рассчитывать на военную

помощь, если Австрия окажет противодействие вторжению рейхсвера. Ответ был отрицательный. Шушник направился в Германию, и первый, кого он увидел перед своей встречей с Гитлером, был генерал Рейхенау, который в плане путча фигурирует в качестве «командующего вооруженной интервенцией в Австрии».

Оценка событий советской прессой была совершенно правильна. Еще в ноябре (1937 года) непосредственно после беседы Галифакса с Гитлером в Лондоне состоялось (28—30 ноября) секретное англо-французское совещание, на котором было принято решение о «невмешательстве» в среднеевропейские проблемы. 21 февраля 1938 года английский министр Саймон сделал в парламенте заявление, что Великобритания никогда не гарантировала независимость Австрии. Министр Саймон проявил при этом удивительную забывчивость, так как английские гарантии в отношении Австрии были фактически зафиксированы в мирных договорах 1919 года. На следующий день в парламенте выступил Чемберлен, открыто поощряя Гитлера к действию.

«Мы не должны обманывать, — говорил британский премьер-министр, — а тем более мы не должны обнадёживать малые, слабые государства, обещая им защиту со стороны Лиги наций и соответствующие шаги с нашей стороны, поскольку мы знаем, что ничего подобного нельзя будет предпринять».

3 марта 1938 года английский посол в Берлине Гендерсон имел продолжительную беседу с Гитлером. Сотрудник канцелярии Гитлера, составивший протокол беседы, записал следующее характерное заявление посла:

«Британский посол указал на то, что теперешнее английское правительство обладает развитым чувством реальности. Чемберлен сам взял на себя руководство народом вместо того, чтобы идти на поводу у народа. Он выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. п. В истории иногда самое трудное найти двух людей, которые не только хотели бы одного и того же, но и прежде всего намеревались бы это осуществить в один и тот же момент. Поэтому Англия заявляет о своей готовности устра-

нить все трудности и спрашивает Германию, готова ли она со своей стороны сделать то же самое».

Несколько минут спустя, отвечая на вопрос Риббентропа, Гендерсон заявил, что он уже давно и неоднократно высказывался за аншлюсс Австрии. Несомненно, что этим мог похвастать не один английский, американский или французский политик.

Справедливости ради необходимо напомнить также о позиции папского нунция в Польше Мармаччи, который еще в декабре 1933 года в беседе с заместителем начальника отдела печати министерства иностранных дел Польши Рюцкером объявил аншлюсс неизбежным и естественным явлением.

Весьма характерен также тот факт, что именно в феврале 1938 года рокфеллеровская «Стандард ойл» передала «И. Г. Фарбениндустри» полные технические сведения, касающиеся производства синтетического каучука, известного под названием «бутиловый каучук». Одновременно американская стальная промышленность решила ускорить переговоры по вопросу о вступлении в европейский стальной картель. Эти переговоры вело американское общество экспорта стали «Стил экспорт ассошиейшн оф Америка», в которое входили моргановская «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Бетлехем стил корпорейшн», а также концерны из группы «Рипаблик стил», «Вилинг стил». Европейским картелем руководила Германия. Вступление в него американской стальной промышленности значительно укрепило международные позиции германского империализма.

Чтобы подчеркнуть свое согласие с политикой Гитлера, Морган и другие руководители американской стальной промышленности заторопились, стремясь в марте закончить переговоры о стальном картеле. Картельный договор предусматривал «возмещение» за неиспользованные возможности экспорта стали, а Германия, как известно, резко ограничила, а позднее и совсем прекратила экспорт стали. Таким образом американские концерны в 1938—1939 годах уплатили Германии солидные суммы премий за все убыстряющиеся темпы производства вооружений.

Одновременно, в соответствии с решениями совещания в Сан-Франциско, американские реакционные круги,

используя свое влияние в государственном департаменте, развивали «неофициальную» и «полуофициальную» дипломатическую деятельность в поддержку гитлеровской агрессии. Непосредственно перед захватом Австрии правительство США оголошало из Берлина своего посла Додда, который считался противником фашизма, и назначило на эту должность реакционера Вильсона. Вскоре в путешествие по Европе направился небезызвестный Герберт Гувер. В марте 1938 года Гувер имел продолжительные беседы с Гитлером и Герингом, заверяя их, что Америка нисколько не будет противодействовать деятельности Германии. Из Берлина Гувер направился в Лондон, где согласовал свою позицию с Чемберленом. Если принять во внимание тот факт, что в то же самое время США фактически активно помогали Японии, которая в июле 1937 года вторглась в Китай¹, то станет совершенно ясно, что Гитлер мог ни на минуту не сомневаться в позиции США.

12 марта 1938 года захват Австрии стал совершившимся фактом.

15 марта этот факт подтвердил английский министр иностранных дел Галифакс, заявив в палате лордов:

«В условиях нынешнего положения было бы не в интересах Лиги наций выносить вопрос об Австрии на обсуждение Лиги. Только война могла бы повернуть вспять ход событий, однако члены Лиги не хотят войны. Английское правительство склонно поэтому считать, что австрийское государство перестало существовать как международная единица и что сейчас происходит процесс поглощения его Германией».

«Поглощение Австрии Германией», как утонченно выразился лорд Галифакс, было с энтузиазмом встречено реакционной английской печатью. С еще большим энтузиазмом встретили аншлюсс австрийские епископы,

¹ К Японии американское правительство не применило «закона о нейтралитете», который полностью применялся, когда речь шла о том, чтобы не допустить закупки оружия правительством республиканской Испании. Совершенно иное положение было в отношении Японии: в 1937 году 60 процентов американского экспорта в Японию составляли военные материалы; точно такими же были размеры экспорта военных материалов в Японию в 1938 году. — *Прим. автора.*

которые писали следующее в марте 1938 года о захвате католической Австрии Германией: «Мы с радостью отмечаем, что национал-социалистское движение совершило уже и непрерывно совершает акты, имеющие большое значение для Германии и германского народа... Епископы будут и впредь поддерживать программу национал-социалистов и будут поучать верующих в том же духе».

С полным спокойствием воспринял сообщение о захвате Австрии тогдашний государственный секретарь США Кордел Хэлл. Гитлеровский посол в Вашингтоне Дикхоф, докладывая Риббентропу о реакции Хэлла на извещение Гитлера о захвате Австрии, писал:

«Министр Хэлл имел перед собой текст сообщения фюрера... Из нескольких вопросов, которые он задал, было ясно, что он полностью понимает наши действия... [Хэлл] не высказал никакой критики, ни даже порицания».

Все совершилось, следовательно, в соответствии с планом. Единственным ответом западных государств на захват Австрии были слова, означающие замаскированное одобрение этого первого этапа «похода на восток».

Однако ни гитлеровские маневры, ни утонченные формулировки дипломатов не сумели загладить потрясающего впечатления, которое вызвала в народных массах всего земного шара «мирная» ликвидация независимого европейского государства. Народы мира все яснее сознавали, какую угрозу создает для их независимого существования политика уступок в отношении агрессора и все решительнее добивались укрепления лагеря мира.

Единственным государством, которое сразу же после аншлюсса выступило с инициативой в этом направлении, был Советский Союз.

Советский Союз сознавал, какое значение имеет Австрия для Германии. Подчеркивая, что Австрия является прекрасным трамплином для дальнейшей агрессии в Европе и «дополнительным резервуаром получения людских кадров и экономических ресурсов», газета «Правда» писала 14 марта 1938 года:

«Германский генеральный штаб давно уже, видимо, подсчитал, какую роль в военной экономике Германии могут сыграть естественные и промышленные ресурсы Австрии; какие военные силы смогут быть переброшены

в Юго-Восточную Европу, используя 7 000 километров австрийских железных дорог, имеющих прекрасно развитые узлы, а главное — ведущих в тыл чехословацкой армии, в Венгрию, на юг, к Адриатическому морю».

Советская печать особо подчеркивала, что захват Австрии создает непосредственную угрозу для Чехословакии и косвенно угрожает также и Польше. В связи с этим советские газеты призывали к изменению политической линии Англии, Франции, а также США в вопросе о сотрудничестве с Советским Союзом в целях противодействия фашистской агрессии.

В соответствии с этой позицией советское правительство сделало специальное заявление, которое дипломатический представитель СССР в Лондоне передал английскому министерству иностранных дел 17 марта 1938 года. В ответе английского министерства иностранных дел, врученном представителю СССР 24 марта 1938 года, мы находим следующую характеристику этого заявления:

«...данное заявление может считаться представляющим точку зрения советского правительства относительно настоящих международных проблем... существо предложения советского правительства состоит в том, чтобы безотлагательно принять меры для проведения между заинтересованными правительствами обсуждения в целях определения практических мер, необходимых для того, чтобы приостановить дальнейшее развитие агрессии и противодействовать, насколько это возможно, возрастанию угрозы войны».

Эта характеристика предложений, содержащихся в советской ноте, является, несомненно, правильной — английское министерство иностранных дел поняло, о чем ставит вопрос Советский Союз. (На том, какой ответ был дан на это, мы остановимся позднее.)

Выражая чаяния миллионов людей во всем мире, советское правительство, после тщательного анализа создавшегося международного положения, выдвинуло в своем заявлении конкретные предложения, указывая западным государствам на опасность проводимой ими политики. Вот полное содержание этого исключительно важного документа:

«Вступив в Лигу наций в целях организованного сотрудничества с другими миролюбивыми государствами,

Советское правительство не упускало ни одного подходящего случая для рекомендации наиболее эффективных гарантий мира, каковые оно видело в организации системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций, а также региональных пактов о взаимной помощи против агрессоров. Советское правительство практически вступило на этот путь, заключив такой пакт с Францией и Чехословакией, пакт, не угрожающий, при отсутствии агрессии, ни одному государству.

Имевшие место в течение последних четырех лет нарушения международных обязательств по пакту Лиги и по Парижскому договору Бриана — Келлога, нападения одних государств на другие, давали повод Советскому правительству выявлять не только его отрицательное отношение к этим международным преступлениям, но и его готовность принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором. Советское правительство при этом предостерегало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев. События международной жизни, к сожалению, подтверждают правильность этих предостережений. Новое подтверждение они получили в совершенном военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках или на окраине Европы, где наряду с интересами жертвы агрессии были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза пока территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное поражение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается в создавшемся тревожном положении на польско-литовской границе.

Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами, и в особенности великими державами, вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы. В сознании Советским правительством его доли этой ответственности, в сознании им также обязательств, вытекающих для него из устава Лиги, из пакта Бриана — Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключенных им с Францией и Чехословакией, я могу от его имени заявить, что оно, со своей стороны, попрежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира».

«Завтра может быть уже поздно...»

Эти предостерегающие слова советского правительства прозвучали как голос совести всего человечества, толкаемого в пропасть новой мировой бойни.

Глава 5

Мюнхен

Ответ английского правительства на советскую ноту от 17 марта 1938 года был исключительно характерным. «Правительство его величества» употребило в своем ответе весьма изысканные слова, но отказывалось от проведения немедленных переговоров по вопросу о создании единого фронта против агрессии. Мотивировался этот отказ следующим образом:

«...Конференция, на которой присутствовали бы лишь некоторые из европейских держав и которая имела бы целью не столько обеспечение урегулирования неразрешенных проблем, сколько принятие согласованных действий против агрессии, не обязательно окажет, по мнению правительства его величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира».

«Правительство его величества» предъявляло, таким образом, советскому правительству следующую основную претензию: СССР предлагал «организацию согласованных действий против агрессии», вместо этого, по мнению англичан, следовало подумать об «урегулировании неразрешенных проблем».

Какие же это были «неразрешенные проблемы»? Германская печать немедленно после аншлюсса начала явно инспирированную античешскую кампанию, проливая крокодиловы слезы по поводу мнимого угнетения судетских немцев. Всем стало ясно, что для Гитлера следующей «неразрешенной проблемой» является Чехословакия.

Это со всей силой подчеркивала приведенная выше нота советского правительства от 17 марта 1938 года. Много писала об этом и советская печать сразу же

после захвата Австрии. Уже 14 марта газета «Правда» констатировала, что «германская фашистская печать распространяет провокационные сплетни, которые должны дать повод для нападения на Чехословакию».

В тот же самый день (14 марта 1938 года) статья, опубликованная в газете «Известия», предостерегая об угрозе, нависшей не только над Чехословакией, но также и над Польшей, подчеркивала, что «Гитлер и германское правительство в целом недвусмысленно давали понять, что речь идет об осуществлении планов, которые лелеялись с момента поражения в мировой войне. Как известно, к объектам таких давнишних притязаний послевоенной Германии принадлежит и Данциг и так называемый «Польский коридор». Очередь может прийти и до Польши, с чем, впрочем, ее министр иностранных дел, вероятно, уже давно примирился.

Кто знает, быть может, господин Бек даже мечтает стать польским Зейсс-Инквартом».

Было бы неправильно утверждать, что правительства Англии, Франции и Соединенных Штатов не видели захватнических планов Гитлера по отношению к Чехословакии, а в дальнейшем также и по отношению к Польше. Ведь еще 19 ноября 1937 года Галифакс называл Чехословакию и Данциг в числе проблем, которые требуют «урегулирования». О том, как понимала английская реакция это «урегулирование», лучше всего говорит статья, опубликованная в близкой к премьеру Чемберлену консервативной газете «Дейли мейл» 14 марта 1938 года, то есть на следующий день после захвата Австрии. В этой статье говорилось:

«Интервенция в этой части Европы [то есть в Средней и Восточной Европе. — М. С.] является совершенно неприемлемым делом для английского народа. Британские интересы там не затронуты, и английский народ не позволит втянуть себя в дела нации, которая не является даже народом в настоящем смысле этого слова. Чехословакия является искусственным творением мирных договоров 1919 года, она не является и никогда не может быть действительно единым национальным государством. С момента своего возникновения как государства Чехословакия должна была явиться объектом бурных дискуссий и источником серьезных разногласий...

Слепой и упрямый дух Лиги наций всегда являлся препятствием к пересмотру мирных договоров. Лига наций вызвала к жизни сегодняшние методы насилия. Но в задачи Великобритании не входит исправление ошибок, допущенных в Женеве».

Трудно без отвращения читать эти слова. Однако они отражали истинное положение вещей. На англо-французской конференции, которая состоялась 28 апреля 1938 года, Чемберлен (только что добившийся успеха — заключения договора о дружбе с Италией 16 апреля 1938 года) сделал небезинтересное заявление.

«Г-н Невиль Чемберлен... весьма сомневается в том, что г-н Гитлер желает уничтожения чехословацкого государства или переустроенного чехословацкого государства... Если Германия пожелает этого уничтожения, премьер-министр не видит, говоря со всей откровенностью, как ей можно помешать в этом, но он не думает, чтобы этого желали в Берлине...»

Английский премьер «не видел» способа, который был очевиден каждому честному человеку: решительное противодействие агрессии. Гитлер понял, что он может получить Чехословакию из рук... ее западных «союзников».

Лето 1938 года Гитлер использовал на подготовку почвы для дальнейших действий. Беседы, состоявшиеся в Берлине с руководителем американских реакционеров Гувером, подтвердили убеждение Гитлера в том, что США ни в коем случае не окажут помощи тем европейским государствам, которые стояли на очереди в его агрессивных планах. Подтверждением этого вывода было решение американского правительства не отменять запрета на вывоз оружия и военных материалов в Испанию. Против предложения об отмене этого запрета высказался, в частности, 12 мая 1938 года тогдашний государственный секретарь США Кордел Хэлл.

Вскоре после этого английские и германские деятели обменялись неофициальными визитами. В Берлин прибыл один из руководителей английских консерваторов лорд Лондондери, в Лондон направился личный адъютант Гитлера капитан Видеман. Гитлер доказывал английскому правительству, что передача Германии судетского района Чехословакии соответствует «интересам

всеобщего мира» и что это последнее требование Германии в Европе. Эти предложения были обсуждены представителями Англии и Франции во время пребывания английской королевской четы в Париже (19 июля 1938 года) и было признано, что их «можно принять».

Германский посол в Лондоне Дирксен в своем донесении от 10 июля 1938 года следующим образом оценивает позицию английского правительства по отношению к Германии в целом и по чехословацкому вопросу в частности:

«...шок, явившийся следствием присоединения Австрии, как известно, вызвал реакцию, однако он был сравнительно быстро преодолен. Ошибки английской внешней политики, сделанные во время чешского кризиса, очень скоро были восприняты как таковые и были предприняты шаги для того, чтобы преодолеть их признанием доказанной лояльности Германии, молчанием в ответ на яростные нападки германской прессы, дружественным по отношению к Германии выступлением Галифакса в палате лордов, выступлением Галифакса в духе германской точки зрения в королевском институте международных отношений, речью Чемберлена в Кеттеринге и выступлением Галифакса перед представителями прессы 11 июля.

Из всех этих высказываний ответственных государственных деятелей Англии, которые были подкреплены и разъяснены в беседах со мной, ясно видно неизменное желание соглашения с Германией, правда, с усиливающейся тенденцией передать инициативу возобновления этих переговоров Германии.

...Настоящее английское правительство, первое из послевоенных кабинетов, сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы; поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков. Это правительство обладает внутривластным силой для разрешения этой задачи. Оно приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги

наций в этом же смысле, целесообразности двухсторонних переговоров и договоров. Германия встречает со стороны этого правительства возрастающее понимание в отношении своих требований по вопросу о судетских немцах. Оно было бы готово принести большие жертвы во имя удовлетворения других справедливых немецких требований при одном только условии, что к этим целям будут стремиться мирными путями».

В соответствии со стремлением Англии принести «большие жертвы (конечно, за чужой счет) во имя удовлетворения справедливых немецких требований» 22 июля английское правительство потребовало от Чехословакии уступок в пользу судетских немцев. Под нажимом Англии буржуазное чехословацкое правительство согласилось рассмотреть предложения «фюрера» судетских немцев Генлейна... Оказалось, однако, что Генлейна не удовлетворяло уже предыдущее требование о предоставлении автономии. Но англичан не остановило и это. Чемберлен направил в Чехословакию своего соратника лорда Ренсимена, который продолжал оказывать дальнейшее давление на чехословацкое правительство, добиваясь принятия германских требований. Одновременно в целях нажима Гитлер устроил в Кёльне внушительный военный парад, демонстрируя перед всем миром свою готовность к войне.

7 сентября 1938 года лондонская газета «Таймс» выступила с явно инспирированной английским правительством статьей, в которой требовала от Чехословакии немедленной передачи Германии «судетского пограничного района».

Почва была достаточно подготовлена. В сентябре 1938 года Гитлер приступает ко «второму туру» нажима на Чехословакию: в судетском районе все чаще возникают беспорядки, инспирированные из Берлина, Генлейн открыто требует аншлюсса, на чехословацкой границе концентрируются германские войска и «судетский легион», увеличивается число пограничных «инцидентов». Чехословацкий кризис обостряется и входит в критическую фазу...

23 марта 1938 года посол США в Москве Дэвис написал в своем дневнике, что положение Чехословакии правильно оценивает только советская дипломатия.

Действительно, Советский Союз был в то время единственной страной, готовой решительно и без всяких оговорок стать на защиту Чехословакии.

В начале сентября 1938 года французское правительство обратилось к советскому правительству с запросом, какова будет его позиция, в случае если Чехословакия подвергнется нападению со стороны Германии.

Ответ советского правительства был ясен и прям: немедленно созвать представителей СССР, Англии и Франции; опубликовать декларацию от имени этих трех держав, предупреждающую, что Чехословакии будет оказана помощь в случае неспровоцированного нападения на нее Германии; обсудить этот вопрос в Лиге наций; наконец, созвать совещание представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для выработки плана совместных военных действий. При этом было подчеркнуто, что СССР окажет Чехословакии помощь любыми средствами и всеми доступными путями, если, как установлено советско-чехословацким договором, Франция также выступит в защиту Чехословакии.

В середине сентября само чехословацкое правительство запросило правительство Советского Союза, готово ли оно, в соответствии с чешско-советским договором, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии, если такую же помощь она получит со стороны Франции. Ответ советского правительства, сформулированный в телеграмме народного комиссара иностранных дел от 20 сентября 1938 года на имя полпреда СССР в Чехословакии, гласил:

«1) На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2) Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша,— поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании статей 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3). Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство».

Помимо всего прочего, советский ответ серьезно облегчил Чехословакии переговоры с Францией, ибо мешал последней отказаться от своих обязательств. Одновременно советское правительство оказало Чехословакии дипломатическую помощь на других участках. 22 сентября 1938 года заместитель народного комиссара иностранных дел Потемкин направил поверенному в делах Польской республики ноту, в которой предостерегал польское санационное правительство от вступления на территорию Чехословакии польских войск, что явилось бы оказанием активной помощи гитлеровской Германии. Содержание ноты Потемкина сводилось к следующему:

«Из различных источников советское правительство получило сообщения, что польские войска сосредоточены на польско-чехословацкой границе и готовятся к занятию силой части чехословацкой территории. Правительство Польши не опровергло этих сообщений. Советское правительство надеется, что эти сообщения будут немедленно опровергнуты. В случае, если такого опровержения не последует и если польские войска вторгнутся на территорию Чехословацкой республики, советское правительство считает необходимым со своей стороны предупредить правительство Польши, что на основании статьи 2 советско-польского пакта о ненападении от 1932 года правительство СССР вынуждено было бы в связи с совершенным актом агрессии денонсировать указанный пакт без предупреждения».

Советская помощь Чехословакии не ограничилась лишь дипломатической сферой. 14 июня 1938 года посол Великобритании в Варшаве Кеннард писал в донесении лорду Галифаксу:

«Как я уже сообщал раньше Вашему превосходительству, чехословацкое правительство явно уже получило определенное количество бомбардировщиков от России, и это вызвало здесь сильное раздражение. Генерал Райский, начальник штаба польской авиации, сообщил недавно полковнику Годфрею, что он выслал группу истребителей, чтобы перехватить русские бомбардировщики, направлявшиеся в Чехословакию, однако

же им не удалось ни одного сбить, поскольку избираются различные трассы и бомбардировщики летели ночью.

Интересные материалы, отчетливо отражающие позицию Советского Союза в связи с угрозой германского нападения на Чехословакию, содержат телеграммы тогдашнего посланника Чехословакии в Москве Фирлингера. Телеграммы эти, отправлявшиеся в чехословацкое министерство иностранных дел непосредственно в дни кризиса, являются свидетельством решительности и последовательности политики СССР. Вот выдержки из некоторых телеграмм, опубликованных на основании данных секретных архивов чехословацкого МИД пражским еженедельником «Свет праце» в 1947 году:

№ 191

15 марта 1938 года

Я сообщил Потемкину то, что знаю о заявлениях Геринга и Нейрата, касающихся нас, и добавил, что хотя непосредственная опасность миновала, дальнейший нажим со стороны Германии считают вероятным. По договоренности с Кулондром [тогдашний посол Франции в Москве. — М. С.], который сегодня выезжает, я спросил Потемкина, может ли Чехословакия рассчитывать на помощь СССР. Потемкин ответил утвердительно, добавив, однако, что позиция Франции по отношению к СССР не является достаточно честной.

№ 154

16 марта 1938 года

Литвинов заявил вчера, отвечая на вопрос американского корреспондента [«Что намеревается предпринять СССР в случае нападения на Чехословакию?»], что СССР, конечно, выполнит свой долг союзника. На вопрос, каким образом может [СССР] оказать помощь, [он] ответил, что какой-либо способ найдется...

№ 273

29 марта 1938 года

Поскольку наш последний заказ на авиационные материалы был утвержден немедленно, я беседовал с Дастьехем [военный атташе Чехословакии в Москве. — М. С.] по вопросу о дальнейших поставках. Сегодня меня вызвал Потемкин и сообщил, что новый заказ может быть выполнен немедленно...

В Кремле состоялось совещание с участием Сталина, Молотова, Ворошилова, Литвинова и Кагановича. После доклада о политическом положении в Чехословакии принято решение: в случае если будут просить СССР, он готов по договоренности с Францией и Чехословакией осуществить все возможные мероприятия в целях защиты Чехословакии. Он имеет к этому все необходимые средства. Состояние армии и авиации позволяет это. Ворошилов в этом отношении придерживается чрезвычайно оптимистических взглядов. Готовность оказать помощь будет здесь существовать до тех пор, пока Чехословакия не откажется от проводимой ею демократической политики. Советский полпред в Чехословакии уполномочен сообщить об этом президенту Бенешу.

№ 791

29 августа 1938 года

Хилстон [тогдашний посол Англии в Москве.— М. С.] сообщил мне, что недавно он снова запрашивал СССР о его позиции в случае конфликта. Он получил ответ, что СССР выполнит свои обязательства. Хилстон говорит об СССР с энтузиазмом и считает возможным общий конфликт в случае германской агрессии. Он советовал Галифаксу сближение с Москвой как с искренним сторонником мира.

№ 795

2 сентября 1938 года

Потемкин сообщил мне следующее: французский поверенный в делах [Пайар.— М. С.] попросил у него немедленного приема, поскольку Литвинов не мог его принять. Он заявил от имени правительства, что в связи с опасностью германского нападения на Чехословакию Франция запрашивает, что намерен предпринять Советский Союз. Пайар был затем принят Литвиновым, который рекомендовал Франции созвать Совет Лиги наций на основании статьи 11 и объявить об опасности агрессии. Литвинов убежден, что в таком случае Польша и Румыния также не могли бы не выполнить своих обязанностей. Что касается военных мероприятий, он предложил немедленную встречу представителей трех армий. Без подобного совместного обсуждения вопроса невозможно установить практических военных возможностей.

Я ответил Потемкину на эту информацию, что согласен с позицией правительства СССР, тем не менее я желал бы, чтобы этот вопрос был рассмотрен с нашими специалистами.

Потемкин заверил меня, что не будет, во всяком случае, препятствовать этому. Я просил о встрече для беседы с Литвиновым до его предстоящего послезавтра отъезда в Женеву.

№ 796

3 сентября 1938 года

Пайар проинформировал меня о демарше. Его донесение полностью совпадает с моей информацией. У него осталось хорошее впечатление, и он считает проект искренним. Возникает, однако, вопрос, удастся ли собрать в Совете Лиги наций необходимое большинство. Вторым вариантом проекта Литвинова была его первоначальная мысль о проведении совещания между государствами. Литвинов подчеркнул нерешительность Франции в военных вопросах. Я напомнил Хилстону, что Литвинов предлагает вести переговоры в Женеве. То же самое сделал Пайар. Хилстон просит аудиенции у Литвинова.

№ 797

4 сентября 1938 года

Имел короткую беседу с Литвиновым перед его отъездом в Женеву. Литвинов настаивает на требовании проведения совещания представителей французской, чехословацкой и советской армий. Иначе неясно, что конкретно предпримет Франция.

№ 806

10 сентября 1938 года

Вчера возвратился Кулондр и подтвердил, что донесение Пайара о том, что СССР готов применить все средства, было понято таким образом, что СССР добивается применения только всех дипломатических средств, в то время как категорическое заявление Литвинова означает, что СССР готов предоставить свои сухопутные, воздушные и морские силы. Пайар, очевидно, недостаточно подчеркнул, что Франция сделает то же самое, что вызвало здесь значительное разочарование. Литвинов встретится сегодня с Боннэ в Женеве и, наверно, недоумение будет улажено. Я сказал Кулондру, что недоумения порождаются атмосферой недоверия, с кото-

рой следует покончить. Я узнал из источника, близкого к Кремлю, что там обсуждался даже вопрос о возможных действиях без Франции. Что касается отношения к нам, то здесь весьма решительно настроены в нашу пользу.

№ 853

15 сентября 1938 года

Сегодня Потемкин показал мне телеграмму от Литвинова о его беседе с Боннэ, который вообще не ответил на проект созыва совещания представителей генеральных штабов, а говорил лишь об отрицательном отношении англичан ко всем советским проектам. Сам Боннэ не выдвинул никаких предложений. В связи с этим здесь создается впечатление, что Франция вообще не желает вести переговоры с Советским Союзом, не стремится к достижению договоренности, а ведет преднамеренную игру. Поэтому я просил Потемкина, чтобы он еще раз изложил мне советскую позицию. Потемкин обрисовал мне в связи с этим создавшееся положение, повторив заявление о стопроцентной готовности оказать помощь всеми средствами.

№ 867

20 сентября 1938 года

Поведение Франции здесь характеризуется как открытая измена. Этот взгляд разделяет большая часть дипломатического корпуса...

№ 871

21 сентября 1938 года

(Телеграмма, посланная чехословацкой миссии в Париже)

Передайте премьер-министру Блюму как мое личное послание. Все искренние и преданные друзья Франции глубоко потрясены поведением французского правительства, готовящегося в решительный момент покинуть чехословацкий народ, который проявил такое мужество, такую решимость и который, несмотря на неслыханный поток клеветы, остается сегодня более сплоченным, чем какой-либо другой европейский народ. Покинуть сегодня Чехословакию — значит отказаться от попыток возрождения демократии в Германии, ожидающей своего освобождения. Это означает также угрозу жизненным интересам Франции, которую не может спасти робкий пацифизм. Мне кажется, что от французского общественного

мнения скрыто то, что поведение Советского Союза по отношению к Франции было, безусловно, честным и что Советский Союз всегда готов выполнить свои союзные обязательства, что моральное состояние его армии и населения прекрасно».

* * *

Однако полная готовность Советского Союза оказать помощь Чехословакии, над которой нависла угроза, не была использована. Протянутая рука повисла в воздухе. Западные державы, а также Польша, возглавляемая пилсудчиками, сделали все, чтобы проложить Гитлеру путь на восток. Было бы «несправедливостью» утверждать, что западные державы — Англия, Франция и США — пассивно вели себя в момент чехословацкого кризиса. Совсем наоборот, западные империалисты развивали в тот период достойную удивления активность, они активно помогали Гитлеру, проявляя поистине чудеса в деле обмана и политического мошенничества.

Правительства западных империалистических государств нуждались в том, чтобы в известной степени оправдать свою политику в глазах общественного мнения своих стран. Основным средством, за которое они ухватились, пытаясь достичь своей цели, были утверждения о «неподготовленности» к войне. Небезызвестный американский реакционер Буллит заявил 4 сентября 1938 года по просьбе французского министра иностранных дел Боннэ, что «если в Европе снова вспыхнет война, то еще неизвестно, примут ли в ней участие Соединенные Штаты». 12 сентября 1938 года французский кабинет рассматривал вопрос о готовности французской армии к войне. Докладывал Боннэ, изложивший кабинету точку зрения тогдашнего главнокомандующего французской армией генерала Гамелена о состоянии вооруженных сил Франции. Французская журналистка Женевьева Табуи следующим образом описывает доклад Боннэ:

«Превосходящий все обман имел место 12 сентября, когда Боннэ обратился к министрам по вопросу о мобилизации. Министр иностранных дел ловко извлек из доклада Гамелена о состоянии армии все то, что считал полезным для своей политики, и опустил все остальное. Он сообщил о том факте, что в нашем военном снаря-

жении имеются пробелы, но не упомянул о более успокоительных разделах доклада, особенно о заключительном параграфе, где говорилось: «Но Чехословакия не должна быть оставлена на произвол судьбы. И если война не может быть предотвращена, Франция еще раз будет победоносной».

В том же самом направлении упорно работали американские реакционеры, которые, выступая под маркой «нейтральных наблюдателей», делали все, чтобы доказать, что сопротивление Гитлеру невозможно. Американские союзники Гитлера особенно стремились обесценить советскую помощь путем разговоров о «слабости» Красной Армии. Этой цели служили, в частности, заявления одного из видных американских фашистов полковника Линдберга, который приехал летом 1938 года в Европу и после нескольких дней пребывания в Москве заявил, что «пришел к выводу» о слабости советской авиации. Ясно характеризовала роль Линдберга газета «Правда», указывая, что:

«Линдберг имел задание... засвидетельствовать «слабость советской авиации» и дать этим Чемберлену аргумент в пользу капитуляции в Мюнхене...»

Несмотря на то, что абсурдность утверждений Линдберга была очевидна, особенно в свете печальных уроков, извлеченных японскими союзниками Гитлера, которые именно тогда (6—11 августа 1938 года) потерпели позорное поражение в районе озера Хасан, реакционные политические круги Англии, Франции и США развернули бешеную пропаганду «компромиссного» разрешения чехословацкого вопроса. Это происходило в тот самый момент, когда штаб германской авиации представлял Гитлеру тревожные рапорты о невыгодном для Германии соотношении сил, в случае если Чехословакия не останется одинокой.

Глава французской военной миссии в Праге генерал Фоше, анализируя тогдашнее соотношение сил, заявил ясно: «Гитлер... никогда не напал бы на Чехословакию, не будучи уверен в том, что она будет покинута Францией и Англией».

Обман был, следовательно, чересчур явным, чтобы он мог кого-либо ввести в заблуждение. Не было никакого сомнения в том, что позиция западных держав

исходила не из отсутствия возможностей оказания сопротивления Гитлеру, а из нежелания что бы то ни было делать для задержания гитлеровской Германии на пути ее «движения» на Восток.

Посланник Чехословакии в Париже Осуский еще в марте 1938 года с горечью отмечал, что «с самого начала мы натолкнулись на нежелание французов воевать ради Чехословакии». Осуский подчеркивал одновременно, что «...коммунисты, приверженцы военного союза с Советской Россией, и все лица, убежденные в том, что война неизбежна и что надо организовать все силы нации,— все они хотели... окончательно уничтожить возможность договориться с Берлином и Римом».

Не менее отчетливой была позиция американских правящих кругов, стремившихся облегчить игру Чемберлена и Даладье. 10 сентября 1938 года германский поверенный в делах в Вашингтоне сообщил, что американское правительство категорически опровергло слухи о союзе США с Англией и Францией в целях приостановления действий Гитлера. Как отмечает в своих дневниках Хэлл, именно в этот момент он заявил германскому послу о благоприятном для Германии «изменении американской политики». Посол США в Англии Кеннеди вел одновременно дружественные переговоры с германским послом в Лондоне Дирксеном, а посол в Берлине Вильсон открыто заявил, что «чехи не должны испытывать нашего терпения, если не хотят окончательно лишиться поддержки западных держав в случае конфликта». Германское посольство в Вашингтоне могло, следовательно, без колебаний телеграфировать в Берлин: «В США понимают германские требования в отношении Чехословакии».

12 сентября 1938 года американский посол явился к Чемберлену, чтобы совместно обсудить средства, при помощи которых можно привести Чехословакию к капитуляции. 13 сентября Хэлл сообщил Боннэ, что США не предпримут дипломатического вмешательства в Берлине в пользу Чехословакии. В результате всего этого 15 сентября 1938 года английский премьер-министр Чемберлен прибыл на самолете в резиденцию Гитлера в Берхтесгадене. Выслушав ультимативные требования фюрера, премьер обещал на прощанье, что ответ сообщит Гитлеру лично.

Это обещание глава британского правительства выполнил...

18 сентября в Лондон прибыли на самолете Даладье и Боннэ. Именно об этом совещании Даладье позднее заявил в Мюнхене, что «он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких областей» [то есть Судетской области.— М. С.] Чемберлен и Даладье согласились на передачу (не своей, конечно) Судетской области Германии и выступили по отношению к Чехословакии почти как... послы Гитлера, применяя при этом самые грубые формы давления. 21 сентября 1938 года британское правительство в заключительной части своей ноты, адресованной правительству Чехословакии, угрожающе писало:

«Если бы чехословацкое правительство, рассмотрев снова вопрос, сочло себя вынужденным отклонить этот совет, то оно, конечно, должно иметь свободу каких угодно действий, которые оно сочтет соответствующими ситуации, какая могла бы создаться позднее».

Иначе говоря: если не согласитесь, мы умываем руки и оставайтесь один на один с Гитлером. Еще отчетливее сформулировали это посланники Англии и Франции в беседе с Бенешом 21 сентября 1938 года в 2 часа ночи, заявив: «Если оно [чехословацкое правительство] не примет англо-французского плана, то весь мир признает Чехословакию единственной виновницей неизбежной войны».

«Если же чехи объединятся с русскими,— добавили посланники,— война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне».

Говоря прямо, заявления послов содержали угрозу, что если Чехословакия в союзе с СССР выступит против Германии, то Англия и Франция станут на стороне последней в «крестовом походе против большевиков...»

Правительства западных держав оказывали такое сильное давление на чехословацкое правительство потому, что согласие Чехословакии было им необходимо, чтобы убедить общественное мнение своих стран, что уступки Гитлеру якобы спасают мир в Европе,

Если бы правительство Чехословакии решилось оказать сопротивление, положение значительно изменилось бы и, кто знает, не отступил ли бы снова Гитлер (так, как это имело место в мае 1938 года). Однако в решительный момент чехословацкая буржуазия пошла на сговор с мюнхенцами, несмотря на то, что она могла рассчитывать на действительную помощь Советского Союза.

Вот что писал не так давно по этому поводу президент Чехословацкой Народной Республики Клемент Готвальд:

«В критическом 1938 году я был приглашен в гости к Сталину. В продолжительном разговоре мы обсудили положение Чехословакии и вопрос о советской помощи на случай нападения на Чехословакию гитлеровской Германии. Тогда Сталин заявил мне ясно, что Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция, что было условием советской помощи, и даже в том случае, если тогдашняя бековская Польша или боярская Румыния откажутся пропустить советские войска. Конечно, подчеркнул Сталин, Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи. Я спросил товарища Сталина, могу ли я это обещание передать ответственным деятелям Чехословацкой республики. В ответ на это Сталин прямо доверил мне передать содержание разговора тогдашнему президенту Бенешу. Это я и сделал.

Позже аналогичные сообщения чехословацкому правительству сделали также официальные представители Советского Союза, что, впрочем, признал сам Беран в своем заявлении после капитуляции Чехословакии. К сожалению, господствующая клика чехословацкой буржуазии в страхе за свои классовые интересы не приняла протянутой руки Советского Союза, руки Сталина, а предпочла позорную капитуляцию»¹.

Даже Бенеш не отрицал, что позиция Советского Союза была именно таковой:

«Россия осталась верна нам до конца. Советское правительство торжественно обещало послать военную

¹ «Правда», 28 декабря 1949 года.

помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция и Англия этого не сделают».

Правительство Чехословакии, однако, не только избрало путь капитуляции, но, кроме того, проводило еще и сговор с реакционными англо-французскими кругами, уговаривая их усилить нажим на... Чехословакию, для того чтобы легче было оправдать капитуляцию перед собственным народом.

Таким было, например, заявление, сделанное премьер-министром Чехословакии Годжа французскому посланнику 20 сентября 1938 года. Передавая это предательское заявление Годжа в Париж, французский посланник Лакруа добавил от себя:

«Чехословацкое правительство нуждается в этом прикрытии для того, чтобы принять англо-французские предложения... (Годжа) хочет, чтобы все было кончено, если возможно, до полуночи или, во всяком случае, в течение ночи».

Пожелания чехословацких правящих кругов были удовлетворены... В ночь с 20 на 21 сентября представители Англии и Франции вручили президенту Чехословакии Бенешу заявление с требованием немедленно «найти решение» конфликта.

Президент немедленно созвал «экстренное» заседание кабинета, который (в присутствии обоих посланников) принял это предложение, ссылаясь, конечно, на «исключительный нажим»...

Обе стороны последовательно довели игру до конца...

Особенно горячими сторонниками «соглашения» с Гитлером были тогдашние так называемые католические партии в Чехословакии, действовавшие по указке Ватикана: чешская «народная» партия, словацкая «народная» партия и немецкая христианско-социальная партия. Словацкая «народная» партия, руководимая ксендзами Глинкой и Тисо, а также Дурчанским, была непосредственной агентурой гитлеризма. (Как известно, словацкие «автономисты» с ксендзом Тисо и Дурчанским во главе сыграли позже позорную роль фашистских квислингов. В уплату за это Тисо был произведен в епископы и получил звание папского камергера.)

Так, следуя примеру многих других буржуазных правительств, которые во имя своих классовых интересов

шли по пути национальной измены, правительство Чехословакии с президентом Бенешем во главе капитулировало. В Берлине, Лондоне, Париже и Нью-Йорке облегченно вздохнули.

21 сентября 1938 года в 17 часов в Праге был официально опубликован ответ чехословацкого правительства, в котором говорилось:

«Вынужденное обстоятельствами и под чрезвычайным давлением французского и английского правительств, правительство Чехословацкой республики с горечью принимает франко-английские предложения, предполагая, что оба правительства сделают все, чтобы при осуществлении названных предложений были обеспечены жизненные интересы Чехословацкой республики».

На следующий день Чемберлен был уже в Годесберге, сообщив Гитлеру об успехе своей «миссии». Вот каким образом выглядела беседа Чемберлена с Гитлером в Годесберге, по сообщению английского посла в Берлине Гендерсона:

«М-р Чемберлен, начав беседу, напомнил, что в Берхтесгадене он в принципе согласился на самоопределение судетских немцев и взял также на себя миссию, по мере возможности, добиться согласия на это кабинета [английского] и французского правительства. Ему это удалось в течение весьма короткого времени, поскольку дело касается его кабинета, а французские министры также дали свое согласие на это во время пребывания в Лондоне. Получено по этому вопросу также согласие чехословацкого правительства. Далее он изложил план дальнейших мероприятий, необходимых, по его мнению, для того, чтобы подготовить мирную передачу Судетской области. Когда премьер закончил, Гитлер спросил, правильно ли он понял премьера, заключив, что правительства Великобритании, Франции и Чехословакии дают свое согласие на передачу Судетской области Германии».

Премьер ответил: «Да». Затем наступила короткая пауза, минута молчания, когда Гитлер, казалось, принимал решение. Затем он произнес со всей решительностью: «Очень сожалею, но теперь это нас не устраивает».

Гитлер потребовал согласия на немедленную военную оккупацию всех «немецких» районов Чехословакии, а

также удовлетворения территориальных требований Польши и Венгрии. Беседа не дала результатов. Чемберлен вернулся в Лондон ни с чем.

В течение последующих дней, под аккомпанемент искусственно вызванной военной паники, американские, английские и французские мюнхенцы работали, «не переводя дыхания». Чемберлен направил к Гитлеру своего специального представителя Вильсона с новыми предложениями. Американский государственный секретарь еще ранее заявил, что все народы с огромным интересом следят «за исторической встречей». Правительство США оказывало давление, стремясь довести дело до созыва «конференции четырех». 22 сентября Буллит, посол США во Франции, предложил Вашингтону взять на себя инициативу созыва конференции. 26 сентября Буллит по телефону повторил свое предложение. Государственный департамент дал свое согласие.

На следующий день, 27 сентября, Хэлл передал Муссолини конфиденциальное послание президента США с просьбой о посредничестве. Вечером 27 сентября президент США обратился к Муссолини непосредственно, послав ему телеграмму с призывом созвать конференцию четырех государств (без СССР).

Утром 28 сентября 1938 года, когда германские генералы (Браухич, Гальдер, Витцлебен) думали уже о государственном перевороте с целью предотвратить войну, которая, по их мнению, была в то время преждевременна, Гитлер получил письмо от Муссолини с приглашением на конференцию. Одновременно им было получено послание от Чемберлена, в котором британский премьер прямо писал: «Вы можете получить все требуемое без войны и притом немедленно».

Гитлер, конечно, принял это предложение. 29 сентября 1938 года в Мюнхене была созвана конференция глав правительств Англии, Франции, Италии и Германии, на которой представители западных держав согласились на все требования Гитлера.

О том, как проходила эта конференция, хорошо известно, поэтому нет необходимости приводить здесь подробности. Важно, однако, подчеркнуть позицию Даладье, который в своей позорной услужливости перед Гитлером выступил с неслыханной «воинственностью» про-

тив... Чехословакии. Вот небольшая выдержка из его речи:

«Премьер-министр Даладье ответил, что французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства... Не может быть и речи о том, чтобы откладывать эвакуацию области до тех пор, когда будут возведены новые укрепления».

Представители Чехословакии даже не были допущены в зал, где проходила конференция. 30 сентября 1938 года в 1 час 30 минут ночи, то есть уже после подписания соглашения, «союзники» сообщили чехам содержание соглашения. Вот выдержка из записи, сделанной в Мюнхене референтом МИД Чехословакии Губертом Масаржиком 30 сентября 1938 года в 4 часа утра:

«В 1 час 30 минут нас повели в зал конференции, где собрались г-н Невиль Чемберлен, г-н Даладье, сэр Гораций Вильсон, г-н Леже, г-н Гуэткин, г-н Мастны и я. Атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора. Французы явно были смущены и, казалось, сознавали, какое значение имеет это событие для престижа Франции. Г-н Чемберлен в кратком вводном слове упомянул о только что заключенном соглашении и дал г-ну Мастны для прочтения текст соглашения...

Пока г-н Мастны говорил с Чемберленом о менее значительных вопросах (Чемберлен при этом непрерывно зевал и не обнаруживал никаких признаков смущения), я спросил гг. Даладье и Леже, ожидают ли от нашего правительства какой-либо декларации или ответа на предложенное нам соглашение. Г-н Даладье, который явно находился в состоянии растерянности, ничего не отвечал, г-н Леже ответил, что четыре государственных мужа не располагают большим количеством времени, и определенно заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, что считают план принятым и что наше правительство должно сегодня, не позже 5 часов утра, послать своего представителя в Берлин на заседание международной комиссии. А затем он сказал, что чехословацкий чиновник, которого мы пошлем, должен быть в Берлине в субботу для того, чтобы определить детали эвакуации первой зоны. Атмосфера становилась все более угнетающей для всех присутствующих.

Нам было объяснено довольно грубым образом, и притом французом, что это — приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления».

В дополнение к соглашению в Мюнхене был подписан ряд протоколов. В одном из них Англия и Франция обязались гарантировать новые границы Чехословакии, в связи с чем говорилось:

«Правительство его величества в Соединенном королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ Чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия, со своей стороны, предоставят Чехословакии гарантию».

Другой протокол затрагивал вопрос о территориальных притязаниях Польши и Венгрии, при этом в нем говорилось, что в том случае, если не будет достигнуто непосредственной договоренности, в течение трех месяцев будет созвана новая конференция «четырёх».

30 сентября 1938 года Гитлер и Чемберлен подписали англо-германскую декларацию о ненападении.

6 декабря аналогичную декларацию подписали Риббентроп и Боннэ.

Эти декларации фактически означали оставление за Германией «свободы действий» в Восточной Европе.

Таким образом появилась система отношений, к которой западные империалисты стремились в течение многих лет и о которой так открыто говорил Галифакс в 1937 году. Мюнхен должен был обеспечить «равновесие сил» между европейскими империалистическими государствами, он должен был изолировать Советский Союз и отстранить его от всякого влияния на международную политику, он должен был открыть Гитлеру свободный путь на восток для похода на СССР. Действительность оказалась несколько иной.

Возвращаясь в Лондон, Чемберлен говорил, что в Мюнхене обеспечен мир для целого поколения. Посол Великобритании в Берлине Гендерсон (тот самый, кото-

рый с такой гордостью рассказывал о своем участии в съездах гитлеровской партии в Нюрнберге) в упоении телеграфировал Чемберлену: «Миллионы матерей будут благословлять Ваше имя за то, что Вы спасли их сыновей от ужасов войны». Аналогичные поздравительные телеграммы получили авторы позорного мюнхенского соглашения от других сторонников «мира с Гитлером», но сторонников войны против Советского Союза. На следующий день после заключения мюнхенского соглашения приветственную телеграмму Гитлеру послал директор американского концерна «Дженерал моторс». Самнер Уэллес, тогдашний помощник государственного секретаря США, 3 октября 1938 года произнес по радио речь, в которой выразил свое удовлетворение по случаю заключения мюнхенского соглашения.

Американские «мюнхенцы» сами подчеркивали свою активную роль в подготовке позорного соглашения. Государственный секретарь США Хэлл писал по этому вопросу в своих дневниках следующее: «Трудно сказать, было ли это (мюнхенский стговор.— М. С.) результатом шагов, предпринятых президентом. Несомненно, однако, что эти шаги оказали значительное влияние на ход событий».

Гитлер также не имел, как мы видим, сомнения в отношении роли, какую в подготовке мюнхенского стговора сыграла американская реакция. 19 октября 1938 года в Берлине Геринг от имени фюрера (Гитлера) торжественно вручил орден упоминавшемуся нами выше Линдбергу...

В разногласии хором сторонников мюнхенского стговора не могло, конечно, не быть социал-демократов. 1 октября 1938 года в центральном органе французской социалистической партии, газете «Попюлер», появилась передовая статья Леона Блюма, в которой он писал:

«Нет ни одной женщины, ни одного мужчины во Франции, которые не были бы благодарны Невиллю Чемберлену и Эдуарду Даладье. Мы избежали войны. Несчастье предотвращено. Жизнь снова входит в свою обычную колею. Можно вернуться к труду и снова спать спокойно. Можно наслаждаться великолепием осеннего солнца».

Трудно представить себе более чудовищную ложь, чем эти омерзительные слова человека, который хорошо

знал, что мюнхенский сговор развязывал руки фашистским агрессорам и приближал войну...

Мюнхенское соглашение не просуществовало даже полгода. Мюнхен стал не только символом позора западных империалистов. Мюнхен стал символом непрочности всяких пактов и договоров между империалистическими хищниками, стал явным доказательством того, что внутренние противоречия империалистического лагеря не могут быть преодолены.

14 марта 1939 года президент урезанной Чехословакии Гаха был вызван «на беседу» к Гитлеру. В тот же самый день германские войска перешли «гарантированные» границы Чехословакии. 15 марта гитлеровцы маршировали по улицам Праги. Двумя днями позже германское правительство официально заявило, что «искусственное творение, каким была Чехословакия», перестало существовать. Обособленная Словакия стала самостоятельным «государством», конечно, под «протекторатом» Гитлера и бдительной опекой германских войск, которые, таким образом, окружили Польшу с юга.

15 марта 1939 года лорд Галифакс выступил в палате общин с декларацией по вопросу о позиции Англии в связи с новым актом агрессии со стороны Германии. Английский министр иностранных дел, перейдя к вопросу о подписанной в Мюнхене гарантии границ Чехословакии и никак не обосновывая своей позиции, заявил, что «английское правительство в результате поворота, какой приняли события, не считает себя более связанным никакими обязательствами в отношении гарантий независимости, данных Чехословакии». Аналогичное заявление, подкрепленное головоломной казуистикой, сделал в палате общин Чемберлен:

«По нашему мнению, положение подверглось радикальному изменению с того момента, когда сейм Словакии объявил о независимости Словакии. Положение, которое предусматривала британская формула гарантии, перестало тем самым существовать, поэтому британское правительство не может более считать себя связанным указанной гарантией».

Аналогичное заявление сделал во французском парламенте Боннэ. А газета «Дейли мейл», которая еще год тому назад называла, подобно Гитлеру, Чехослова-

кию «искусственным творением Версальского договора», теперь (16 марта 1939 года) писала:

«Великобритания не имеет оснований к каким-либо угрызениям совести в связи с Чехословакией. Нет также оснований к вмешательству. Окончательный распад Чехословакии был делом неизбежным. Вызван он был внутренним расколом, а не внешней агрессией».

(Напоминаем, что в тот же самый день, когда гитлеровские войска вступили в Прагу, в Дюссельдорфе успешно закончились переговоры между представителями Федерации британских промышленников и руководством Германской имперской промышленной группы...)

20 марта советское правительство опубликовало ответ на немецкую ноту об установлении «протектората над Чехией и Моравией». Советское правительство клеймило этот поступок Германии как акт явной агрессии и отказалось считать этот акт имеющим законную силу. В заявлении советского правительства говорилось:

«Не считая возможным обойти молчанием означенные ноты и тем создать ложное впечатление о своем, якобы, безразличном отношении к чехословацким событиям, Советское правительство находит нужным, в ответ на означенные ноты, выразить свое действительное отношение к упомянутым событиям.

Приведенные во вступительной части германского указа, в его обоснование и оправдание, политико-исторические концепции и, в частности, указания на чехословацкую государственность, как на очаг постоянных беспокоейств и угрозы европейскому миру, на нежизнеспособность чехословацкого государства и на вытекавшую из этого необходимость особых забот для Германской империи, не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам... Чехословацкая республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика... Неизвестны конституции какого-либо государства, которые давали бы право главе государства, без согласия своего народа, отменить его самостоятельное государственное существование. Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятель-

ности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование... Акт президента г. Гаха... явно противоречит... чехословацкой конституции... Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу.

Принцип самоопределения народов, на который нередко ссылается германское правительство, предполагает свободное волеизъявление народа... В данном случае никакого волеизъявления чешского народа не было, хотя бы в форме таких плебисцитов, какие имели место, например, при определении судьбы Верхней Силезии и Сарской области.

При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.

Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.

Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения.

Ввиду изложенного, Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости, или принципу самоопределения народов».

В заключение советское правительство еще раз подчеркивало растущее напряжение положения в Европе:

«По мнению Советского правительства, действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов».

Советская печать, комментируя ноту правительства СССР, подчеркивала растущую опасность, нависшую над рядом государств и прежде всего над Польшей. Так, например, газета «Известия» еще 18 марта 1939 года писала: «Не успели еще германские войска занять Прагу, как началась концентрация этих войск против Польши».

«Германское кольцо вокруг Польши сжимается еще теснее», — писала газета «Правда» 24 марта 1939 года.

Последующие события полностью подтвердили прозорливость советской дипломатии. Тучи на мировом горизонте быстро сгущались, и только немедленные действия, предлагаемые Советским Союзом, могли предотвратить катастрофу, разразившуюся в сентябре 1939 года.

Глава 6

Московские переговоры летом 1939 года

Начинался наиболее драматический период межвоенного двадцатилетия. Советский Союз, который, несмотря на враждебное капиталистическое окружение, вырос в передовую могучую державу в экономическом и военном отношении, вступил в этот период с четко сформулированными принципами внешней политики — теми самыми принципами, которыми руководствовалось социалистическое государство с первого дня своего существования: решительная борьба против войны, борьба, понимаемая не как капитулянтский «пацифизм», а как активное противодействие агрессии. Эти принципы, в применении к конкретным условиям тогдашнего положения, были сформулированы товарищем Сталиным в его историческом выступлении на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 года.

Охарактеризовав применяемую западными державами политику «невмешательства» как политику потворства агрессорам и натравливания их на СССР, товарищ Сталин предостерег «мюнхенцев», указывая, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»¹.

Говоря о внешней политике СССР, товарищ Сталин заявил:

«Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой пози-

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 572.

ции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ»¹.

Далее товарищ Сталин сформулировал следующие задачи коммунистической партии в области внешней политики:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами»².

Начертанную товарищем Сталиным линию Советский Союз проводил решительно и ясно в ходе небезызвестных англо-франко-советских переговоров, проходивших в Москве в течение весны и лета 1939 года.

Эти переговоры составляют исключительно интересное дополнение к характеристике политики западных держав, с одной стороны, и политики Советского Союза — с другой.

Как мы видели, Советский Союз в течение ряда лет рекомендовал западным государствам в тех или иных

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 574.

² Там же, стр. 574—575.

условиях заключение конкретных соглашений в целях прекращения фашистской агрессии. Правительства западных государств решились, однако, начать такие переговоры с Советским Союзом лишь в марте 1939 года под влиянием краха системы «равновесия сил», установленной в Мюнхене.

15 марта 1939 года германские войска маршировали по улицам Праги; 22 марта Гитлер силой отнял Клайпеду у Литвы.

23 марта был подписан германо-румынский договор, превращавший фактически Румынию в колонию, в немецкую аграрно-сырьевую провинцию;

германские требования, предъявляемые Польше, становились все более наглыми;

одновременно бешеными темпами росли вооружения Германии.

В этих условиях продолжение прежней политической линии было бы, с точки зрения империалистических интересов западных государств, бессмысленно. Речь шла, однако, не об изменении основных политических целей, а лишь об изменении тактики для достижения этих целей. Английские, американские и французские империалисты отнюдь не отказывались от плана направления гитлеровской Германии на восток, с тем чтобы бросить ее на Советский Союз и выступить самим в заключительной фазе войны в роли «арбитра», диктующего свою волю ослабевшим противникам. Однако в марте 1939 года даже Чемберлен понял (Черчилль понял это несколько раньше), что этих целей не удастся достигнуть при помощи политики открытых уступок. Гитлеровская Германия превращалась во все более могучую силу после каждого очередного акта агрессии, все менее считалась с западными государствами. Гитлеровская Германия откровенно преследовала свои собственные империалистические цели, что, несомненно, затрагивало интересы западных империалистов. Англо-франко-советские переговоры, а также предоставленные весной 1939 года английские «гарантии» Польше, Греции и Румынии должны были, по плану Уолл-стрита и Сити, сыграть роль такого козыря, который должен был оказать влияние на Гитлера и позволить удержать его «на вожжах» без изменения основного направления удара. Одновременно правительства запад-

ных государств пытались связать СССР односторонними обязательствами такого рода, чтобы спровоцировать войну, в которой Советский Союз должен был бы нести всю тяжесть борьбы с гитлеровской Германией, без участия Англии, Франции и США.

Германский посол в Лондоне Дирксен следующим образом оценивал значение московских переговоров:

«...здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией».

В другом месте Дирксен писал:

«Эти настроения проявились в нескольких речах Чемберлена и Галифакса, в которых ясно выражался принцип двухсторонней политики Англии или политики двойного действия, как она иначе называется. Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы: в вопросе о колониях, о приобретении сырья, о жизненном пространстве, о сферах экономических интересов».

Помимо этих мотивов, на решение начать переговоры с Советским Союзом повлияло, несомненно, давление общественного мнения на правительства западных держав. Народные массы всего мира, в том числе преобладающее большинство народов Англии, США и Франции, категорически отвергали всякое продолжение мюнхенской политики.

Реакционные правящие круги должны были поэтому применить более гибкую тактику, должны были маневрировать, создавая видимость стремления достигнуть договоренности с Советским Союзом. Таким образом делались усилия привлечь на свою сторону массы, которые справедливо видели в СССР основную силу в борьбе против фашистских агрессоров.

Еще 10 июля 1938 года, то есть до мюнхенского сговора, германский посол в Лондоне Дирксен писал о мотивах «антигерманской» тактики Черчилля:

«...Черчилль со своими сторонниками видит самую легкую возможность свалить Чемберлена и самому стать у власти в том, что он изобличает кабинет в нерадивости в деле создания прочной обороны страны против возможных нападений, конечно, со стороны Германии».

Читая записку о дружеском собеседовании Черчилля с руководителем данцигских фашистов Ферстером (14 июля 1938 года), действительно трудно не признать справедливым утверждение, что «оглядка на избирателей» также играла весьма важную роль в маневрах так называемой оппозиционной группы консерваторов (Черчилль, Иден, Дафф, Купер и др.).

В беседе с фашистом Ферстером Черчилль заявил, в частности:

«...по моему мнению, было бы вполне возможно включить в общеевропейское соглашение пункт, обязывающий Англию и Францию прийти Германии на помощь всеми своими силами, в случае если бы она явилась жертвой неспровоцированного нападения со стороны России через Чехословакию или каким-либо иным образом...»

...Я сказал: «Я не являюсь противником мощи Германии, и большинство англичан желает, чтобы Германия заняла свое место в качестве одной из двух или трех руководящих держав мира; мы не стали бы препятствовать и мирному, постепенному росту германского торгового влияния в Дунайском бассейне, но всякая насильственная акция почти неизбежно приведет к мировой войне».

Идея, как видим, та же самая, что и в пресловутой беседе Галифакса с Гитлером: продолжайте свою экспансию на восток, но «мирным путем», то есть по договоренности с нами.

Реакционный «оппозиционер» Черчилль, стремясь в основном к тому же самому, что и реакционный премьер, считал более правильным маневрировать. С известным опозданием признало необходимость такого маневрирования и все руководство консервативной партии с Чемберленом включительно. Об этом ясно говорит германский посол в Лондоне Дирксен в своей обзорной записке о развитии англо-германских отношений в последнем предвоенном году.

Вот соответствующая выдержка из этого документа:

«К этому еще присоединилось другое обстоятельство решающего значения: консервативным избирателям стало ясно, что ликвидация чехословацкого государственного образования не только означала политическое поражение Чемберлена вследствие краха его политики «умиротворения», но также ставила под угрозу его внутривластное положение, а с ним и власть консервативной партии вообще. Все силы, заинтересованные в сохранении и поддержании этого положения, особенно вся партийная машина, были пущены в ход и оказывали по избирательно-тактическим соображениям давление на Чемберлена и кабинет, чтобы отказом от политики умиротворения и более резким языком в отношении Германии выбить оружие из рук партий оппозиции (особенно оппозиционных групп внутри консервативной партии) и отдать дань настроениям избирателей».

Мы подробно рассмотрели мотивы, побудившие правительство Англии и Франции согласиться, наконец, начать переговоры с Советским Союзом. Они позволят нам яснее осмыслить непонятный на первый взгляд ход этих переговоров, которые вызвали такой интерес и надежду у народов Европы. Только выяснение истинного характера этого мнимого «поворота» в английской политике весной 1939 года, «поворота», о котором столько пишут реакционные историки и публицисты, позволит правильно понять причины непрерывного затягивания переговоров англо-французской стороной, создания с каждым разом все новых трудностей и, наконец, приведения этих переговоров к срыву.

Правительство Советского Союза, безусловно, отдавало себе отчет в том, что для чемберленов, даладье и черчиллей московские переговоры являются прежде всего маневром. Тем не менее Советский Союз, готовый к активному выступлению против агрессора в рамках системы коллективной безопасности, отнесся к московским переговорам со всей серьезностью, надеясь, что перед лицом ясной позиции СССР и под влиянием общественного мнения Европы, над которой нависла угроза войны, правительства западных государств вынуждены будут заключить реальное соглашение.

Вот в общих чертах ход московских переговоров и событий, связанных с ними.

18 марта 1939 года Великобритания обратилась к советскому правительству с запросом, что намерено предпринять советское правительство в случае вероятного нападения Германии на Румынию. Сообщение ТАСС, опубликованное в ответ на запрос британского правительства, гласило:

«... 18 сего месяца британское правительство, уведомив Советское правительство, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции Советского правительства при такой эвентуальности. Советское правительство в ответ на этот запрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание, по мнению Советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. Британское правительство нашло, однако, это предложение преждевременным».

Вместо созыва конференции, которая дала бы возможность договориться о конкретных мерах борьбы против агрессии, английское правительство предложило советскому правительству 21 марта 1939 года подписать совместно с ним, а также с Францией и Польшей декларацию, в которой подписавшиеся правительства обязались бы «совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» на случай угрозы «независимости любого европейского государства». Британский посол, доказывая приемлемость своего предложения, особенно напирал на то обстоятельство, что декларация составлена в весьма малообязывающих выражениях.

Было совершенно очевидно, что такая декларация не может служить серьезным средством борьбы против нависшей угрозы со стороны агрессора. Полагая, однако, что даже такая малообещающая декларация может явиться хотя бы некоторым шагом вперед в деле обуздания агрессора, советское правительство согласилось принять английское предложение. Но уже 1 апреля 1939 года

английский посол в Москве сообщил, что Англия считает вопрос о совместной декларации отпавшим.

После двухнедельных проволочек переговоры, проводившиеся в Москве дипломатическими представителями Англии и Франции, а также представителем английского министерства иностранных дел Стрэнгом, были возобновлены. Английский министр иностранных дел Галифакс сделал советскому правительству через посла в Москве новое предложение, заключавшееся в том, чтобы советское правительство сделало заявление, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь советского правительства, если она будет желательна».

Смысл этого предложения заключался в том, что в случае акта агрессии Германии против Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии Советский Союз был обязан оказать им помощь без какого-либо обязательства по оказанию помощи со стороны Англии, то есть ввязаться в войну с Германией один на один. Что касается Польши и Румынии, которым Англия дала гарантии, то и в этом случае Советский Союз должен был оказать им помощь против агрессора. Но Англия не хотела брать на себя какие-либо обязательства совместно с Советским Союзом, оставляя себе свободу рук и поле для любого маневрирования, не говоря уже о том, что, согласно этому предложению, Польша и Румыния, а также прибалтийские государства не принимали никаких обязательств в отношении СССР.

Советское правительство, однако, не желало упускать ни единого случая для того, чтобы добиться соглашения с другими державами о совместной борьбе против гитлеровской агрессии. Оно без малейшего промедления представило британскому правительству встречное предложение. Это предложение заключалось в том, чтобы, во-первых, Советский Союз, Англия и Франция взаимно обязались оказывать друг другу всяческую немедленную помощь, включая военную, в случае агрессии против одного из этих государств; во-вторых, чтобы Советский Союз, Англия и Франция обязались оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь государствам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Черным

морями и граничащим с Советским Союзом, в случае агрессии против этих государств; наконец, в-третьих, Советский Союз, Англия и Франция должны были обязаться в короткий срок установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждому из этих государств в обоих случаях, упомянутых выше.

Таковы были наиболее важные пункты советского предложения. Нетрудно видеть коренное отличие советского предложения от британского предложения, поскольку советское предложение заключало в себе действительно эффективные меры совместного противодействия агрессии.

В течение трех недель не было никакого ответа на это предложение со стороны английского правительства. Это вызвало в Англии возмущающее беспокойство, вследствие чего английскому правительству пришлось в конце концов придумать очередной маневр для обмана общественного мнения.

8 мая в Москву поступил английский ответ, или, точнее, английские контрпредложения. Советскому правительству снова предлагалось сделать одностороннее заявление, которым оно «обязалось бы в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств (перед Бельгией, Польшей, Румынией, Грецией и Турцией) оказать немедленно содействие, если оно окажется желательным, причем род и условия, в которых предоставлялось бы это содействие, явились бы предметом соглашения».

И в этом предложении речь шла об односторонних обязательствах Советского Союза. Он должен был обязаться оказывать помощь Англии и Франции, которые, со своей стороны, абсолютно никаких обязательств перед Советским Союзом в отношении прибалтийских республик на себя не брали. Таким образом, Англия предлагала поставить СССР в неравное положение, неприемлемое и недостойное для любого независимого государства.

Легко понять, что на деле английское предложение было адресовано не столько в Москву, сколько в Берлин. Немцев приглашали напасть на Советский Союз и давали им понять, что Англия и Франция сохранят нейтралитет, если только немецкое нападение будет совершено через Прибалтику.

11 мая переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией были еще более осложнены заявлением польского посла в Москве Гржибовского о том, что «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР...»

Разумеется, такое заявление польского представителя могло быть сделано только с ведома и одобрения правящих кругов Англии и Франции.

Поведение английских и французских представителей в переговорах в Москве носило настолько провокационный характер, что даже в правящем лагере западных держав нашлись люди, которые резко критиковали такую грубую игру. Так, летом 1939 года Ллойд-Джордж выступил во французской газете «Се суар» с резкой статьей, направленной против руководителей английской политики. Касаясь причин той бесконечной канители, в которой завязли переговоры Англии и Франции с Советским Союзом, Ллойд-Джордж писал:

«Чемберлен ездил в Рим, чтобы посетить Муссолини и почтить его официальным признанием захвата Эфиопии, а также чтобы сказать ему, что не станет чинить препятствий итальянской интервенции в Испании. Почему же в Москву послан лишь один чиновник Форин офис, который представит Англию в столь могущественной стране, предложившей нам свою помощь? На это может быть дан только один ответ: Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией».

Западные державы без конца затягивали переговоры с Советским Союзом, пытаясь утопить существенные вопросы в тине мелких поправок и бесчисленных вариантов. Каждый раз, когда речь заходила о каких-либо реальных обязательствах, представители этих держав прикидывались, будто не понимают, в чем дело.

В конце мая Англия и Франция внесли новые предложения, которые содержали уже принцип взаимной помощи. Однако правительства Англии и Франции не хотели согласиться на оказание помощи Советскому Союзу в случае, если бы Германия напала на прибалтийские республики — Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию. Такое нападение было бы для СССР особенно опасным, в связи с чем Советский Союз отстаивал включение этих республик в разработанный пакт.

Поведение англо-французских представителей было настолько нетерпимым, что советское правительство было вынуждено в конце мая предупредить правительства западных государств о том, что оно понимает смысл их маневров.

27 мая 1939 года Молотов заявил английскому послу Сиидсу и французскому поверенному в делах Пайару, что представленный ими проект соглашения об оказании совместного противодействия агрессору в Европе не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции и даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в соответствующем пакте с Советским Союзом. При этом было прямо заявлено, что англо-французское предложение наводит на мысль, что правительства Англии и Франции не столько заинтересованы в самом пакте, сколько в разговорах о нем. Возможно, подчеркивал Молотов, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советское правительство заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Англо-французские представители были предупреждены, что советское правительство не намерено участвовать в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, и что такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами.

31 мая 1939 года на сессии Верховного Совета товарищ Молотов указывал, что в англо-французских предложениях, выдвигавшихся в ходе этих переговоров, отсутствовал принцип взаимности и равенства обязательств, принцип, необходимый для всех равноправных соглашений.

Товарищ Молотов говорил в этой связи:

«Гарантировав себя от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и французы оставляли открытым вопрос — может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как оставляли открытым другой вопрос — могут ли они

принять участие в гарантировании граничащих с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров.

Получалось, таким образом, неравное положение для СССР»¹.

Между тем Германия активно подготавливалась к войне. 27 мая 1939 года Гитлер заключил союз с Муссолини. Однако оба фашистских лидера прекрасно сознавали, что планы их могут осуществиться, лишь если московские переговоры не приведут к заключению соглашения между их участниками. Именно поэтому они пускали в ход все возможные средства, чтобы поддержать руководящие англо-французские круги, которые фактически саботировали эти переговоры.

Во время московских переговоров, как и в период мюнхенского сговора, большую помощь Гитлеру оказали американские реакционеры. В течение всего периода после Мюнхена американские монополисты и зависимые от них политики продолжали свою вероломную игру. Главным средством парализации борьбы за создание единого фронта против агрессии были заявления о том, что в случае конфликта Америка останется нейтральной. Этим не только придавали смелость Гитлеру, но и давали дополнительные козыри правительствам Англии и Франции в их политике саботажа переговоров с СССР и форсирования секретных переговоров с Гитлером.

В январе 1939 года сенатор Ванденберг, руководитель реакционного блока обеих американских правящих партий (демократов и республиканцев), заявил, что не допустит никакого изменения «закона о нейтралитете». Американские «изоляционисты» сдержали слово. В феврале 1939 года Хэлл заявил, что «американское правительство выступает против всяких союзов с другими странами». 28 мая в речи, произнесенной в Чикаго, Хэлл снова подчеркнул принцип «нейтралитета» как основу американской внешней политики. 19 июля сенат США отложил рассмотрение предложения о пересмотре закона о «нейтралитете» до... января 1940 года. В тот же самый день Ванденберг заявил, что выезжает в Европу в целях

¹ Третья сессия Верховного Совета СССР, стр. 471.

«исследования положения». Ванденберг (вместе с гитлеровским агентом в конгрессе США Гамильтоном Фишем) появился в Европе в наиболее напряженные дни. В августе Ванденберг вел продолжительные беседы в Берлине с руководителями гитлеровской партии. Гамильтон Фиш получил даже в свое распоряжение личный самолет Риббентропа, на котором побывал в ряде европейских столиц, укрепляя позиции гитлеровской дипломатии. Одновременно «Стандард ойл» и концерн Дюпона заключили новые картельные договоры с германскими монополистами (23 мая 1939 года концерн Дюпона заключил важный договор с «И. Г. Фарбениндустри»).

Американские политики не пошевелили пальцем, чтобы воспрепятствовать занятию Праги Гитлером (хотя были полностью проинформированы о подготовке к этому). Ничего они также не сделали, чтобы помешать вторжению в Польшу. Совсем наоборот: американская дипломатия продолжала свои «мюнхенские усилия», стремясь склонить Польшу к капитуляции. Американский посол в Лондоне до последнего момента развивал активную деятельность в этом направлении, пытаясь сыграть ту же самую роль, что и Буллит в период Мюнхена.

Как один из своих инструментов Гитлер и Муссолини использовали также Ватикан. Ватикан в течение длительного времени старался добиться «компромисса», рекомендуя Польше проявить «уступчивость» в вопросе о Гданьске (среди многих шагов ватиканской дипломатии следует обратить внимание на беседу Пия XII с послом Польши при Ватикане 28 июля 1939 года). Ватикан назначил летом 1938 года данцигским епископом известного гитлеровца и врага Польши Кароля Сплитта.

6 мая 1939 года папские нунции в Париже, Лондоне, Берлине и Варшаве посетили министров иностранных дел и предложили созыв в Ватикане конференции представителей Германии, Англии, Франции, Италии и Польши для «урегулирования» спорных вопросов. Ни для кого не было сомнения в том, что папа римский старался противодействовать возможной англо-франко-советской «договоренности». Корреспондент американского агентства Ассошиэтед Пресс в Ватикане Морган писал в связи с этим вопросом: «Ватикан настойчиво работал над тем, чтобы

не допустить заключения союза» [англо-франко-советского. — М. С.].

В связи с махинациями «мюнхенцев» политические руководители СССР решили ясно поставить вопрос перед общественным мнением всего мира и тем самым заставить Чемберленов, Даладье и других сбросить маску. 29 июня 1939 года в «Правде» была опубликована статья товарища Жданова, который, излагая историю московских переговоров, доказал, что представители Англии и Франции заводят переговоры в тупик. Жданов писал:

«Мне кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами».

Статья товарища Жданова произвела огромное впечатление во всем мире. Разоблаченные мюнхенцы были вынуждены сделать для видимости шаг вперед и начать переговоры представителей генеральных штабов.

Представители СССР добивались, чтобы политический договор между Англией, Францией и СССР был заключен одновременно с военным договором, ибо Советский Союз прекрасно понимал, что без военного договора политический договор может оказаться только клочком бумаги, тем более, что военные приготовления Германии заставляли торопиться. Вместо этого англичане и французы хотели ограничиться «временно» подписанием политического договора, заявляя, что после подписания этого договора «можно будет начать переговоры по вопросу о военном договоре...»

Это характерное для позиции обеих сторон различие мнений подчеркивается, в частности, в зашифрованной телеграмме польского посла в Лондоне Рачинского министру иностранных дел Польши Беку от 14 июля 1939 года, в которой говорится:

«Новые трудности вызывает также требование Советов начать как можно быстрее переговоры о военном договоре и постановка в зависимость от этого вступления в действие политического договора».

В другой своей телеграмме от 27 июля 1939 года Рачинский, помимо собственного желания, признает, что

советское правительство стремится к достижению соглашения и готово даже пойти на некоторые уступки:

«Что касается определения косвенной агрессии, до сих пор соглашения не достигнуто. Однако Советы в настоящее время готовы не считать это принципиальным вопросом, если будут немедленно начаты переговоры представителей штабов».

Лишь 25 июля правительства Англии и Франции приняли, наконец, предложение правительства СССР начать непосредственные переговоры между представителями генеральных штабов и решили направить в Москву военные миссии. Однако миссии отнюдь не торопились выехать по назначению. Они отбыли лишь спустя 11 дней и при этом не самолетом, а пароходом. В результате на путь до Москвы вместо нескольких часов потребовалось 6 дней.

Еще более характерным для уяснения существа истинных намерений западных держав был состав присланных в Москву миссий.

«Выезд Айронсайда [тогдашний начальник штаба британской армии. — *М. С.*] в настоящий момент не предвидится», — с тупым удовлетворением констатирует Рачинский в цитированной выше телеграмме.

«К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства ... генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения», — телеграфировал в Берлин германский посол в Лондоне Дирксен 1 августа 1939 года.

Дирксен имел достаточно веские основания для скептической оценки перспектив московских переговоров. Он писал так не только потому, что адмирал Дрэкс (глава английской военной миссии) был годен лишь для того, чтобы получать пенсию в отставке, а не вести переговоры с могучей державой в обстановке надвигавшейся мировой

войны. (Кроме того, как выяснилось по прибытии в Москву, ни французская, ни английская делегации не имели полномочий на подписание какого бы то ни было договора.)

Посол Дирксен имел основания скептически относиться к московским переговорам, поскольку был полностью проинформирован о действительной позиции правительства Чемберлена и его американских и французских сподвижников. Посол Дирксен прекрасно знал содержание бесед, проводимых Гендерсоном в Берлине, а еще лучше, конечно, ход секретных переговоров, проводимых в Лондоне им самим, а также геринговским чиновником Вольтатом.

Вот что сообщал Дирксен об этих секретных переговорах, происходивших в Лондоне в июле 1939 года, то есть тогда, когда английское правительство делало вид, что предпринимает все усилия для достижения договоренности с Советским Союзом:

«В середине июля в англо-германских отношениях наступило некоторое успокоение.

...В связи с этим или по случайному совпадению вылились в позитивные действия уже упомянутые выше конструктивные тенденции в британском правительстве, которое, взамен негативизма фронта окружения, стремились посредством переговоров с Германией достигнуть соглашения с нею. С этой целью обратились к приехавшему в Лондон для переговоров Вольтату, который еще до этого завязал хорошие отношения с соответствующими лицами и, действуя в качестве экономического особоуполномоченного по 4-летнему плану, мог подчеркнуть экономическую сторону переговоров. Инициатива исходила от сэра Горация Вильсона, ближайшего сотрудника и советника Чемберлена. Когда г-н Вольтат находился в Лондоне в июле для участия в китоловных переговорах, Вильсон пригласил его для беседы, во время которой он, на основе подготовленных заметок, развил программу широкого урегулирования англо-германских отношений. Программа предусматривала соглашения политического, военного и экономического характера.

В политической сфере предусматривался пакт о ненападении, заключающий отказ от принципа агрессии. Сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы

дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии...

Затем должен был быть заключен договор о невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой для разграничения сфер интересов великих держав.

В военном отношении были предусмотрены переговоры о заключении соглашения об ограничении вооружений на суше, на море и в воздухе.

В экономической сфере были сделаны предложения широкого масштаба: предусматривались переговоры по колониальным вопросам, об обеспечении Германии сырьем, о разграничении индустриальных рынков, по международным долгам, о применении режима наибольшего благоприятствования.

Основная мысль этих предложений, как объяснил сэр Гораций Вильсон, заключалась в разрешении вопросов столь крупного значения, что зашедшие в тупик ближневосточные вопросы, как данцигский и польский, отодвинулись бы на задний план и могли бы тогда быть урегулированы между Германией и Польшей непосредственно.

Значение предложений Вильсона было доказано тем, что Вильсон предложил Вольтату получить личное подтверждение их от Чемберлена, кабинет которого находится недалеко от кабинета Вильсона. Однако Вольтат уклонился от этого, чтобы не нарушить неофициального характера своей миссии».

Обе стороны придавали большое значение переговорам Вольтата и Вильсона (и Хадсона). В Берлин непрерывно летели телеграммы. Немедленно после возвращения Вольтата в Германию Геринг передал его отчет Риббентропу.

В переговорах с Германией (в противоположность московским переговорам) англичане действовали быстро и оперативно. Чтобы доказать, что Вильсон не выражает взгляды лишь какой-то изолированной группы консервативных политиков, в германское посольство обратился с подобными предложениями лейборист Бакстон. Вот что пишет в этой связи Дирксен в своем донесении:

«Через несколько дней после отъезда г-на Вольтата известный умеренный политик лейбористской партии Чарльз Роден Бакстон посетил советника посольства Кордта и развил перед ним в более законченной форме мысли, которые находились в несомненном родстве с предложениями, изложенными сэром Горацием Вильсоном; Бакстон лишь сильнее подчеркивал политическую сторону англо-германского примирения, чем экономическую. Бакстон считал необходимым возвращение к методу тайной дипломатии, так как народы (по его словам) столь возбуждены и атмосфера столь сгустилась, что публичные выступления государственных деятелей принесли бы больше зла, чем блага. Посредством тайных переговоров должно быть подготовлено политическое соглашение, как это было в 1904 г. при заключении соглашения с Францией или в 1907 г. при заключении соглашения с Россией. (Тот факт, что Чемберлен в это самое время в палате общин упомянул о продолжительном времени, которое потребовалось для заключения соглашения с Францией и Россией, говорит за то, что Бакстон, видимо, обсудил свой план с официальными лицами или даже, быть может, был ими инспирирован.) «Англия стоит теперь,— так говорил далее Бакстон,— перед теми же проблемами, что и тогда; тогда дело шло о разграничении жизненных пространств и сфер интересов с Францией и с Россией. Великобритания, таким образом, обещала бы уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Англия отказалась бы от гарантий, данных ею некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы».

Этим, конечно, вопрос не был исчерпан. Дирксен далее пишет, что «напоминания относительно приступа к примирительной акции с английской стороны продолжались в последующие дни и были переведены на официальные рельсы...

Чтобы не привлечь ничего внимания, я посетил Вильсона 3 августа на его частной квартире и имел с ним

почти двухчасовой разговор. В основных чертах беседа эта протекала в тех же рамках, что и беседы Вольтата. Я придавал значение тому, чтобы получить от него подтверждение предложений, которые он сделал Вольтату. Вильсон это и сделал, так что аутентичность проекта не подлежит сомнению.

Для меня особенно важно было выяснить взаимоотношения между вильсоновскими предложениями и английской политикой окружения. И по этому пункту Вильсон подтвердил мне еще более ясным образом, чем Вольтату, что с заключением англо-германской антанги английская гарантийная политика будет фактически ликвидирована. Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения; таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией».

Так выглядела оборотная сторона «гарантий», предоставленных Польше английским «союзником». Так выглядела оборотная сторона политики западных держав по отношению к Советскому Союзу.

Советское правительство отдавало себе, конечно, отчет в двойной игре, проводимой западными империалистами. Несмотря на это, оно предприняло еще одну, последнюю, попытку довести московские переговоры до конкретных результатов.

- Не обращая внимания на то, что состав военных миссий Англии и Франции свидетельствовал о несерьезном отношении к переговорам обоих указанных правительств, Советский Союз сделал все, чтобы придать этим переговорам серьезный и конкретный (а не общий) характер и — что самое главное — быстро достичь конкретной договоренности. Во главе советской делегации находился маршал Ворошилов, народный комиссар обороны СССР, один из видных руководителей большевистской партии и советского правительства. Советская делегация была наделена исключительно широкими полномочиями, вплоть до подписания конкретного военного договора. Советская делегация сразу же представила на одном из первых заседаний подробный план оказания помощи в

случае нападения на Польшу и другие страны, предлагая выставить на фронт 136 дивизий, 5 тысяч средних и тяжелых орудий, до 10 тысяч танков и танкеток, более 5 тысяч боевых самолетов (англичане, со своей стороны, объявили, что выставят... 5 пехотных и одну моторизованную дивизию!).

Все эти факты находят свое подтверждение в докладе главы французской делегации на московских переговорах генерала Думенка, который, несмотря на свое явно недоброжелательное отношение к Советскому Союзу, следующим образом описывает ход московских переговоров:

«Уже при проверке полномочий маршал Ворошилов добился первых успехов. Маршал встал и с достоинством зачитал документ, на основании которого советская делегация имела право подписать военный договор, направленный против агрессора и имеющий целью обеспечение мира. Он попросил руководителей союзных делегаций предъявить свои полномочия. Я имел лишь приказ, подписанный г. Даладьё, уполномочивающий меня «вести переговоры о различных военных проблемах». Выражение «вести переговоры» может иметь весьма многостороннее значение, однако его лишь приняли к сведению.

Адмирал Дрэкс, глава британской делегации, должен был со смущением признать, что не имеет никаких письменных полномочий, несмотря на то, что намерения его правительства не могли вызывать сомнений. Маршал (Ворошилов), встав еще раз с места, выразил сожаление по поводу отсутствия полномочий.

Маршал заявил, что изложит свою позицию по этому вопросу на следующий день, однако хотел бы узнать, как делегации союзников представляют себе осуществление действий со стороны СССР в случае сухопутной и воздушной агрессии против Франции и Великобритании или против Польши, Румынии и Турции (13 августа 1939 года).

14 августа Ворошилов повторил свой вопрос. Он добавил, что его интересует, согласится ли Польша на вступление советских войск на свою территорию, а именно в районах Вильно и Малопольши. То же самое относится к прохождению войск через Румынию.

В ответе было подчеркнуто, что уже сам вопрос содержит намерение оказания помощи со стороны Советской

Армии обеим странам, в случае если они подвергнутся угрозе, и что основной проблемой является вопрос о концентрации войск. Маршал ответил, что не имеет намерения заранее обсуждать вопросы концентрации войск.

«По вашему мнению,— заявил он,— Польша и Румыния обратятся к нам за помощью. Я не верю в это. Они могут просить о помощи Советский Союз или не просить, могут это сделать с опозданием, так что мы не будем уже в состоянии оказать этой помощи с пользой для союзников. Не в интересах трех великих держав, чтобы армии обоих указанных государств — Польши и Румынии — были уничтожены».

Затем он добавил:

«Я обращаю на этот вопрос особое внимание! Прежде всего необходимо обсудить проблему прохода советских войск через Польшу и Румынию. Это основной вопрос» (14 августа 1939 года).

Обсуждение военных вопросов было естественным продолжением политических переговоров, которые невозможно отделить от военного союза. Задачей советской делегации было достижение договоренности с союзными делегациями о военном сотрудничестве. Поскольку, однако, СССР не имел общей границы с Германией, проход через Польшу был необходим, подобно тому как это имело место в 1918 году, когда американские войска вступили во Францию. Для западных государств это был животрепещущий вопрос, но нельзя было ожидать с их стороны больших усилий, направленных к осуществлению действительного военного сотрудничества (21 августа 1939 года.)

Глава британской делегации высказал следующее мнение: «Не является ли правдоподобным, что в случае неожиданного нападения на Польшу она не будет в состоянии оказывать сопротивления более чем 15 дней, если не получит помощи?»

В ответ на этот вопрос маршал Ворошилов быстро встал с места, заявляя твердо и решительно, что принимает это заявление к сведению. Затем он констатировал: «Если Польша будет предоставлена сама себе, она может быть побеждена в течение 15 дней; советская делегация не имеет ничего дополнить в этом вопросе» (21 августа 1939 года).

22 августа сообщая делегации СССР уклончивый ответ французского правительства, которое — по понятным соображениям — не дает Советскому Союзу никаких гарантий. В этот момент Ворошилов вынужден был заявить, что обычный, лишь подтверждающий получение ответ представляется ему недостаточным; он требует прямого заявления, что польское и румынское правительства действительно согласятся на пропуск войск (22 августа 1939 года)».

Некоторый свет на ход московских переговоров между представителями штабов бросает также следующее место из шифрованной телеграммы польского посла в Париже Лукасевича в польское посольство в Лондоне. 18 августа 1939 года Лукасевич сообщил:

«Министр Боннэ проинформировал меня подробнее о ходе военных переговоров в Москве. Ворошилов в торжественной форме сделал следующее заявление: советская делегация спрашивает, будут ли советские войска в случае конфликта иметь возможность вступить в контакт с германскими войсками в Восточной Пруссии? Смогут ли они воспользоваться территорией Польши, а именно пройти через Вильно и Восточную Малопольшу? Смогут ли они воспользоваться территорией Румынии? Советская делегация просит дать немедленный и ясный ответ, в случае отсутствия такового она будет вынуждена рекомендовать правительству не вступать в сотрудничество с Англией и Францией. В случае положительного ответа советская делегация немедленно представит свой военный план сотрудничества, полностью удовлетворяющий пожелания Англии и Франции.

Французская и английская делегации ответили, что Польша и Румыния являются суверенными государствами, и если Советская Россия желает пользоваться для военных целей их территориями, она должна договориться с ними непосредственно».

Поистине, трогательная забота о государственном суверенитете Польши и Румынии, когда речь идет о вопросах советской помощи против Германии! Тем более трогательная, что тот же посол Лукасевич двумя днями раньше (16 августа 1939 года) телеграфировал Беку о другой беседе с тем же самым Боннэ. Вот выдержка из этой телеграммы:

«Министр Боннэ пригласил меня к себе, чтобы сообщить о демарше, который должен был сегодня сделать по адресу господина министра [то есть Бека. — *Ред.*] посол Ноэль вместе с генералом Муше.

Речь идет о требовании, выдвинутом советским правительством в ходе военных переговоров с Францией и Англией, о пропуске в случае войны советских войск на нашу территорию, а также на территорию Румынии. Что касается нас, то Советы желали бы получить согласие на вступление их войск на территорию Восточной Малопольши, а также виленского «коридора»... Едва ли можно предполагать, чтобы Боннэ имел какие-либо сомнения в отношении нашего ответа, я скорее думаю, что речь идет... о возложении на нас ответственности за срыв московских переговоров...»

В этом случае трудно не признать правоты слов, высказанных Лукасевичем.

Характер внешней политики досентябрьских правительств Польши действительно не оставлял ни тени сомнения в отношении ответа на советские предложения о заключении военного союза в августе 1939 года.

Отступим на несколько лет назад и посмотрим, как в общих чертах выглядела внешняя политика польских правительств досентябрьского периода. Такой короткий экскурс дополнит наш анализ и поможет разоблачить предательскую политику польской и международной реакции в трагические сентябрьские дни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ПОЛИТИКА ПОЛЬСКОЙ РЕАКЦИИ —
ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЫ**

Глава 7

Всегда против Польши

Внешняя политика правительств панской Польши уходит своими корнями глубоко в прошлое. Пилсудский и его люди были связаны с германским империализмом еще до первой мировой войны, а также во время нее. Опубликованные документы по истории пилсудчины убедительно доказывают, что люди, ставшие впоследствии правителями Польши, во время первой мировой войны были тесно связаны с германской разведкой.

Определяющим началом ориентации санационного лагеря были классовые интересы польской буржуазии и польских помещиков, которые считали своими главными врагами польских трудящихся и Советский Союз. Защита классовых интересов буржуазии и помещиков, защита их любой ценой, независимо от национальных интересов Польши, вела в конечном итоге к союзу с иностранным империализмом, а во многих случаях приводила непосредственно к переходу на службу к иностранным капиталистам. Весьма характерно, что если до первой мировой войны и в период этой войны на германский империализм ориентировалась только часть польской реакции (санация), а другая часть (эндеки) приносила интересы Польши в жертву тесному сотрудничеству с царизмом, то межвоенный период характеризуется курсом на сближение точек зрения и того и другого крыла польской реакции.

Свержение капитализма в России в результате Октябрьской революции и образование на территории бывшей царской России свободного государства рабочих и крестьян, с одной стороны, и приход Гитлера к власти в Германии — с другой, привели к тому, что в

панской Польше весь лагерь польской реакции, независимо от внешних вывесок, был одинаково прогитлеровским и антисоветским, одинаково пропитан влиянием иностранной разведки.

Возрождением своей независимости в 1918 году Польша обязана победе Октябрьской революции, которая, свергнув господство русской буржуазии, нанесла сокрушительный удар всему империалистическому лагерю, вызвала подъем революционной волны в Европе и Азии. Победа Октябрьской революции сыграла решающую роль также и в том, что в 1918 году разразилась революция в Германии и Австрии, в результате которой были уничтожены два других оккупанта Польши — германская империя Гогенцоллернов и австро-венгерская монархия Габсбургов.

Осуществляя ленинско-сталинский принцип самоопределения наций, советское правительство немедленно объявило недействительными все акты о разделах Польши, заключенные в свое время правительствами Пруссии, Австрии и царской России, и безоговорочно признало право польского народа на независимость. В ряде официальных актов и деклараций Советская Россия убедительно доказала, что проводит политику поддержки независимой Польши и стремится установить мирные, дружественные отношения между обоими народами. Эту политическую линию по отношению к Польше Советский Союз проводил неизменно в течение всего межвоенного двадцатилетия, независимо от характера правительств панской Польши.

Несмотря на это, основной особенностью внешней политики досентябрьских польских правительств была ненависть к Советскому Союзу, ненависть, находившая свое проявление в активном участии в антисоветских авантюрах, организованных мировым империализмом. Анализ польской внешней политики межвоенного периода приводит к неопровержимому выводу, что польская реакция всегда ориентировалась на те силы в империалистическом лагере, которые в данный период наиболее активно выступали против Советского Союза и народного движения во всем мире. Отсюда профранцузская ориентация польской буржуазии в первый послевоенный период, когда буржуазная Франция стремилась возгла-

вить поход европейской реакции против Советской России. Отсюда связанная с майским переворотом известная «переориентировка» на Англию, которая, как известно, в период Локарно играла ведущую роль в европейской политике и в 1925—1927 годах проявляла особенную активность в организации антисоветских провокаций. Отсюда курс, приведший к тому, что после захвата власти Гитлером Польша целиком впряглась в политическую колесницу гитлеровской Германии, которая превратилась к тому времени в главную ударную силу в борьбе против СССР, а также в главный источник «вдохновения» всех фашистских режимов. Отсюда, наконец, неизменная «симпатия» к финансовой олигархии Соединенных Штатов, которые, действуя закулисно, уже тогда встали во главе мирового империализма и фактически были одним из главных вдохновителей идеи «крестового похода» против СССР и всех сил прогресса.

Ни одна из этих «ориентаций» (точнее, ни один из вариантов одной и той же ориентации) не соответствовала интересам Польши. Наоборот, это была ярко выраженная антипольская ориентация, ориентация, идущая вразрез с жизненными интересами польского народа. Это в равной мере относится не только к прогитлеровской политике периода 1933—1939 годов, но и к политике более раннего периода, когда правительство Польши ориентировались прежде всего на западные державы.

Внешнюю политику Польши в 1933—1939 годах мы разберем в следующих двух главах. Сейчас же займемся некоторыми вопросами более раннего периода, в частности отношением Соединенных Штатов, Англии и Франции к Польше. Этот вопрос заслуживает особого внимания, между прочим, потому, что польская буржуазная литература в течение ряда лет пыталась создать миф о мнимой поддержке, которую якобы Польша получала от «западных демократий» и прежде всего от Соединенных Штатов, возглавлявшихся «благородным» и «бескорыстным» президентом Вильсоном.

Отношение западных империалистов к Польше, по сути дела, уже в общих чертах освещено в предыдущих главах, в которых была дана оценка англо-франко-американской политики поддержки германского империализма и устремления его на восток, что, как совер-

шенно очевидно, должно было произойти за счет интересов Польши. В настоящей главе мы дополним эту оценку некоторыми материалами, касающимися непосредственно Польши. Польша рассматривалась западными державами только как пешка в их империалистической игре, пешка, которой без малейшего сожаления жертвовали в интересах более сильных фигур...

Первым мифом, который польские буржуазные историки особенно усердно пытались распространить среди поляков, было утверждение, будто западные державы оказали содействие делу возрождения независимости Польши в ходе первой мировой войны. Однако достаточно хотя бы поверхностно ознакомиться с документами, относящимися к этому периоду, чтобы убедиться, что это утверждение не имеет ничего общего с действительностью.

До 1917 года западные державы (в том числе и «нейтральные» в то время Соединенные Штаты) вообще не занимались польским вопросом, полностью одобряя позицию царского правительства.

Что же касается царского правительства, то оно под влиянием обстановки на фронте и желая привлечь на свою сторону поляков дало общее обещание предоставить Польше «автономию», причем это обещание было дано не в официальном государственном документе, а в обращении главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Соответствующий раздел этого обращения от 14 августа 1914 года гласил: «...Да исчезнут границы, разделяющие на части польский народ. Да соединится польский народ воедино под скипетром царя российского. Под этим скипетром возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

Итак — лишь туманное обещание предоставить самоуправление «под скипетром царя российского». Высокопарные же фразы о «соединении воедино» просто-напросто означали, что по тайному русско-франко-английскому соглашению царская Россия должна была в случае победы коалиции получить польские земли, находившиеся под прусской и австрийской оккупацией.

И тем не менее для польской реакции обращение Николая Николаевича оказалось достаточным поводом к

тому, чтобы излить целое море верноподданнических чувств благодарности в специальной телеграмме на имя «его императорского величества, всемилостивейшего государя». Под благодарственной телеграммой подписался весь «цвет» буржуазии и помещиков Царства Польского во главе с Романом Дмовским, Владиславом Грабским, епископом варшавским Рушкевичем, Радзивиллами, Потоцкими, ЗамоЙскими, Любомирскими. (Спустя примерно два года значительное большинство подписавшихся под указанной телеграммой подобные же «чувства» выразило по адресу... Вильгельма II, торжественно заявив при этом об отказе от Силезии, Великопольши, Галиции и т. п.)

Какова же была позиция правительств Франции, Англии и Соединенных Штатов? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем слова горячего поборника Антанты, и прежде всего Франции и США, профессора Станислава Кутшебы из его работы «Возрожденная Польша 1914—1918 годов».

«14 августа 1914 года,— пишет Станислав Кутшеба,— главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич издал обращение к полякам, в котором возвещалось об объединении расчлененной в результате разделов Польши, «свободной в деле веры, языка и самоуправления», под скипетром царя. Было не совсем ясным, какова будет юридическо-государственная форма объединения с Россией, что означает самоуправление. Однако программа объединения польских земель была совершенно ясной: она полностью соответствовала интересам России, границы которой при этом продвинулись бы далеко на запад. Характерно, что Россия ставила этот вопрос как свой внутренний, русский вопрос. В силу соглашения с западными государствами эти последние не должны были вмешиваться в возникшие в результате войны проблемы на восточных границах центральных держав. Россия как победительница в войне могла бы после нее определить свое отношение к польским землям согласно своей воле. Входящие в состав коалиции западные державы — Франция и Англия,— не говоря уже о слабенькой Бельгии, не могли в то время, хотя бы даже и хотели, вмешиваться в вопрос о позиции России. Россия была слишком сильна, слишком

нужна им, чтобы можно было ей противиться. К тому же они недооценивали значения польского вопроса. Обращение великого князя, исполненное благородных, умело подобранных выражений, было принято на Западе весьма благосклонно; оно успокаивало и без того не слишком большие сомнения в вопросе о позиции России по отношению к ее соплеменникам-полякам. Впрочем, это обращение не связывало Россию, так как оно было издано всего лишь главнокомандующим; оглашение его от имени царя предотвратили враждебно настроенные по отношению к Польше русские министры.

Молчали, конечно, и государства, не втянутые в войну, поскольку, будучи нейтральными, они не имели возможности заявлять о своей позиции в подобных вопросах. К числу этих нейтральных государств принадлежали и Соединенные Штаты Северной Америки».

Не входя в мотивы, по которым автор пытался оправдать позицию западных «друзей» Польши, мы можем констатировать как установленный факт, что ни одно из правительств Антанты (в том числе и правительство Вильсона) даже не заикнулось о независимости Польши, рассматривая «польский вопрос» как «внутреннее дело» царизма¹.

Вопрос о независимости Польши впервые встал перед политиками Антанты лишь в 1917 году, накануне февральской революции в России. Речь идет о нескольких общих словах, высказанных президентом Вильсоном в его декларации от 22 января 1917 года. Слова Вильсона о независимости Польши были очевидным ответом на действия Германии и Австрии, которые, желая заполучить польских рекрутов для службы в германской армии, заявили 5 ноября 1916 года о желании создать «независимую» Польшу в границах бывшего Царства Польского (да и то урезанных) и под опекой Германии. Чтобы выбить

¹ Следует также напомнить о позиции Ватикана в тот период. Президент Болеслав Берут в своем докладе на 6-м пленуме ЦК ПОРП (17 февраля 1951 года) привел отрывок из воспоминаний Романа Дмовского, который в январе 1916 года услышал следующее от высокопоставленного деятеля Ватикана: «Независимая Польша? Но ведь это всего лишь мечта, это недостижимая цель!» Представитель Ватикана советовал Дмовскому ориентироваться на Австрию. — *Прим. автора.*

из рук Вильгельма II «польский козырь», нужно было как-то реагировать на германское заявление от 5 ноября 1916 года. Особенно неудобно было Вильсону молчать ввиду наличия нескольких миллионов поляков в Америке. Но весьма характерно, что в то же время американский посол в Берлине по поручению своего правительства успокоил германского канцлера, заявив, что позиция Вильсона касается лишь «такой Польши, которая была создана центральными державами». Следовательно, «независимость Польши» по Вильсону означала то же, что и «независимость Польши» по Вильгельму...

Вторично Вильсон вспомнил о независимости Польши лишь спустя год, в пункте 13-м своих «14 пунктов», обнародованных 8 января 1918 года.

К этому времени положение уже изменилось коренным образом. За два месяца до этого в России победила первая в мире социалистическая революция, провозгласившая и осуществившая принципы действительной свободы и равноправия народов, безоговорочно признававшая право польского народа на независимость. Капиталистические государства Запада, таким образом, вынуждены были также и в этом вопросе выступить под фальшивой личиной «борцов за свободу». Кроме того, интересы борьбы против Октябрьской революции и ее влияния в Европе требовали создания на границах Советской России зависимых от империалистов буферных государств, которые можно было бы использовать в целях интервенции. Об этом цинично заявил не кто иной, как премьер Франции Жорж Клемансо, который в пылу споров на Парижской мирной конференции бросил Вильсону:

«Когда был поставлен вопрос о создании польского государства, имелась в виду необходимость не только ликвидировать одно из величайших в истории преступлений, но и создать барьер между Германией и Россией».

Этим прежде всего и следует объяснить содержание указанного выше пункта 13-го, трактовавшего о возникновении независимой Польши, включающей «все территории, бесспорно населенные поляками, со свободным доступом к морю». Как следовало понимать «террито-

рии, бесспорно населенные поляками» и «свободный доступ к морю»,— этого ни Вильсон, ни другие представители коалиции не считали уместным объяснить вплоть до... мирной конференции, когда стало совершенно очевидным, что польский вопрос Вильсон и его партнеры рассматривают как проблему, целиком и полностью подчиненную антисоветским замыслам западных государств и прежде всего стремлению возродить германский империализм и направить его экспансию на Восток.

О том, как Вильсон понимал доступ Польши к морю, рассказывает Роман Дмовский — вождь национал-демократической партии и главный представитель ориентации на царскую Россию и коалицию. Как утверждает Дмовский, Вильсон отнюдь не считал, что доступ к морю означает признание за Польшей права на часть Балтийского побережья. По Вильсону, доступ к морю означал... интернационализацию Вислы и предоставление Польше свободной зоны в гданьском порту. Приморская территория должна была остаться в руках Германии. Вот что пишет Дмовский:

«Только люди, не понимающие политического языка, могли вычитать в словах Вильсона «свободный доступ к морю» признание за Польшей территории, расположенной у Балтики. Выражение «свободный» означало доступ к морю через чужую территорию».

Так руководители англо-саксонских держав Ллойд-Джордж и Вильсон решили вопрос о «территориях, бесспорно населенных поляками», и, в частности, о Верхней Силезии.

По мере того как при активной помощи Антанты в Германии укреплялась контрреволюция, руководители Парижской конференции все меньше и меньше вспоминали о торжественных декларациях по вопросу о Польше. В соответствии с первым вариантом договора (о так называемых условиях мира), переданным Германии 7 мая 1919 года, Польша должна была получить почти всю Верхнюю Силезию. Из окончательного же текста договора, в соответствии с требованиями германской делегации, это положение было изъято и указывалось, что вопрос о судьбе Силезии будет решен путем плебисцита. Результаты этого плебисцита (20 марта 1921 года) Антанта «истолковала» таким образом, что к Польше

должны отойти всего два уезда (Рыбницкий и Пщинский), вся же остальная территория (то есть основная часть промышленной Силезии) должна была отойти к Германии. Сделано это было с явной целью укрепления военно-промышленного потенциала Германии. Это решение впоследствии было изменено в значительной степени под влиянием третьего силезского восстания, которое вспыхнуло вопреки воле тогдашнего польского правительства и без какой-либо помощи с его стороны. В конечном итоге промышленные районы Верхней Силезии были разделены пополам.

В окончательном тексте договора была также изменена не в пользу Польши граница с Германией на побережье и в районе города Пил. Район Мазура был отдан Германии в результате плебисцита, проведением которого польское правительство, поглощенное в то время авантюрой «киевского похода», не занималось. Не был также возвращен Польше Гданьск, объявленный «вольным городом».

Вопрос о западных границах отнюдь не единственный пример того, как относились к Польше на Парижской конференции ее западные друзья. Весьма характерными являются в этом отношении экономические постановления Версальского договора.

Несмотря на то, что Польша относилась к числу стран, которым война причинила наибольший ущерб, она была лишена права на получение репараций. Больше того, на Польшу были возложены обязательства в связи с передачей ей территорий, входивших до 1914 года в состав Германии и Австрии. Так, статья 254 Версальского договора предусматривала, что государства, которым были переданы территории, принадлежавшие до войны Германской империи, должны принять на себя соответствующую часть долгов империи по состоянию на 1 августа 1914 года. От этих обязательств была освобождена Франция, получившая Эльзас и Лотарингию. Что же касается Польши, то она была отнесена к числу государств, которые должны были покрыть часть огромного долга Германии.

На Польшу было также возложено обязательство уплаты 12% всех довоенных государственных долгов Австрии, а также обязательство уплаты в фонд возме-

щения ущерба 180 миллионов франков золотом, поскольку «Польша не несла военного бремени».

В статье 256 Версальского договора предусматривалось, что Польша обязана оплатить стоимость всякого рода государственного имущества или же имущества императорской фамилии на территориях, которые до войны принадлежали Германии. Это постановление, которое к тому же не распространялось на Францию и Бельгию, явилось неслыханной дискриминацией, не имеющей прецедента в международных отношениях. Вот, что писал по этому поводу профессор Кутшеба:

«Желая облегчить Германии выплату репараций, союзники ввели обязательство оплаты стоимости государственного имущества на передаваемых территориях вопреки существующим нормам международного права, согласно которым такое имущество передается вместе с территорией безо всякого возмещения».

Но и это еще не все. Статья 93 Версальского договора содержит постановления, нарушающие суверенные права Польши. В этой статье сказано: «Польша соглашается на включение в договор, подлежащий заключению с главными союзными и объединившимися державами, постановлений, которые эти державы признают необходимыми для обеспечения свободы транзита и необходимых льгот в области торговли с другими нациями». В соответствии с этой нагло навязанной Польше статьей Польша вынуждена была заключить 28 июня 1919 года особый договор с «главными державами», то есть с Соединенными Штатами, Англией, Францией, Италией и Японией. Этот договор гарантировал союзным державам ряд особых экономических привилегий в Польше, предусматривал интернационализацию Вислы, грубо нарушая права Польши (в области организации судоходства, тарифной политики и т. д.), наконец, предоставлял «главным державам» (через посредство Лиги наций) право прямого вмешательства во внутренние дела Польши под предлогом защиты национальных меньшинств.

Так выглядела «поддержка», которую получила Польша от западных держав на мирной конференции. Следует при этом отметить, что значительная часть постановлений Версальского договора, касающихся Польши, нередко исключительно важных, принималась вообще без

участия делегации польского правительства, роль которой сводилась главным образом к покорному выслушиванию приговоров «большой тройки». Впрочем, тогдашнее польское правительство мало интересовалось вопросом о западных границах, экономическим положением страны и подобными делами. Главное, что интересовало тогда Пилсудского, был вопрос о поддержке со стороны коалиции «похода на Восток». Получение же такого рода «поддержки» не представляло особых трудностей...

Особую страницу в истории отношений западных государств, в частности Соединенных Штатов, к Польше представляет вопрос о так называемой американской помощи. Это — один из тех вопросов, в освещении которых буржуазная литература, как польская, так и зарубежная, побилла все рекорды лжи. Так называемая «американская помощь» изображалась как благородное проявление гуманности и бескорыстия Соединенных Штатов. На самом же деле эта помощь (кстати сказать, весьма мизерная по своим размерам и организованная за счет пожертвований рядовых американцев, в частности американцев польского происхождения, которые делали это с благими намерениями) явилась в руках правительства Соединенных Штатов одним из средств отвратительного шантажа и самых грубых форм империалистической экспансии.

После окончания первой мировой войны правительство Соединенных Штатов создало специальную «организацию помощи» Европе (сокращенное английское название — АРА). Во главе АРА был поставлен доверенный человек монополистического капитала, ставший позднее президентом США, — Герберт Гувер, ныне один из вдохновителей новой мировой войны. Гувер выступил перед общественностью с множеством слащавых деклараций о целях своей миссии. Несколько иначе звучали его высказывания, не предназначенные для оглашения. «Вся эта кампания, — писал Гувер в одном из писем, — ведется с той целью, чтобы избавить объединение по торговле хлебом от громадных запасов, которые оно накопило... и поэтому мы должны сбыть эти запасы любым способом».

Таким образом, первой целью упомянутой кампании была помощь... американским монополистам, которые

после окончания войны очутились перед лицом серьезного кризиса сбыта. Для того чтобы обеспечить им рынки, американское правительство предоставляло нуждающимся в помощи государствам кредиты. Эти кредиты должны были быть использованы целиком на покупку американских товаров (эти кредиты, между прочим, предоставлялись не в валюте, а лишь переводились на счет АРА); американские товары продавались по чрезмерно высоким ценам, установленным американскими поставщиками, сбывавшими, таким образом, свои залежалые товары.

АРА превратилась в средство контроля над экономикой стран, получавших американскую «помощь». Помимо контроля над использованием займов, АРА прибрала к своим рукам ведение финансовых операций данной страны с другими государствами и, в первую очередь, с США. Если, например, американское предприятие должно было определенную сумму долларов польскому предприятию, то оно не вносило ему этой суммы, а переводило ее на счет АРА. На эту сумму АРА продавала в Польше продовольствие, а деньги, вырученные от такой продажи (в польской валюте), пересылала польскому предприятию в счет погашения долга. Нет нужды доказывать, что это сильно ограничивало свободу экономических сношений Польши с внешним миром.

Но экспансия американского империализма этим не ограничивалась. Американский монополистический капитал использовал «помощь» как средство прямого шантажа по отношению к европейским государствам; он открыто требовал передать в его распоряжение ряд важных отраслей экономики, в первую очередь источники сырья.

В мае 1919 года была создана межсоюзническая комиссия по углю. Эта комиссия была тесно связана с АРА. В ее состав входили исключительно американцы, подчиненные непосредственно Гуверу. Один из членов комиссии писал в связи с этим Гуверу:

«Считаю весьма важным потребовать от Польши ее согласия на официальный контроль, предпочтительно американский, над добычей угля в Катовицком бассейне еще до того, как этот бассейн будет передан Польше».

Гувер ответил незамедлительно:

«Польское правительство делает все, что мы пожелаем. С целью укрепления вашей позиции я дал указа-

ния договориться с польским правительством по вопросу о передаче под ваш контроль не только распределения, но и добычи угля в Домбровском и Катовицком бассейнах после того, как они окончательно перейдут к Польше.

Деятельность АРА была использована американским капиталом в целях значительного расширения своего влияния на польскую экономику, прежде всего в Силезии. Ленин в 1919 году указывал:

«Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев»¹.

Одновременно АРА явилась орудием прямого политического нажима. При помощи этой организации американские империалисты пытались подавить борьбу народных масс. При ее помощи они оказывали давление в целях усиления антисоветской интервенции. Под видом «помощи» АРА поставляла оружие государствам, участвовавшим в войне против Советской России. Так, например, представитель АРА в Польше Келлог обратился 9 января 1919 года к Гуверу с требованием присылки в Польшу не только продовольствия, но и оружия. Того же требовал один из руководителей американской разведки пресловутый Аллен Даллес, который также занимался в то время оказанием «помощи» в Европе (заметим в скобках, что АРА в значительной степени способствовала созданию шпионской сети американской разведки в Европе).

Таким образом, американская кампания «помощи» тесно переплеталась с другими политическими мероприятиями империализма, целью которых была прежде всего организация антисоветской интервенции.

Буржуазно-помещичье правительство Польши в этом отношении полностью поддерживало западных империалистов. Несмотря на многократные мирные предложения советского правительства, несмотря на далеко идущие уступки, на которые советское правительство готово было пойти, тогдашнее правительство Польши, представлявшее интересы буржуазии и помещиков и покорно выполнявшее директивы западных империалистов, совершило в 1919 и 1920 годах позорное нападение на окруженную

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 135.

со всех сторон, душимую экономической блокадой Советскую Россию. В третьем походе Антанты против Советской России Польша Пилсудского предназначалась роль главной ударной силы.

Осуществляя поход на Киев, Пилсудский без малейшего колебания вступил в союз со смертельными врагами польского народа. Не говоря уже о прусском юнкерстве, которое, как известно, принимало активное участие в антисоветской интервенции (пресловутый генерал Гофман вел даже непосредственные переговоры с представителями польской реакции), Пилсудский вступил в союз с вожакom украинских националистов атаманом Петлюрой и контрреволюционными царскими генералами, в частности с Деникиным и Врангелем. А ведь эти «союзники» Пилсудского даже тогда, три года спустя после социалистической революции, ни словом не обмолвились о независимости Польши.

Нападение Пилсудского на Советскую Россию вызвало огромное возмущение широких народных масс и миролюбивой общественности всего мира. Рабочие Англии, Франции, Германии, Чехословакии и других стран отказывались грузить транспорты, направляемые в Польшу, и прежде всего транспорты с оружием, которым Антанта снабжала Пилсудского. Таким образом реакционное правительство довело дело до того, что Польша, бывшая на протяжении десятков лет в глазах мира символом благородных, свободолюбивых стремлений, вписала в свою историю черную страницу борьбы против страны победоносной революции, снискавшей горячую любовь всего прогрессивного человечества.

Поддержку же Пилсудскому оказали все те, кто в период разделов Польши одобрял и поддерживал политику оккупантов, те, кто сразу же после окончания войны делал все для того, чтобы возродить агрессивную реакционную Германию, — прежде всего французские, английские и американские империалисты. Весьма характерно, что в составе специальной миссии, посланной в 1920 году правительствами Антанты в Польшу для оказания помощи в ведении войны и организации поставок оружия, находились, в частности, такие люди, как небыизвестный английский посол в Берлине лорд д'Абернон и начальник штаба Фоша генерал Вейган, покрыв-

ший себя впоследствии, в 1940 году, печальной славой капитулянта перед Гитлером. Штаб международной контрреволюции находился в то время в Варшаве. Он рассматривал Польшу как поставщика пушечного мяса, необходимого для борьбы против первой в мире социалистической революции.

«Киевский поход» 1920 года закончился поражением. Рабочие и крестьяне советских республик сумели отбить и это нападение интервентов. А польский народ вынужден был расплачиваться за агрессивную авантюру Пилсудского и его западных хозяев новыми десятками тысяч жертв и новыми руинами, а также приносить в жертву кровные политические и экономические интересы страны. При поддержке англо-франко-американских империалистов польской реакции удалось воспользоваться тяжелым положением советской страны, которая всячески стремилась к миру, и захватить земли Западной Украины и Западной Белоруссии, ставшие объектом исключительно безжалостной, алчной эксплуатации со стороны польской буржуазии и помещиков. Империалистические политики Запада хотели, таким образом, одним выстрелом убить двух зайцев: направить Польшу на восток и создать напряженное положение на польско-советской границе, а также использовать «восточные» аппетиты Пилсудского с целью отрыва от Польши важных западных территорий и укрепления тем самым германского империализма. Политика пилсудчины в значительной степени облегчила им эту игру, игру, приведшую польский народ к ужасающей катастрофе.

«Киевский поход» способствовал серьезному укреплению позиций внутренней реакции, способствовал фашизации страны. Он имел своим следствием опрломное усиление политической и экономической зависимости Польши от капиталистического внешнего мира. Следствием войны 1920 года был, в частности, значительный рост долгов Польши. Западные государства не забыли предъявить Польше скрупулезно составленные счета за «помощь», оказанную ей в период войны, ведшейся в их собственных интересах...

Еще в 1933 году долги периода 1917—1920 годов (а следовательно, в основном долги по займам, полученным на ведение войны 1920 года) достигали опрломной суммы

в 3 289,6 миллиона злотых и составляли 72,8 процента всей задолженности Польши иностранным государствам.

Отношение западных государств к Польше не имело, таким образом, ничего общего с тем, что пытались внушить польскому народу буржуазные политики, историки и публицисты. Западные государства с самого начала рассматривали Польшу не как действительно независимое и суверенное государство, а как инструмент в своей империалистической игре, инструмент, который, кстати сказать, они всегда отбрасывали, как только им представлялась возможность найти лучшие средства. Таким лучшим средством была призвана стать, как известно, реакционная Германия. Это особенно ярко обнаружилось в период Локарнских соглашений, о которых речь шла в первой части книги.

Следует отметить, что, заключая Локарнские соглашения, гарантирующие германо-французскую и германо-бельгийскую границы, англо-франко-американские империалисты вполне отдавали себе отчет в том, что этим они толкают Германию на ревизию границ на Востоке. Об этом свидетельствует ряд официальных высказываний и документов периода Локарно.

Непосредственно перед тем как приступить к последней фазе переговоров по вопросу о Локарно, Остин Чемберлен подготовил для членов британского кабинета пространный меморандум, в котором изложил основные принципы внешней политики Великобритании. В этом меморандуме, текст которого вскоре был опубликован в американской и западноевропейской печати, Чемберлен, в частности, утверждал, что рано или поздно Германия восстановит свою экономическую и военную мощь. Английский министр иностранных дел не считал, однако, что это будет угрозой для Великобритании, так как германская экспансия будет устремлена на Восток. Вот что писал Чемберлен:

«Совершенно очевидна опасность того, что народ, насчитывающий свыше 60 миллионов, не согласится быть отделенным на длительный период от провинции, являющейся колыбелью прусского государства [то есть от Восточной Пруссии.— М. С.], и лишенным богатств, на которые в значительной степени опиралось его

национальное благосостояние» [то есть Верхней Силезии.— М. С.].

На вопрос о том, как Великобритания должна отнестись к этим германским стремлениям, Чемберлен дает ясный ответ: довести дело до соглашения, на основе которого Германия снова получит Поморье и Силезию. Вот слова Чемберлена:

«Хотя при нынешнем состоянии умов в Европе было бы тщетным даже говорить о пересмотре мирного договора, тем не менее в случае восстановления согласия европейских государств могли бы взять верх более здравые взгляды. Особенно в том случае, если после благосклонного одобрения Франции Германия будет принята в члены Лиги наций и получит постоянное место в Совете Лиги, можно считать, что окажется возможным путем европейского соглашения пересмотреть вопрос о Силезии и «Польском коридоре»...»

В соответствии с этой точкой зрения Чемберлен 24 марта 1925 года сообщил в палате общин о категорическом отказе Англии гарантировать нерушимость польско-германской границы.

Если учесть, что на основе Локарнских соглашений Германия действительно вступила в Лигу наций и получила место в Совете Лиги «после благосклонного одобрения Франции» (беседа Бриана и Штреземана в Туари), то зловещий для Польши смысл локарнской политики, направленной на создание антисоветского «западного блока», станет совершенно очевидным. Добавим к этому, что, стремясь рассеять всякие сомнения насчет того, что Чемберлен выражает не только точку зрения своей партии (консерваторов), по указанному вопросу высказались также лидер либералов Ллойд Джордж, а также лидер лейбористов Макдональд. Ллойд Джордж 24 марта 1925 года прямо заявил, что «необходимо произвести пересмотр границ Польши, являющихся угрозой европейскому миру». Макдональд же, как и следовало ожидать от правого социалиста, высказался 18 ноября 1925 года в более завуалированной форме, хотя смысл его высказывания не оставлял никаких сомнений. Он заявил, что «методы и дипломатия Локарно не могли быть применены за чертой границы на Рейне и в государствах Центральной и Восточной Европы».

Для Польши Локарно было предвестником Мюнхена. Западная дипломатия считала лишь, что нужно иметь немного терпения, так как преждевременное осуществление этих планов может вызвать в мире слишком большой протест. Мы уже указывали на высказывания Бриана, который просил лишь об одном: чтобы германские стремления не осуществлялись «слишком быстро». Штреземан также понимал необходимость «терпения по тактическим соображениям». Когда после Локарно некоторые наиболее нетерпеливые шовинисты бросили ему упрек, что он не включил в повестку дня вопрос о польско-германской границе, Штреземан ответил: «Я отказался от постановки в Туари вопроса о Востоке и колониях, ибо события должны развертываться планомерно, шаг за шагом».

Как же реагировали тогдашние польские правящие круги на эти наглые заявления и реальные факты, находящиеся в явном противоречии с буквой Версальского договора, а также с буквой польско-французского договора о дружбе и взаимопомощи? В официальных высказываниях они пытались прежде всего затушевать истинный смысл Локарно и рассеять тяжелое впечатление, которое Локарнские соглашения произвели на общественное мнение Польши; они вытаскивали на свет божий и ставили на первый план второстепенные вопросы (например, польско-германское соглашение об арбитраже, франко-польский договор), но зато старались отодвинуть в сторону то, что имело наибольшее значение и содержало в себе явную угрозу целостности и независимости государства.

И тем не менее можно найти высказывания, показывающие, что в правительственных кругах отдавали себе отчет в том, что несет Польше Локарно. Так, например, генерал Сикорский (военный министр в период 1924—1925 годов) писал несколько лет спустя:

«...Локарнские соглашения были тяжелым ударом по нашему престижу на международной арене. Они создали новую базу для коварных действий против Польши... И это не только потому, что Локарно сняло установленные в Версале гарантии, заменив их новыми, более выгодными для Германии, не только потому, что оно покончило с изоляцией Германии, но и прежде всего потому,

что создало предлог для нарушения порядка, установленного Версальским договором на Востоке».

Сикорский признавал, что Локарно пошатнуло «...основы безопасности на Востоке и создало благоприятные для реванша условия, которые могли бы обеспечить Германии свободу рук в борьбе против Польши». «Не следует забывать также о том, — писал Сикорский, — что Устав Лиги содержит известные недомолвки, могущие временно придать нарушению границы и нападению на польское Поморье видимость законной войны...»

Тогдашний министр иностранных дел Скшинский также утверждал, что Локарно означает поражение Польши. Отдавая себе отчет в том, что главной основой и источником Локарно является стремление организовать антисоветский блок, Скшинский хотел «разжалобить» западных дипломатов, напоминая им о заслугах Польши в 1920 году. Еще в ходе переговоров по вопросу о Локарнских соглашениях Скшинский заявил представителю французского агентства Гавас в Женеве:

«Польша сожалеет, что она получает такую награду за услуги, которые она со времени войны оказала Европе в целом как в политической области, так и в области торговли. В самом деле, что было бы с Европой, если бы мы в 1920 году собственной грудью не поставили барьера против большевизма?»

Быть может, все эти сожаления означали, что польская дипломатия выступила против Локарнских соглашений, что она искала выхода, пыталась стать независимой от своих англо-франко-американских хозяев? Ничего подобного не произошло. Слабенькие протесты скоро совсем прекратились. Граф Скшинский без сопротивления скрепил Локарнские соглашения своей подписью. Почему?

Здесь, конечно, следует принять во внимание нажим со стороны Соединенных Штатов, которые совершенно справедливо считались «духовным отцом» Локарно, поскольку Локарнские соглашения, несомненно, соответствовали их политическим установкам и являлись продолжением плана Дауэса. И именно в этот период польское правительство старалось получить американский заем. В июле 1925 года Скшинский в связи с этим ездил в Нью-Йорк, где ему ясно дали понять, что условием

предоставления займа будет согласие на локарнские планы создания антисоветского блока, в котором реакционная Германия должна была играть активную роль. Такого рода политический шантаж, предпринятый по методам «долларовой дипломатии», не помешал, конечно, американцам продиктовать впоследствии исключительно тяжелые финансовые условия займа, который Польша, наконец, получила в 1927 году. «Заем стабилизации» в сумме около 72 миллионов долларов (62 миллиона долларов и 2 миллиона фунтов стерлингов) официально был семипроцентным, фактически же польское правительство должно было вместе с комиссионными уплачивать значительно больше 10 процентов. Кроме того, в качестве гарантии польское правительство согласилось заложить пошлинные сборы. Наконец, на основе соглашения о займе польское правительство вынуждено было согласиться принять американского финансового «советника» Дьюи, который фактически стал экономическим диктатором в стране. Профессор Станислав Грабский следующим образом оценил результаты этого американского займа:

«Опека международного финансового капитала над нашей экономической политикой лишила правительство возможности бороться с дефицитом торгового баланса. Это объясняется тем, что иностранный капитал заинтересован в том, чтобы Польша была потребителем американских, английских и немецких товаров, а не конкурентом американских, английских и немецких предприятий на мировых рынках. «Ключевой» заем (заем стабилизации) открыл ворота для утечки денег из Польши, а не для притока иностранных капиталов. С каждым месяцем в стране все меньше денег, все труднее получить кредит, растет количество опротестованных векселей, а торговые обороты все более сокращаются. Вред займа стабилизации уже очевиден. Мы уже утратили независимость своей кредитной политики».

Американский нажим в связи с займом наглядно показывает, как выглядела в действительности независимость досентябрьской Польши. Этот нажим, несомненно, значительно повлиял на позицию польского правительства по отношению к Локарно. Однако мы допустили бы ошибку, если бы сочли, что это был единственный фактор

или что это был фактор решающий. Тогдашние правящие круги Польши не только быстро примирились с Локарнскими соглашениями, но и быстро восприняли «дух Локарно», то есть приняли участие в организации антисоветского блока.

Еще в 1922 году на так называемой Варшавской конференции Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии польские дипломаты пытались сколотить антисоветский «балтийский блок». Эта «идея» не была забыта министерством иностранных дел Польши и в последующие годы, несмотря на то, что советское правительство неоднократно предлагало Польше установление нормальных отношений, что в значительной мере укрепило бы самостоятельность польской внешней политики. 12 июня 1922 года советское правительство обратилось к Польше (а также к Латвии, Эстонии и Финляндии) с предложением обсудить вопрос о взаимном разоружении. Однако это предложение польское правительство оставило без ответа.

В сентябре 1925 года в Варшаву прибыл народный комиссар иностранных дел СССР Чичерин, предложивший укрепление мирных отношений между Польшей и СССР. Однако вместо того, чтобы использовать эти ясные, прямые предложения с целью укрепления позиции Польши в вопросе о западных границах, которые уже тогда в связи с подготовкой к Локарно находились под угрозой, польское правительство развило активную деятельность по созданию антисоветского «Балтийского Локарно». 16—17 января 1925 года в Хельсинки и 2 марта 1925 года в Риге представители Польши пытались довести дело до формального заключения военного союза между Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией, союза, направленного против СССР. В августе 1925 года польское правительство намеревалось созвать новую конференцию по тому же вопросу, а когда это не удалось, конференция была заменена совещанием министров иностранных дел, состоявшимся в сентябре 1925 года в Женеве, в период сессии Лиги наций. Благодаря активности советской дипломатии, сумевшей в течение последующих месяцев заключить ряд соглашений с прибалтийскими республиками, планы создания «Балтийского Локарно» потерпели крах.

Весьма характерно, что как раз тогда, когда Англия встала во главе антисоветского блока, английская дипломатия (за спиной которой стояло американское правительство) стремилась к тому, чтобы предоставить максимальные уступки Германии за счет Польши, польская внешняя политика начала свою «переориентировку» на Англию, и этого курса придерживался затем Пилсудский. В ноябре 1925 года, уже после опубликования приведенных выше антипольских заявлений Чемберлена, Скшинский (который стал к тому времени премьер-министром Польши) поместил в своей программной декларации следующие слова о Чемберлене: «Его [Чемберлена.— М. С.] ясная и твердая позиция по отношению к нам укрепляет в нас веру, что мирные стремления будут и впредь осуществляться в том же направлении и в атмосфере взаимного доверия».

Буржуазно-помещичьи правительства Польши должны были понимать, в каком направлении идут «мирные стремления» Чемберлена, Штреземана и других дипломатов империалистических стран. Не могли они также не отдавать себе отчета в том, что политика указанных стран непосредственно направлена против жизненных интересов Польши. И тем не менее они одобряли эту политику со всем цинизмом, равно как и концепцию отказа от «Польского коридора», Силезии и Гданьска при условии «компенсации на Востоке» за счет СССР. Недаром же лорд д'Абернон записал 18 марта 1925 года в своем дневнике: «Германия сможет сделать Польше достаточно соблазнительное предложение, чтобы побудить ее дать согласие на известные исправления границы» [западной границы Польши.— М. С.]

Локарно было лишь одним из звеньев политической линии, проводимой империалистами Запада при активном участии буржуазно-помещичьих правительств Польши. Но это было звено, ярко характеризующее как отношение западных государств к Польше, так и антинародный характер внешней политики реакционных польских правительств в первый период межвоенного двадцатилетия.

Итак, внешняя политика санации, пришедшей к власти в результате фашистского переворота, произведенного в мае 1926 года, не была, следовательно, чем-то

новым по сравнению с политикой, проводившейся в предыдущий период другими группами польской реакции. Ориентация санации на гитлеровскую Германию отнюдь не противоречила ориентации эндеков на Антанту. Это было логическое продолжение той же политической линии в условиях, когда гитлеровская Германия при активной помощи Англии, США и Франции выступила в качестве форпоста новой агрессии, направленной против Советского Союза, против Польши, против народов всего мира.

Глава 8

Коммивояжеры Гитлера

Фашистский переворот, совершенный Пилсудским в Польше в мае 1926 года, отнюдь не был изолированным явлением на политической арене Европы. Это было еще одним звеном цепи, в которую монополистический капитал стремился после спада революционной волны 1918 — 1923 годов заковать народы Европы, вдохновленные победой Октябрьской революции. В условиях общего кризиса капитализма, перед лицом успешного развития первого в мире социалистического государства капиталистический мир все явственнее переходит от «либерально-парламентских» форм диктатуры буржуазии к явной, самой грубой, террористической форме этой диктатуры — фашистской.

Фашизация внутренней жизни Польши после майского переворота происходила одновременно с развитием фашистских методов ее внешней политики. Несмотря на те или иные маневры (как, например, заключение в 1932 году договора о ненападении с СССР), санация с каждым годом все более явно и открыто брала курс на сотрудничество с самыми реакционными элементами в Европе. Приход к власти Гитлера облегчил Пилсудскому осуществление его старой концепции сотрудничества с реакционной Германией или, точнее выражаясь, присоединения к «восточным» планам германского империализма.

Не подлежит сомнению, что непосредственная агентурная связь лагеря пилсудчины с германской разведкой, начало которой было положено еще в период первой мировой войны, оказывала влияние на установление курса внешней политики Пилсудского и его лагеря. Еще в

1919 году Пилсудский готов был пойти на соглашение с Германией и взять, как он сам об этом писал, «...Либаву и Ригу в качестве верной компенсации за сомнительный Гданьск». Эта концепция была воскрешена в период Локарно.

Когда в скором времени после этого был совершен майский переворот, Пилсудский, естественно, не упустил случая, чтобы сделать попытку договориться с Германией по указанному вопросу.

В мемуарах и записках министра иностранных дел Германии Штреземана, которые мы уже неоднократно цитировали, есть заметка, представляющая исключительный интерес. Это — запись беседы между Штреземаном и одним из тогдашних лидеров ППС, Германом Диамандом, выступавшим в качестве неофициального эмиссара Пилсудского. Вот отрывок из записки Штреземана о ходе беседы, состоявшейся в Берлине 28 июля 1926 года, всего два месяца спустя после майского переворота:

«Он [Диаманд. — М. С.] заметил, что господин Пилсудский весьма заинтересован в установлении дружественных отношений с Германией, ибо вся его ориентация является антирусской, и он был бы очень рад, если бы ему удалось установить лучшие отношения с Германией.

Пилсудский сам, заметил д-р Диаманд, как-то сказал, что чем больше государство, тем оно сильнее, но в Польше, в частности, слишком много населения иностранного происхождения, и в определенных условиях было бы лучше отказаться от части территории, чтобы таким путем создать более прочное однородное государство».

Трудно было, особенно в условиях того времени, яснее выразить предложение о передаче Германии части западных территорий Польши! Чтобы, однако, не возникло каких-либо сомнений, польская сторона постаралась сделать еще одно, более ясное, хотя и менее официальное, заявление.

15 декабря 1927 года Штреземан заносит в свой дневник полученную от польской стороны информацию, что «господин Пилсудский значительно более заинтересован в Клайпеде, чем в Гданьске».

В свете планов агрессии на Востоке, с которыми упорно носился Пилсудский, все эти предложения не вызывают никакого удивления. Но политику сотрудничества с Германией можно было осуществить лишь несколько позже: для этого нужно было, во-первых, чтобы немецкий империализм укрепился настолько, что мог взять в свои руки инициативу борьбы с «большевистской опасностью», а во-вторых, чтобы в Германии наступила внутренняя «стабилизация», сопровождающаяся приходом к власти крайне реакционных политических группировок.

В 1927 году Пилсудский заявил о польско-германских отношениях следующее:

«Эти отношения в настоящее время весьма прохладны. Я, однако, не сомневаюсь, что через несколько лет к власти в Германии придет какой-либо великий государственный деятель, который поймет, что Германия и Польша, имея в виду свои общие и европейские интересы, должны стремиться к добрососедским отношениям, основанным на взаимном доверии и уважении».

«Великий государственный деятель» явился в 1933 году. Приход Гитлера к власти в 1933 году соответствовал двум приведенным выше условиям, и не удивительно, что с этого момента начинается период тесного сотрудничества санации с Германией.

Инициативу в вопросе о польско-германском соглашении проявила польская сторона. «Канцлер благодарит маршала [Пилсудского. — М. С.] за инициативу, направленную на укрепление безопасности в польско-германских отношениях», — так было заявлено польскому посланнику в Берлине Высоцкому в мае 1933 года. Уже 15 февраля 1933 года (30 января Гитлер стал канцлером Германии!) Бек сделал в сейме заявление, которое открыло путь к соглашению с Германией. 2—4 мая 1933 года посланник Высоцкий имел беседу с Гитлером в Берлине, а одновременно посланник фон Мольтке вел в Варшаве переговоры с Бекком. Полуофициальный комментарий по поводу этих бесед, опубликованный 5 мая 1933 года в «Газете польской», содержал, между прочим, следующее важное место:

«Знаменательные изменения, происшедшие в последние месяцы во внутренней жизни Германии, склонили

польское правительство к тому, чтобы... принять меры, направленные на выяснение точки зрения компетентных инстанций Германии».

«Знаменательные изменения во внутренней жизни Германии», то есть приход к власти Гитлера, вызвали неслыханно быстрое развитие польско-германской «дружбы». Прикрываясь наивным аргументом, будто атмосфера, способствующая достижению соглашения с Германией, наступила в результате того, что... гитлеровские вожаки в большинстве своем происходили не из Пруссии, где ненависть к Польше была традицией (Гитлер — австриец, Геринг — баварец, Гесс — сын немца из Египта, Геббельс — рейнский немец), санация шла на сотрудничество с гитлеровской Германией, видя в гитлеризме классового союзника и силу, способную осуществить ее мечты об экспансии на Украине и в Белоруссии. Гитлер великолепно понимал, какое большое впечатление производят на Пилсудского и его клику антисоветские лозунги Третьего рейха. Поэтому он неустанно предлагал санационным деятелям фантастические планы завоеваний на Украине, рассматривая, кстати говоря, Польшу не как своего союзника, а лишь как орудие, нужное до поры до времени. Старые и новые связи германской разведки с санационной «двойкой» давали ему при этом возможность контролировать польскую политику и оказывать на нее влияние в соответствующем направлении.

В первый период сотрудничества с Германией санационное правительство пыталось прикрыть свою прогитлеровскую политическую линию при помощи всякого рода маневров, впрочем, весьма примитивных (например, предложение, сделанное в 1933 году Франции относительно «превентивной войны» против Германии, поездка Бека в Москву в феврале 1934 года и т. д.). Дело в том, что необходимо было ликвидировать существовавшие тогда в Польше настроения (подавляющее большинство польского народа явно враждебно относилось к идее сближения с Гитлером), а также получить некоторые козыри в дипломатической игре.

Позже, однако, в период успехов фашистской политики агрессии, на первом ее этапе, санация, а вместе с ней и другие группировки польской реакции очертя голову бросились в предательские объятия Гитлера, совершенно

забыв о необходимости соблюдения хотя бы внешнего приличия.

Французский посол в Варшаве в 1935—1939 годах Ноэль в своей книге «Германская агрессия против Польши» писал:

«Таким образом, в отношениях между польским правительством и правительствами других [реваншистских.— М. С.] государств, и в первую очередь гитлеровским государством, создалось нечто вроде того, что в свое время в рейхстаге в межпартийных соглашениях именовалось как «содружество по работе». Тот факт, что не было другого польско-германского договора, кроме соглашения 1934 года, зачастую не имел большого значения, поскольку на практике все происходило в преобладающем большинстве случаев так, будто это сотрудничество определялось тайными соглашениями».

А вот хроника этого санационно-гитлеровского «содружества по работе».

2—4 мая 1933 года — беседы Высоцкого с Гитлером и Бека с фон Мольтке;

14 октября 1933 года — подписание в Варшаве польско-германского экономического соглашения (в тот же день Германия вышла из Лиги наций);

26 января 1934 года — подписание в Берлине польско-германского соглашения;

7 марта 1934 года — польско-германский протокол, ликвидирующий так называемую «таможенную войну»;

13—15 июня 1934 года — визит Геббельса в Варшаву и прием его Пилсудским;

25 октября 1934 года — преобразование польской миссии в Берлине и германской миссии в Варшаве в посольства;

3 июля 1935 года — Бек направляется с визитом в Берлин, где его принимает Гитлер;

7 марта 1936 года — германские войска вступают в Прирейнскую область, и Гитлер одновременно делает заявление о дружественных отношениях с Польшей;

27 июня 1936 года — польское правительство отменяет санкции по отношению к Италии (санкции применялись в связи с нападением Италии на Абиссинию);

11 января 1937 года — польское правительство ставит Италию в известность о том, что компетенция гене-

рального консула в Риме распространяется также и на Абиссинию (что фактически является признанием захвата Абиссинии Италией);

16 февраля 1937 года — Геринг и президент Польши Мосцицкий охотятся в Беловежской пуще;

11 мая 1937 года — санационный министр юстиции Грабовский едет с визитом в Берлин;

13 декабря 1937 года — с визитом в Берлин едет командующий польским военно-воздушным флотом генерал Райский.

Это сопоставление фактов можно было бы продолжить. Но мы не ставим своей целью написать хронику польско-германских дипломатических отношений этого периода. Важно установить несомненный факт последовательного сближения между санацией и Гитлером, сближения, которое становилось все более тесным по мере того, как Германия нарушала международные соглашения. Следует при этом заметить, что, по общему мнению европейских дипломатов, санационный министр иностранных дел Бек просто-напросто исполнял роль коммивояжера Гитлера. Как в Лиге наций, так и во время своих поездок в различные европейские столицы Бек помогал Гитлеру в осуществлении его политических планов, подрывал основы коллективной безопасности, склонял своих партнеров к установлению дружественных отношений с Германией и т. д. Об этом недвусмысленно пишет Ноэль в цитированной выше книге:

«По существу Бек постоянно оказывал ценные политические услуги фюреру. Сотрудничество между ними все развивалось. Польская дипломатия при каждом удобном случае поддерживала маневры Германии, направленные против Лиги наций, коллективной безопасности, а также против многосторонних договоров о взаимной помощи. Польская дипломатия вместе с Германией яростно напала на Малую Антанту, и прежде всего на Чехословакию. Она подчеркивала также свое абсолютное безразличие перед лицом угрозы, нависшей над Австрией».

Одновременно Бек выступал против каждого мероприятия советской дипломатии, направленного на создание многосторонней системы безопасности, в которую вошла бы и Польша. Это касалось прежде всего заключения так называемого восточного пакта. Визит в Вар-

шаву французского министра иностранных дел Барту (1934 год) по этому вопросу закончился полным провалом. Пилсудский отказался присоединиться к восточному пакту. Дальнейшие переговоры по этому вопросу также не дали никаких результатов. 16 декабря 1934 года Бек телеграфировал посольству Польской республики в Париже:

«Французскому послу, вызванному в Париж для доклада Лавалю по вопросу о восточном пакте, я заявил следующее: польское правительство не уверено в том, что проектируемая система могла бы быть полезной, в частности для Польши».

Почему польское правительство «не было уверено» в полезности для Польши пакта, который обеспечивал ей помощь СССР в случае агрессии? Потому, что оно «было уверено» в полезности чего-то совсем иного. Вот что заявил в тот период польский посол в Берлине Липский французской журналистке Табуи:

«Отныне Польша не нуждается во Франции... О восточном Локарно сейчас не может быть и речи. Это было бы признанием слабости по отношению к Москве. Германская экспансия пойдет в другом направлении, и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши».

«Германская экспансия пойдет в другом направлении» — вот тот магнит, который притягивал санационных политиканов к гитлеровской колеснице. Чем более агрессивными по отношению к Советскому Союзу были речи Гитлера, тем большее воодушевление царило в польских правящих кругах и инспирированной ими печати.

Когда 30 января 1937 года Гитлер произнес очередную речь, содержащую злобные выпады против Советского Союза, официальный орган «Польская политическая информация» опубликовал 5 февраля 1937 года специальную статью. В этой статье подчеркивалась «...логическая и последовательная линия канцлера, который совместно с великим маршалом Польши явился творцом нового курса польско-германской политики...» Статья заканчивалась следующими словами:

«Польское общественное мнение оценило речь канцлера Гитлера как положительный факт в области между-

народной политики. Эта меткая оценка — яркое доказательство того, что и в Польше растет понимание большого значения по-новому сложившихся польско-германских отношений».

Полагая, что антисоветские выпады помогут осуществить план привлечения на свою сторону санационной Польши, Гитлер не скупился на эти выпады: он прибегал к ним почти перед каждым более или менее важным шагом в своей агрессивной политике.

Незадолго до захвата Австрии, 14 января 1938 года, Гитлер принял Бека в Берлине. За две недели до того как германские войска вступили в Вену, 22—25 февраля, Геринг был на очередной «охоте» в Беловежской пуще. Как сообщает Ноэль, Геринг долго и пространно разглагольствовал в беседе с Рыдз-Смиглы о дружественном отношении Германии к Польше, о слабости русской армии, о большевистской опасности и необходимости устранения этой опасности. Ноэль пишет:

«Итак, германские лидеры щедро давали польскому правительству гарантии и заверения в дружбе. Все это нужно было гитлеровцам для того, чтобы устранить по возможности на более длительный период всякие подозрения. Задача состояла в том, чтобы усыпить бдительность польских патриотов в тот момент, когда подготовка к аннексии Австрии вошла в решающую стадию».

Санационное правительство постаралось «усыпить бдительность польских патриотов» в момент, когда аннексия Австрии вошла в решающую стадию. 11 марта 1938 года был спровоцирован инцидент на польско-литовской границе, который санационная пропаганда раздула до неслыханных размеров, желая этим путем отвлечь внимание общественного мнения от того, что происходило в Австрии. Под аккомпанемент истерических призывов, обращенных к Рыдз-Смиглы («Веди нас, вождь, на Ковно!»), Гитлер вступил в Вену.

23 февраля 1938 года (за две недели до аншлюсса) польский посланник в Будапеште Орловский вел следующий разговор с венгерским министром иностранных дел Каниа:

«Дальше г-н Каниа спросил меня, нет ли у нас в Польше известного опасения в связи с осуществлением программы Гитлера. После аншлюсса придет, очевидно,

черед судетских немцев, после чего в соответствии с первоначальной программой Гитлера должна наступить очередь «коридора» и Гданьска. Я ответил, что у нас господствует убеждение, основанное на большом опыте, что пока у власти Гитлер и его люди, такая опасность исключена. Г-н Каниа заметил, что еще в прошлом году в Берлине два германских министра сказали ему, что, несмотря на самые хорошие отношения с Польшей, Германия не может отказаться от «коридора» и Гданьска. Я ответил, что, по моему мнению, это именно те министры, которые вместе с группой генералов, возглавляемой Фричем, были уволены Гитлером 4 февраля, поскольку они являлись сторонниками соглашения с Россией».

Такого рода суждения содержались не только в высказываниях санационных политиков. Все без исключения группы польской реакции буквально захлебывались от восторга, говоря о Германии, где «у власти стоит Гитлер и его люди». Приведенные выше (см. главу 4) «теории» о непрусской политике гитлеризма развивала санационная газета «Курьер поранны» после изменений в составе правительства Третьего рейха, произведенных в феврале 1938 года. Ей вторил во весь голос главный орган эндеков «Варшавски дзенник народовы», который 8 февраля 1938 года в статье под заголовком «Правительство и армия в Германии» писал:

«Мы все знаем, что прусская политика, следующая указаниям Бисмарка, основывалась на соглашении между Германией и Россией и тем самым по своей сущности была антипольской политикой. Следовательно, можно сделать вывод, что воспитанные в духе этой традиции военные лидеры Третьего рейха были, несмотря на происшедшие в России изменения, сторонниками возвращения к идее соглашения с Россией».

Совершенно иные цели, пути и методы избрал канцлер Гитлер... Не подлежит никакому сомнению, что эти цели отличаются от целей, путей и методов старопрусской политики».

От эндеков и санации не отставали, конечно, и реакционные круги духовенства. Еще 3 января 1937 года газета «Пшеглэнд католицики» призывала польских католиков оказать поддержку политике сближения с Гитлером, поскольку такова позиция папы римского. «Пшеглэнд

католики» утверждал, что существует необходимость «беспристрастного отношения к официальной политике канцлера Гитлера, являющейся, огромным шагом вперед по сравнению с политикой бесславной памяти Веймарской республики... Для ориентации католической Польши авторитетной может быть лишь ориентация Ватикана. Последняя же не оставляет никаких сомнений...»

Издаваемая католическими кругами газета «Малы дзенник» 9 января 1938 года, накануне оккупации Австрии, писала:

«...Стойт ли мобилизовывать весь международный аппарат на защиту государства, в котором большинство населения жаждет утраты независимости в пользу национального объединения?»

Процесс вожака эндеков Добошинского, бывшего агентом германской разведки за № II—3129, показал, между прочим, что все без исключения реакционные политические группировки в Польше, начиная с ОНР (Обуз Народново-радыкальны — Национально-радикальный лагерь) и кончая вожаками ВРН (Вольность, рывность, неподлеглость — Свобода, равенство, независимость), так или иначе, прямо или косвенно делали все для того, чтобы воздействовать на польское общество в духе одобрения прогитлеровской политики санации. Эндеки, оэнэровцы и санация совершенно открыто превозносили Гитлера. Что же касается правых лидеров тогдашней ППС, то они в то время проводили особенно яростную кампанию против Советского Союза и народного фронта в стране, готовя почву для господ Бека и Рыдз-Смиглы. Еще в 1934 году в органе ППС — газете «Роботник» — можно было прочесть следующее высказывание, характерное для позиции, которую занимали правые лидеры ППС и санационные агенты типа Пужака, Зарембы, Арцишевского и иже с ними: «Германия, по всей вероятности, не разоружена, но никто не скажет, что это горючий материал такой же взрывной силы, как в 1914 году. Зато советский милитаризм... представляет собой большую опасность для мира».

Такую же позицию занимали и правые лидеры партии «Стронництво людове» (крестьянская партия).

В Польше, как и во всем мире, голоса предостережения, призывающие к борьбе с фашизмом и к защите сво-

боды народа, независимости государства, раздавались из лагеря прогресса и демократии. Наиболее ясную и решительную позицию в этом вопросе занимала Коммунистическая партия Польши, стремившаяся к объединению народных масс под знаменем борьбы против войны, против фашистских покушений на нашу независимость, против санационного правительства — правительства социального гнета и национальной измены. Коммунисты разоблачали внешнюю политику Бека, со всей силой подчеркивая, что Польша должна искать опоры в лице Советского Союза.

«Советский Союз, — писал нелегальный журнал «Новы пшеглэнд» в 1935 году, — является единственным защитником мира, защитником независимости народов, особенно малых и слабых. Польская буржуазия своей политикой войны, своей политикой блока с кровавым германским фашизмом может создать угрозу независимости».

В первомайском воззвании Центрального Комитета КПП в 1938 году говорилось:

«Империалистические агрессивные притязания Гитлера непосредственно направлены против Польши. Гитлер хочет захватить у Польши Поморье с Гдыней, Познанские земли, Верхнюю Силезию и урезанную таким образом Польшу сделать своим вассалом. Серьезность положения тем большая, что в лице двух основных группировок правящих классов (санация и эндеки) Гитлер имеет своих союзников.

Объединим же всех, кто живет трудом рук своих и своего ума, всех честных и патриотически настроенных членов нашего общества в демократический народный фронт, фронт спасения Польши!

Долой ненавистный санационно-эндецкий режим, режим предателей Польши! Правительство Рыдз-Смиглы, Складковского и Бека — палачей народов и агентов Гитлера — в отставку!»

Центральный профсоюз горняков в резолюции своего съезда в 1938 году дает следующую оценку политике правительства:

«Принимая во внимание, что гитлеровская Германия угрожает миру войной, что она после захвата Австрии протягивает свои захватнические руки и к Чехословакии,

съезд требует от польского правительства изменения политики по отношению к гитлеровской Германии и изменения неопределенной политики по отношению к демократическим государствам.

Съезд выражает протест против бесчестной античехословацкой пропаганды польского радио, санационной печати, а также различных санационных деятелей; съезд выражает протест против поддержки таким путем захватнических устремлений Гитлера в отношении Чехословакии.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть и не понимать, что захват Чехословакии влечет за собой непосредственную угрозу нападения Германии на Польшу.

В 1935—1938 годах по Польше прокатилась мощная волна выступлений рабочих и крестьян против внутренней и внешней политики фашистского правительства. Однако благодаря помощи правых лидеров ППС и «Стронництво людове» санация смогла удержаться у власти и продолжала свою предательскую политическую линию.

Особенно ярким доказательством тесной связи санации с гитлеровцами является позиция, занятая польским правительством в момент захвата Германией Чехословакии.

Германия была заинтересована в активном выступлении Польши против Чехословакии и в том, чтобы санация выразила свое отрицательное отношение к помощи Советского Союза Чехословакии. То, что Польша выдвинула территориальные требования под тем же предлогом, что и Германия («угнетение нацменьшинств»), в значительной степени облегчило Гитлеру объяснение своих действий; угроза удара со стороны Польши на Чехословакию увеличивала эффективность немецкого шантажа; наконец, Польша, поддерживающая Германию, играла роль барьера, отделяющего Чехословакию от Советского Союза. Вот почему Гитлер приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить содействие Польши. Как обычно в таких случаях, в ход были пущены прежде всего намеки на перспективу совместного похода против СССР.

В донесении польского посла в Берлине Липского Беку от 11 августа 1938 года дается следующий отчет о беседе с Герингом:

«На вчерашнем приеме у итальянского посла в честь маршала Бальбо я имел возможность обменяться мнениями с генерал-фельдмаршалом Герингом. Геринг сказал, что хотел бы в самое ближайшее время обстоятельно поговорить со мной и обсудить при этом — конечно, как обычно, в конфиденциальном и неофициальном порядке — возможности дальнейшего польско-германского сближения в некоторых вопросах. Он сослался на возможность взаимного прекращения шпионской деятельности и на возможность известного обмена информацией относительно русской и чешской проблем.

Относительно русской проблемы он в общих чертах сказал, что она после решения чешского вопроса станет актуальной. Он вернулся к своей мысли, что в случае советско-польского конфликта Германия не могла бы остаться нейтральной и не предоставить помощи Польше. Он опроверг слухи, что якобы Германия хотела идти на Украину, подчеркивая, что заинтересованность рейха сконцентрирована прежде всего на том, чтобы положить конец большевистским действиям. Тем не менее Польша, по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине».

20 сентября 1938 года Липский имел беседу с Гитлером и Риббентропом, в ходе которой он сделал запрос о поддержке Германией польских территориальных претензий к Чехословакии. Гитлер обещал Беку «полную поддержку», вплоть до оказания вооруженной «поддержки».

«Канцлер совершенно конфиденциально, подчеркивая, что я могу сделать из этого надлежащие выводы, довел до моего сведения, что уже сегодня, в случае если между Польшей и Чехословакией дело дойдет до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу сторону (думаю, что подобное заявление канцлер должен был также дать венгерскому премьеру, хотя мне об этом не было сказано). Канцлер советует, чтобы при таких обстоятельствах начало наших действий последовало бы лишь после занятия немцами Судетских гор, так как тогда вся операция была бы более короткой.

В дальнейшем во время беседы канцлер настойчиво подчеркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России».

В конце беседы Риббентроп занялся согласованием вопросов, связанных с координацией действий Германии и Польши против Чехословакии:

«Риббентроп, со своей стороны, просил, чтобы я узнал у Вас, не пожелали ли бы Вы сделать заявление по вопросу о польских требованиях относительно Чехословакии, по примеру того, как это сделал премьер Венгрии, чтобы это могло быть использовано при переговорах с Чемберленом. Кроме того, Риббентроп заверил, что германская пресса будет как можно шире освещать наши действия в отношении Чехословакии».

В согласовании действий гитлеровцев и санации в совместной кампании против Чехословакии не было ничего нового. Еще 20 апреля 1938 года польский посланник в Праге Казимир Папэ (ныне «посол» лондонского «правительства» при Ватикане) писал Беку:

«Во всяком случае, Германия, Польша и Венгрия должны договориться заблаговременно и поделить сферы своих интересов. Венгрия должна бы понять, что механическое решение словацкого вопроса сегодня уже невозможно. Это бы нас ослабило, а ведь речь идет о создании в будущем общего фронта против России».

27 мая 1938 года Лукасевич заявил Боннэ, что, считая русских врагами, его правительство силой воспрепятствует всякому проходу вооруженных частей и всяким перелетам в Чехословакию.

Из беседы Липского с Гитлером и Риббентропом явствует, что польское правительство согласовало с Германией все детали своих агрессивных действий против Чехословакии, оказав ей при этом весьма существенные услуги. Это согласование имело место уже после того, как Гитлер сказал Липскому, что «он считал бы также желательным сделать дальнейший шаг и не только исключить возможность применения силы в наших взаимоотношениях, но и произвести окончательное установление границ. Тут он выдвинул, — пишет Липский, — уже известный Вам проект автострады, соединяющейся с железнодорожной линией».

Эта беседа имела место 20 сентября 1938 года, то есть до «решения» вопроса о Чехословакии, до Мюнхена! 20 сентября 1938 года Липский пишет Беку по вопросу об экстерриториальной немецкой автостраде через

Поморье в Восточную Пруссию как о вопросе, известном Беку (а это было одним из наиболее серьезных требований Гитлера по отношению к Польше). И тем не менее посол «дальше не углублял» вопроса, а санационное правительство и дальше услужливо помогало Гитлеру в захвате Чехословакии.

30 сентября 1938 года посланник Папэ вручил правительству Чехословакии польскую ноту по вопросу о немедленной передаче Польше Тешина. Эта нота была фактически двадцатичетырехчасовым ультиматумом. В заключительной части ноты говорилось:

«Польское правительство ожидает недвусмысленного ответа, в котором бы принималось или отвергалось сформулированное в настоящей ноте требование до полудня 1 октября 1938 года. В случае если это требование будет отвергнуто или же ответ не будет получен, всю ответственность за последствия польское правительство возлагает исключительно на чехословацкое правительство».

Чехословацкое правительство, как известно, уступило, тем более, что на мюнхенской конференции по требованию Гитлера основные претензии Польши и Венгрии были признаны. На следующий же день после занятия германскими войсками так называемой первой полосы Судетов Рызд-Смиглы отдал группе генерала Бортновского составленный в высокопарных выражениях приказ занять Тешинский округ.

Санационные дипломаты впоследствии неоднократно ссылались в беседах с Гитлером на услуги, которые они ему оказали в период чехословацкого кризиса. 24 октября 1938 года Липский просит Риббентропа, чтобы тот сообразовал выразить согласие на установление общей польско-венгерской границы, и в качестве аргумента, в частности, приводит следующее:

«...Кроме того, для Польши общая польско-венгерская граница имеет большое значение как барьер против Востока. Слухи о том, что создается блок, направленный против Германии, лишены всякого основания, и позиция Польши по отношению к Советской России в период кризиса [чехословацкого. — М. С.] была явным опровержением этих слухов».

В ответ на это Риббентроп выдвинул... вопрос о Гданьске и «коридоре», причем в такой решительной

форме, что даже Липский понял, что на сей раз необходимо будет «углублять вопрос». 19 ноября 1938 года Липский вновь посетил Риббентропа, чтобы сообщить ему о точке зрения Бека относительно беседы от 24 октября. Бек также ссылаясь на свои заслуги перед Германией. Вот отрывок из записи, сделанной Риббентропом об упомянутой выше беседе:

«Министр иностранных дел Бек придерживается того мнения, что польско-германские отношения в общем и целом выдержали испытание. В период чехословацкого кризиса подтвердилось, что польско-германское соглашение было построено на прочной основе. Министр иностранных дел Бек верит, что прямолинейная политика Польши была полезна для Германии при получении Судетов и существенным образом содействовала тому, что решение этого вопроса в соответствии с желаниями Германии прошло гладко. Польское правительство в эти критические дни оставалось глухим к голосам, раздававшимся с известной стороны».

Риббентропа не тронула поэтическая метафора Бека относительно «голосов», хотя он и соизволил признать, что Польша действительно «облегчила положение Германии». Зато он решительным образом повторил требование, выдвинутое в беседе от 24 октября, указав вместе с тем на «заслуги» Германии перед Польшей:

«Я ответил г. Липскому, — пишет Риббентроп, — что я также считаю, что германо-польское соглашение оказалось в состоянии отразить удары. Благодаря действиям, предпринятым фюрером против Чехословакии, Польше представилась возможность получить Тешин и удовлетворить некоторые другие пограничные требования. Я, впрочем, согласен с ним в том, что позиция Польши также облегчила положение Германии».

Еще раз Липский пытался тронуть Риббентропа «заслугами» Польши в беседе от 21 марта 1939 года:

«Я напомнил ему, — пишет Липский, — что в момент, когда на практике осуществлялся принцип полного равноправия Германии, мы сохранили позицию, полную понимания. Такую же позицию мы сохраняли в период, когда решался австрийский вопрос».

Несмотря на то, что старые заслуги не очень, как мы видим, щедро оплачивались, санационные лакеи Гитлера

лезли из кожи вон, чтобы даже в этот период приумножить свои заслуги. В конце 1938 года и в первые месяцы 1939 года санационное правительство старалось любой ценой сохранить прежний политический курс.

Когда в декабре 1938 года Боннэ подписал с Риббентропом франко-германскую декларацию о ненападении, которая фактически означала предоставление Германии свободы рук на Востоке, Бек дал следующую инструкцию польскому послу в Стокгольме:

«В вопросе об улучшении отношений между Францией и Германией мы заняли благосклонную позицию, поскольку наши договоры с Францией имеют законную силу. Реакция Советов была отрицательной.

На территории Гданьска имеют место трудности в еврейском вопросе, которые используются крайними элементами. Но я не чувствую напряжения, могущего угрожать нарушением особого положения вольного города. Тем не менее ввиду сложности положения я заявил верховному комиссару, что более широкая негативная или позитивная инициатива Лиги в отношении вольного города не кажется нам желательной».

5 января 1939 года Бек низко кланялся Гитлеру в Берхтесгадене (опубликованный тогда в газетах снимок, на котором Бек был изображен согнутым в три погибели перед Гитлером, вызвал в Польше огромное возмущение). Правда, Гитлер во время беседы опять пустил в ход антисоветскую приманку, но от своих требований по вопросу о Гданьске и «коридоре» не отказался.

25 января 1939 года, накануне пятой годовщины заключения польско-германского соглашения, в Варшаву прибыл Риббентроп. Несмотря на то, что проходившие во время пребывания Риббентропа в Варшаве переговоры даже отдаленно не напоминали собой идиллию («гость» настойчиво продолжал требовать «решения» вопроса о Гданьске и Поморье), выступления реакционной польской прессы были выдержаны в самом дружественном тоне. Орган санационных военных кругов, газета «Польска збройна», напоминая о высказываниях Пилсудского времен 1927 года, писала 24 января 1939 года:

«Пилсудский еще в 1927 году сказал о польско-германских отношениях:

«Эти отношения в настоящее время весьма прохладны. Я, однако, не сомневаюсь, что через несколько лет к власти в Германии придет какой-либо великий государственный деятель, который поймет, что Германия и Польша, имея в виду свои общие и европейские интересы, должны стремиться к добрососедским отношениям, основанным на взаимном доверии и уважении».

А канцлер Гитлер в годовщину подписания польско-германской декларации заявил:

«Нам удалось в надлежащий период внести одну из наиболее веских исторических поправок. Мы исправили ошибочное мнение, будто между обоими народами постоянно существовали неизменно враждебные отношения как своего рода наследственность».

В связи с визитом Риббентропа в Варшаву советская печать снова предостерегала польские правящие круги, указывая, что «германский фашизм пользуется по отношению к Польше теми же методами, какими он в свое время пользовался по отношению к Чехословакии». Газета «Комсомольская правда» 27 января 1939 года в статье, озаглавленной «После Чехословакии — Польша», писала:

«Поездка польского министра иностранных дел Бека в Германию и встреча его с Гитлером вызвали было некоторые надежды в польских правящих кругах, которые все еще рабелепствуют перед Гитлером. Однако результаты этой встречи разочаровали многих.

Есть все основания полагать, что г. Бек чувствовал себя в гостях у Гитлера в Берхтесгадене весьма неважно. Он вынужден был униженно выслушать германские требования. А они, как известно, касаются не только Карпатской и Западной Украины, но и Польского коридора и Данцига, в котором уже фактически хозяйничают фашисты.

...Правящие круги Польши, тесно сотрудничающие с Гитлером, немало поработали над тем, чтобы ослабить фронт мира. Они даже покрывали и покрывают подрывную деятельность агентов германского фашизма в своей стране. Правда, более дальновидные политики в Польше и ранее предупреждали об опасности ориентации на Берлин. Тогда еще говорили в Варшаве, что разгром и расчленение Чехословакии отнюдь не в интересах Поль-

ши и что нельзя верить ни одному слову Гитлера, поскольку основой внешней политики германского фашизма является разбой, порабощение народов и империалистические захваты чужих земель. Как известно, после расчленения Чехословакии фашистская Германия значительно «пододвинулась» к Карпатской и Западной Украине. Угроза Польше стала более реальной».

Санация пропускала мимо ушей все эти предостережения и, несмотря на то, что требования Гитлера становились все более и более отчетливыми, продолжала вести самоубийственную для Польши политику. Несколько дней спустя после отъезда Риббентропа с визитом в Варшаву прибыл министр иностранных дел фашистской Италии Чиано. 2 марта 1939 года Варшаву посетил румынский министр иностранных дел Гафенку, который вынес из беседы с Бекком следующее впечатление:

«Бек в эти весенние дни не проявлял никакого беспокойства. Впечатление такое, что он сохраняет полное доверие к словам германского канцлера. Бек заявил мне тогда: «Мое доверие к германскому канцлеру основано на большом опыте. Все, что мне сказал Гитлер, начиная с 1935 года, было правильным и правдивым: факты никогда не опровергали этих слов. Я беседовал с ним, как человек с человеком и как солдат с солдатом».

Что же удивительного в том, что, когда две недели спустя перестала существовать Чехословакия, Бек также продолжал оставаться невозмутимым. Больше того, тот факт, что Гитлер бросил венгерским фашистам подачку в виде Закарпатской Украины, был раздут санацией до таких размеров, что выдавался за огромный успех, поскольку «наконец установлена» польско-венгерская граница, которая, по мнению тупых санационных политиканов и стратегов, должна была явиться одним из «основных элементов безопасности Польши». Шум вокруг «исторической» встречи с Венгрией Хорти был предназначен для того, чтобы заглушить царившее в Польше всеобщее чувство страха перед фактом окружения Польши с юга.

Несмотря на то, что «независимая» Словакия (созданная в момент превращения Чехословакии в германский «протекторат») тотчас же отдалась под покровительство Гитлера и «пригласила» германские войска,

которые быстро разместились вдоль польской границы, санационное правительство первым в Европе признало это новое «государство» и установило с ним дипломатические отношения.

Санационная печать приветствовала исчезновение Чехословакии с карты Европы с таким энтузиазмом, что ей могли позавидовать гитлеровские газеты.

«Курьер поранны» 16 марта 1939 года писала:

«Мы являемся свидетелями окончательной ликвидации Чехословакии. Чехословацкая республика, созданная в 1918 году, перестала существовать. Не выдержало также испытания уродливое творение, созданное на мюнхенском съезде четырех держав в сентябре прошлого года. У него нехватило ни моральных, ни жизненных сил, чтобы противостоять всякого рода трудностям. Логика жизни оказалась сильнее построенных на бумаге концепций, на которых основывалось существование Чехословакии в первом и втором издании. На руинах Чехословакии будет существовать как отдельное и независимое государство только Словакия... Польский народ с удовлетворением встречает этот факт.

...Польша может не волноваться по поводу происходящих в Средней Европе событий».

Эти слова даже трудно комментировать. Неизвестно, чего в них больше — безнадежной глупости или предательства? Не подлежит сомнению, что было и то и другое.

Следует также иметь в виду, что санация старалась «выслужиться» не только перед гитлеровской Германией. Она старалась выслужиться и перед другими партнерами «оси» Берлин — Рим — Токио. Кокетство с Муссолини практиковалось издавна. 4 апреля 1939 года (уже после английских «гарантий» Польше и обострения отношений с Германией) польский посол в Токио Ромер писал Беку:

«...Нашу политику, если исключить ее русский участок, здесь никогда должным образом не понимали. Ключевая позиция Польши в Европе является для японцев неожиданностью и наполняет их чувством уважения. Вместе с тем они проявляют все большее беспокойство... по поводу нашего возможного конфликта с Германией...

Я старался и продолжаю стараться рассеять эти опасения, понимая, что сотрудничество с Японией на почве

совместных действий против России является важным элементом нашей политики, даже если мы будем вынуждены пересмотреть нашу тактику на Западе. Поэтому я старался рассеять у японского правительства сомнения, возникшие под влиянием враждебной пропаганды в связи с польско-советской декларацией от 27 ноября 1938 года, а затем подчеркнул нашу готовность попрежнему сотрудничать с Японией в наблюдении за СССР. В обстановке напряжения в японо-советских отношениях в связи с вопросом о рыбной ловле мне представилась возможность благодаря полученной из Варшавы информации передать министру Арита ценные сведения, освещающие положение в России, что произвело на него большое впечатление и за что он выразил глубокую благодарность польскому правительству».

Арита, конечно, был заинтересован в получении информации о Советском Союзе и его военной мощи, поскольку японский империализм готовился тогда к нападению на Монгольскую Народную Республику, которая с 1936 года была связана с СССР договором о взаимопомощи. Информация Ромера, которая, очевидно, не очень отличалась от существовавшего в кругах пилсудчиков мнения об СССР, как о «колоссе на глиняных ногах», вероятно, настроила Арита оптимистически. Каково же должно было быть разочарование японских империалистов, когда они, вторгнувшись 11 мая 1939 года на территорию Монголии в районе реки Халхин-Гол, встретили Советскую Армию, которая пришла на помощь Монголии в соответствии с договором от 12 марта 1936 года и в результате боев, имевших место в течение лета и осени 1939 года, нанесла сокрушительное поражение японским войскам. Советский Союз еще раз продемонстрировал всему миру как свою верность заключаемым им соглашениям, так и свою способность оказать вооруженное сопротивление агрессии.

Санационная клика, равно как и империалисты Англии, Франции и Америки, не хотела сделать выводов из этих очевидных фактов. Даже тогда, когда Гитлер весной 1939 года окончательно отклонил лакейское заигрывание санации и открыто взял курс на войну, реакционные правители досентябрьской Польши остались верны своей политике,

Глава 9

Санация отвергает единственный шанс

Весной 1939 года уже ни для кого не могло быть сомнений, что Польша непосредственно стоит перед лицом гитлеровского нападения. В результате вероломной игры западных империалистов и предательской антинародной политики внутренней реакции над Польшей нависла смертельная опасность. Опасность эта была тем большая, что в результате двадцатилетнего правления буржуазии и помещиков Польша чрезвычайно ослабела.

В задачу настоящей работы не входит анализ внутривнутриполитических последствий фашистской диктатуры в Польше. Однако совершенно ясно, что ликвидация политических свобод (и прежде всего необузданный террор по отношению к тем, кто стоял во главе борьбы за социальное освобождение и защиту независимости, — по отношению к коммунистам), репрессии по отношению к демократической печати, все усиливавшаяся эксплуатация трудящихся и национальный гнет, отравление сознания известной части общества ядом фашистской идеологии, антисемитизм и т. д., — что все это способствовало ослаблению обороноспособности Польши перед лицом сентябрьского испытания.

Новые доказательства тесной связи между фашизацией внутривнутриполитической жизни в Польше, с одной стороны, и антинародной внешней политикой, а также ослаблением обороноспособности Польши — с другой, дал происходивший летом 1951 года процесс по делу диверсионно-шпионской организации, действовавшей в Народном Войске Польском. Один из руководителей этой организации, Моссор, состоял до 1939 года членом санацион-

но-фашистского «Клуба 11 ноября», который был чем-то вроде идеологического центра молодой санационно-эндцеко-оэнэровской «гвардии» Рыдз-Смиглы. Членом этого клуба был также пресловутый санационный министр юстиции Грабовский, который, в частности, делал на заседаниях клуба подробные отчеты о своих поездках в Берлин к будущему гитлеровскому генерал-губернатору в Польше Франку, а также отчеты об ответном визите последнего в Варшаву 15—18 декабря 1938 года. Примерно в то же время Моссор в указанном клубе читал доклады, являвшиеся откровенной апологией гитлеризма. Нет ничего удивительного в том, что этот воспитанник «Клуба 11 ноября» писал в период оккупации Польши Гитлеру, предлагая свои услуги «в деле выработки среди польского общества позитивных настроений по отношению к Германии». Нет также ничего удивительного в том, что после войны Моссор перешел на службу к англо-американскому империализму — продолжателю политики Гитлера и покровителю неогитлеризма.

Плачевные результаты господства буржуазии и помещиков в Польше нашли особенно яркое отражение в ослаблении обороноспособности страны. Это прежде всего касается промышленного производства, и в первую голову тяжелой промышленности. Во всех основных отраслях промышленности уровень производства был значительно ниже, чем до первой мировой войны (1913 год). Даже в 1938 году, когда в связи с предвоенной конъюнктурой производство увеличилось в сравнении с предыдущими годами, в Польше добывалось всего 38,1 миллиона тонн угля (в 1913 году — 41 миллион), 507 тысяч тонн нефти (в 1913 году — 1 114 тысяч тонн), производилось 879 тысяч тонн чугуна (в 1913 году — 1 055 тысяч), 1 441 тысяча тонн стали (в 1913 году — 1 677 тысяч), 1 074 тысячи тонн проката (в 1913 году — 1 244 тысячи) и т. д. При этом следует помнить, что если говорить об уровне производства стали в 1938 году, то он был самым высоким за весь межвоенный период (в 1932 году в Польше было произведено всего 564 тысячи тонн стали, то есть одна треть продукции 1913 года).

Итак, двадцатилетний период независимого существования Польши, находившейся под властью буржуазии и помещиков, не только не принес сколько-нибудь значи-

тельного успеха в ликвидации большой экономической отсталости страны, а, наоборот, привел к значительному регрессу. При этом необходимо заметить, что Польша межвоенного периода была страной, которая в этом отношении «отличалась» даже среди других капиталистических стран, хотя, как известно, межвоенный период характеризовался резким обострением общего кризиса всей капиталистической системы. Это в значительной степени было результатом непомерно большой и все возрастающей зависимости Польши от иностранного капитала, проникновению которого в страну правительства досентябрьской Польши создавали особенно благоприятные условия. В 1929 году иностранный капитал составлял 33,3 процента всего основного капитала всех акционерных обществ в Польше. В 1933 году доля иностранного капитала в этих обществах составляла уже 44,2 процента. Если к этому прибавить капитал иностранных компаний, действовавших на территории Польши, то получится, что иностранный капитал составлял почти 70 процентов всего капитала акционерных обществ в Польше. Крупными предприятиями с акционерным капиталом, превышавшим 5 миллионов злотых, иностранный капитал владел на 90 процентов. В нефтяной промышленности участие иностранного капитала составляло 87 процентов, в горно-металлургической — 84,4 процента, в химической — 57,7 процента. Кроме того, следует учесть, что польские картели и концерны входили в состав международных картелей, в которых господствовали главным образом немецкие, французские, американские и английские монополии; это была еще одна форма подчинения польской промышленности враждебным Польше центрам иностранного капитала. В горно-металлургической промышленности господствовал главным образом американский и немецкий капитал, представителем которого выступал известный американский финансист — советник Трумэна по вопросам внешней политики — Аверел Гарриман. Общеизвестно, что в числе 14 членов совета горно-металлургического общества—концерна, контролирующего 50 процентов производства железа в Польше, было 7 представителей немецкого капитала, 2 представителя американского капитала (в частности, Гарриман), 1 представитель французского капитала и 4 пред-

ставителя польского финансового капитала и польских помещиков (князь Януш Радзивилл, Юзеф Жихлинский, Ипполит Гливиц, Антоний Венявский). Среди членов совета общества фигурировали, между прочим, такие имена, как Гейнрих фон Штейн — банкир из Кёльна, сообщник известного нам Шредера, являвшегося одним из создателей специального «фонда поддержки СС» (суммы, которые германские капиталисты отдавали в распоряжение Гиммлера, находились в банке Штейна). Именно Штейн вместе с Гарриманом заправлял самым крупным польским горно-металлургическим концерном, оказывая решающее влияние на всю экономику Польши.

Господство иностранного капитала в польской экономике оказывало пагубное влияние на уровень промышленного производства страны. Иностраный капитал почти совершенно не участвовал в строительстве новых фабрик и заводов. Иностранные монополии предпочитали помещать его в уже существующие предприятия. В качестве доходов, процентов и т. п. иностранные капиталисты вывозили из Польши громадные суммы, уменьшая тем самым возможность внутреннего накопления. Опасаясь роста конкуренции польской промышленности как на внутреннем рынке, так и за границей, иностранные монополии тормозили развитие существующих отраслей польской промышленности и не допускали создания новых, имеющих решающее экономическое и оборонное значение (таких, как, например, автомобильная промышленность, самолетостроение и т. п.). Не подлежит также никакому сомнению, что международные центры иностранного капитала тормозили развитие польской промышленности по политическим соображениям. Гарриманы и штейны и здесь осуществляли свои империалистические планы, пользуясь верноподданнической помощью польских капиталистов и помещиков, а также польского правительства, являвшегося орудием в руках отечественных и иностранных монополий.

Нет нужды доказывать, что регресс экономики сентябрьской Польши вообще и регресс тяжелой промышленности в частности были одним из решающих факторов слабой обороноспособности страны. Армия не получала от промышленности даже части того, что

составляет самый необходимый минимум оснащения современной армии.

Катастрофическое положение в деле снабжения армии усугублялось тем, что коррупция разъедала госаппарат санации снизу доверху, так как он тысячами нитей был связан с отечественным и иностранным капиталом. В армии коррупция приводила к измене. Вот несколько фактов.

В 1932 году возник скандал в связи с закупкой броневых плит в английском военно-промышленном концерне Виккерса. Оказалось, что эти плиты можно было пробить обычными снарядами. Вот что писал тогдашний заместитель начальника польского генерального штаба, ставший впоследствии начальником полиции, генерал Юзеф Кордиан-Заморский в своих личных записях, найденных в одном из архивов:

«25 августа. Начальник штаба вызвал меня, чтобы сообщить, что Фабриций (генерал-лейтенант, первый заместитель военного министра) созывает в понедельник совещание по вопросу о броневых плитах Виккерса. Капитан Бернацкий вернулся с отчетом приемочной комиссии. Плиты пробиваемы. Несмотря на увеличение толщины плит с 13 миллиметров до 15 миллиметров, фирма не в состоянии поставить соответствующую сталь.

30 сентября. Разговор с генералом Гонсиоровским по вопросу об афере с бронированными плитами. Он ничего не сделал и ничего не знает о том, что майора Скальско-го Складковский вернул на пост начальника ИБМУ (Институт исследования военных материалов). Тем не менее ясно, что в этом деле имело место крупное уголовное преступление. Коссаковский (начальник департамента инженерного снабжения) заболел; его заменяет подполковник Спалэк (заместитель начальника этого департамента), который вел переговоры с Виккерсом. В конце концов, согласились на 13 миллиметров толщины плит. Капитан Бернацкий снова утверждает, что эти плиты можно пробить нашими обыкновенными снарядами».

О подобной же истории, на сей раз касающейся авиации, рассказывает другой военный сановник санации, командующий воздушными силами в период сентябрьской кампании, генерал Людомир Райский. Речь идет о контракте, заключенном с франко-польской фирмой

«Франкополь» на поставку 600 моторов и 300 боевых самолетов ежегодно:

«Цены, уплачиваемые государством фирме «Франкополь» за самолеты и моторы, должны были покрыть все издержки производства. Кроме того, государство гарантировало фирме 15 процентов чистого дохода от этой суммы. [Слушайте, слушайте! — *Прим. Райского.*]

Сверх того, при подписании контракта государство давало аванс в размере 5 процентов предполагаемой стоимости годового заказа и еще 10 процентов в момент покупки участка для завода и в момент начала строительства завода.

Общая сумма заказа в несколько раз превышала возможности нашего бюджета. Зато наличие большой задолженности предоставляло фирме возможность получения авансов; государство же не имело возможности выполнить контракт. Иначе говоря, фирма могла схватить департамент авиации за горло.

По контракту фирма должна была строить в течение 10 лет самолеты одного типа, типа, который уже тогда был устаревшим. Сегодня, после войны, каждый смертный настолько разбирается в авиации, что нет нужды объяснять кому бы то ни было смысл такой постановки дела. Ясно, что в этих условиях фирма заинтересована была строить... подороже.

Первый аванс в сумме около миллиона злотых золотом (!!) был уплачен фирме по распоряжению главного интенданта армии. «Франкополь» в итоге никакого завода не построил; вместо 600 моторов и 300 самолетов он построил... два некомплектных фюзеляжа. И тем не менее фирма сумела обокрасть казну государства на 4 миллиона злотых золотом. Сделала она это под видом авансов. Наконец, она продала несуществующую фабрику (участок и две маленькие постройки) вместе с правом заключения контракта чехословацкой фирме «Шкода» и получила за это еще пару миллионов. Ясно, что фирма «Шкода» отнесла эти деньги в счет стоимости моторов... и польская казна снова пострадала».

Подоплека всей этой истории станет совершенно ясной, если учесть, что упомянутый выше главный интендант армии генерал Михелис был членом акционерного общества «Потиск», совладельцы которого от имени

департамента авиации заключали договоры с фирмой «Франкополь».

Ясно, что в таком болоте легко было культивировать предательство. Впрочем, кто сумеет отличить, что это было — коррупция, безрассудство или предательство, когда летом 1939 года фашистской Болгарии было продано 36 бомбардировщиков типа П-43? Проданные Болгарии самолеты были снабжены бомбосбрасывателями, которых потом в период сентябрьской кампании нехватало польским самолетам. При этом нужно подчеркнуть, что сделка с Болгарией была завершена уже после сентября 1939 года Германией, которая ничего не имела против снабжения болгарских фашистов оружием.

В результате всего этого польская армия совершенно не была подготовлена к войне с Германией. Устаревшему вооружению сопутствовала и устаревшая организация армии, в которой Пилсудский с безрассудным упорством не разрешал ничего менять. (Рыдз-Смиглы, само собой разумеется, ни на йоту не улучшил положения.) И, наконец, что важнее всего, санационное командование до весны 1939 года даже не имело плана ведения войны с Германией, так как на протяжении всего предыдущего периода оно было занято разработкой планов войны против Советского Союза.

В течение всего межвоенного периода польскую армию ориентировали на борьбу против СССР.

В досентябрьской военной печати почти на каждом шагу можно было найти статьи, посвященные вопросам подготовки к войне против Советского Союза. Так, например, в январе 1929 года в газете «Пшеглэнд пехоты» была помещена статья под характерным заголовком «Борьба с советской пехотой». Не менее характерна была фамилия автора: капитан Ян Жепецкий, тот самый Жепецкий, который впоследствии в период оккупации был начальником Бюро политической информации (БИП) Армии Крайовой, а после освобождения страны — руководителем банды ВИН и, наконец (а это всего лишь другая сторона той же медали), — организатором шпионской сети англо-американской разведки. Вот как Жепецкий обосновывал необходимость ознакомления польских офицеров с боевыми уставами советских войск:

«Приступая в свое время к изложению нового советского боевого устава пехоты, я выразил мнение, что «неприятель на (односторонних) учебных занятиях должен действовать по методу боевых действий врага», а не по нашему собственному методу.

Чтобы облегчить работу... я попытаюсь в этой статье сжато сформулировать указания, как нужно представлять неприятеля в соответствии с советским боевым уставом пехоты, другими словами, как должна выглядеть советская пехота, если на нее смотреть глазами борющегося с ней противника.

Сформулированные таким образом указания могут быть использованы не только инструкторами и руководителями учений, но и нижестоящими командирами».

Характерно, что, готовя армию к борьбе против СССР, санационные стратеги с присущим им хвастовством заявляли всем и вся: «С Советами мы всегда справимся». Печальной памяти полковник Роман Умястовский, «прославившийся» уводом 7 сентября 1939 года многих тысяч мужчин из Варшавы, писал, например, в одной своей статье, носящей название «Внутренний фронт России»:

«В настоящем очерке мы хотим разъяснить, каковы основные причины кризиса в России и в чем источник ее слабости».

Другой стратегический «гений», полковник Адольф Малышко, заявлял безо всяких обиняков:

«С восточным врагом мы всегда справимся, имея таких замечательных солдат, как наши ребята, если только будем сохранять согласие в своем собственном доме».

Напрасным делом было бы искать в «Пшеглёнде пехоты» или в других военных журналах статьи о борьбе против немецкой пехоты. Такие вопросы не интересовали ни санационных практиков, ни санационных теоретиков. Зато в Германии были изданы произведения Пилсудского, специально подготовленные польским генштабом и снабженные предисловием... Геринга (предисловие к немецкому изданию книги Пилсудского «Год 1920» было написано фельдмаршалом фон Бломбергом).

Поворот спиной к «находящейся в безопасности» западной границе выражался не только в отсутствии в санационной военной прессе статей о германской армии.

Санационное командование все время работало в одном направлении — против СССР. В этом направлении велась разработка оперативных заданий, разведывательных планов, подготовка солдат, картографические работы, возведение фортификаций и т. д. и т. п. Западное направление было совершенно заброшено вплоть до последней минуты.

В 1934—1939 годах на оборонительные сооружения в Поморье было израсходовано всего 1 миллион 300 тысяч злотых, в то время как на возведение укреплений на Вольни — 75 миллионов злотых. В 1940 году генерал Сикорский заявил, что строительство оборонительной линии на западной границе Польши началось лишь в апреле 1939 года, причем оно «велось нерешительно и робко, хотя война уже стояла на пороге». Импровизированный план войны с Германией был разработан лишь весной 1939 года, причем, согласно общему мнению специалистов, это был план совершенно беспомощный и, вероятнее всего, хорошо известный гитлеровскому командованию (о чем свидетельствуют военные действия в сентябре 1939 года). В этом нет ничего удивительного. Следует принять во внимание тесную связь германской разведки со 2-м отделом польского генерального штаба и санационными сановниками. Как показал процесс Добошинского, эти связи существовали почти до последней минуты. Ведь еще весной 1939 года 2-й отдел посылал своих людей на переподготовку в Германию! Можно себе представить, как были «переподготовлены» возвратившиеся в Польшу санационные разведчики...

Санационная пропаганда кормила общественное мнение избитой фразой: «Мы сильны, сплочены, готовы». Но правительственные сановники должны были отдавать себе отчет в действительном положении вещей. Об этом свидетельствуют не только отдельные высказывания и отрывки из воспоминаний, но и прежде всего поведение правительственных сановников в сентябре 1939 года, когда они удирали, как крысы с тонущего корабля, доказав тем самым свое неверие в то, что врагу может быть оказано сопротивление.

А если так, если (как об этом свидетельствуют факты, о которых еще будет сказано ниже) не могло быть также никаких иллюзий относительно «помощи» запад-

ных государств, то тем отчетливее выступает вся чудовищность политики польской реакции в решающие дни весны и лета 1939 года.

Санационное правительство не могло тогда не отдавать себе отчета в том, что единственным шансом преградить путь агрессии было принятие советского предложения об оказании помощи. Санационное правительство знало также (об этом свидетельствуют приведенные в главе 6 документы), что западные государства, ведя переговоры с СССР, занимаются очковтирательством. Если бы санационные вожаки и их пособники сохранили хотя бы чуточку патриотизма и чувства ответственности перед народом, они приняли бы все меры к тому, чтобы сделать невозможным продолжение этого блефа, чтобы довести дело до заключения договора о союзе с СССР. В действительности же правители досентябрьской Польши поступили как раз наоборот.

Реакционные историки и публицисты пытаются защищать политику Пилсудского, Рыдз-Смиглы и Бека и с этой целью создали целую легенду о «повороте», будто бы наступившем в польской политике в апреле—мае 1939 года, проявлением которого было соглашение, заключенное с Англией 6 апреля 1939 года, и речь Бека в сейме 5 мая 1939 года, явившаяся ответом на расторжение Гитлером договора о ненападении (28 апреля 1939 года). В основе этой легенды лежит утверждение, что в сентябре 1939 года Польша якобы оказала Германии активное сопротивление.

В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Во-первых, не было никакого коренного поворота, о чем свидетельствуют события последних предвоенных месяцев. Во-вторых, даже те внешние изменения, которые произошли, отнюдь не были выражением воли правившего Польшей реакционного лагеря, а явились следствием необходимости, с которой санация не хотела мириться до самого конца.

Ясно, что санация могла проводить свою политику сателлита гитлеровской Германии только до тех пор, пока этого хотела Германия. Но в 1939 году Гитлер счел, что «дружба» с санационным правительством, которой он умело пользовался в течение пяти лет, играя на антисоветских настроениях польской реакции, отжила свой

век. Гитлер никогда не отказывался от своей программы в отношении Польши, никогда также всерьез не рассчитывал на санацию как союзника в походе против Советского Союза. Гитлеровская Германия не имела ни малейшего намерения допускать Польшу к участию в завоеваниях на Востоке, а все намеки и более или менее членораздельные обещания относительно Украины или Белоруссии до определенного времени играли роль приманки, на которую санация и другие группировки польской реакции охотно поддавались. После того как была занята Чехословакия, помощь Рыдз-Смиглы и Бека Гитлеру была уже не нужна. Не помогли ни подхалимское угодничество, ни ссылки на «заслуги». Гитлер осуществил свои ближайшие цели и теперь готовился проглотить Польшу, причем если внимательно проанализировать события, имевшие место в период с апреля до сентября 1939 года, то можно со всей уверенностью сказать, что Гитлер и не думал принимать уступок от санации, а любой ценой стремился к войне, в результате которой он получил бы не только Гданьск и Поморье, но и всю Польшу.

Из доклада британского посла в Берлине Гендерсона явствует, что Англия прилагала огромные усилия, чтобы склонить Гитлера к переговорам, результатом которых должно было быть очередное «спасение мира» путем передачи Гитлеру Польши (этим, между прочим, объясняется трехдневная оттяжка с объявлением западными державами войны Германии, поскольку эти державы все еще стремились к соглашению с Гитлером). Однако совершенно установленным фактом является то, что последнее ультимативное требование Германии, адресованное Польше 30 августа 1939 года, не было вручено ни послу Липскому, ни польскому правительству. Гитлер вообще не ожидал никакого ответа и никакого ответа не хотел. Он жаждал войны, а ультиматум нужен был ему всего-навсего как формальный повод для того, чтобы отдать приказ о наступлении. В этих условиях утверждения о мнимой «неуступчивости» санационного правительства или же о том, что Рыдз-Смиглы и Бек будто бы не желали идти с Гитлером против СССР, могут убедить лишь весьма наивных людей. Никто от них всерьез не требовал уступок, и не удивительно, что они были «не-

уступчивы»; никто их всерьез не приглашал принять участие в походе на СССР, и они, естественно, не пошли... Поистине, «неуступчивым» был только польский народ, польский солдат, героически сопротивлявшийся агрессору в то время, когда «неуступчивые» санационные правители удирали по Залещицкому шоссе в Румынию.

Следует указать также на другой фактор, сыгравший решающую роль в том, что санация вынуждена была, хотя бы формально, занять более решительную позицию по отношению к агрессивной Германии. Этим фактором была позиция польского народа. Не будет преувеличением сказать, что ни одно правительство в Польше не удержалось бы тогда у власти, если бы рискнуло открыто капитулировать перед Гитлером. С досадой говорили об этом Гитлеру и Риббентропу санационные правители, робко поясняя, что общественное мнение является тем фактором, с которым, по крайней мере в этом случае, придется считаться.

23 мая 1939 года германский посол в Варшаве фон Мольтке сообщал Риббентропу:

«На днях я имел случай беседовать с заместителем вице-министра Арцишевским. Некоторые моменты из этой беседы, как мне кажется, заслуживают внимания.

Г-н Арцишевский всячески доказывал мне, что поворот в польской политике, нашедшей свое выражение в английских гарантиях, не следует относить за счет личной инициативы Бека. Г-н Бек внутренне сопротивлялся: он проводил всю эту политику под давлением армии и общественного мнения. В конце концов, он уже не мог отвергнуть английское предложение. Но он всегда противился публичному обсуждению этого вопроса, так как считал это нецелесообразным, учитывая здешние настроения, и только в связи с речью фюрера вынужден был дать ответ. Его речь в сейме в поддержку той политики, противником которой он был, вызвала у здешнего общественного мнения энтузиазм, что лишь наполнило сердце г-на Бека горечью. Г-н Арцишевский рассказал затем, как день спустя после речи в сейме Бек в порыве негодования бросил наземь груды поздравительных телеграмм. Г-н Бек и сегодня все еще, по сути дела, является сторонником прежней политики. В частности, ему кажется бессмысленным, что именно такие сравни-

тельно бедные страны, как Германия и Польша, должны воевать, в чем, по существу, заинтересованы только более богатые страны.

Эта обрисовка положения кажется мне несколько приукрашенной. Однако всесторонние наблюдения подтверждают, что г-ну Беку в последние месяцы становилось все труднее продолжать проведение старой политической линии по отношению к нам, указанной еще маршалом Пилсудским. Поскольку появилась возможность получения английской гарантии западных польских границ, военные круги, видимо, настояли на изменении политики. Г-н Бек считал тогда, что он должен принять эту политику, так как в противном случае не смог бы удержаться на своем посту.

Фон Мольтке».

Подобные высказывания мы находим у многих других иностранных наблюдателей, в частности у Ноэля. Даже Гитлер в беседе с французским послом Кулондром сказал 25 августа 1939 года: «Я верю, я даже убежден в умеренности таких людей, как Бек, но они уже не являются хозяевами положения».

Под давлением широких масс польского народа санационные политики вынуждены были заявить о защите независимости страны. Однако в то же самое время они делали все возможное для того, чтобы не допустить заключения союза, который единственно мог спасти Польшу от сентябрьской катастрофы,— союза с СССР. В этом отношении позиция санационного правительства целиком отвечала намерениям правительств Англии и Франции, а также американских реакционеров.

В период, когда над Польшей нависла непосредственная угроза гитлеровского нашествия, когда в ходе московских переговоров советское правительство настаивало на заключении договора о взаимной помощи, одной из главных забот санационного правительства было «уберечь» Польшу не только от союза с СССР, но и от того, чтобы ее упоминали в каких-либо переговорах с Советским Союзом или в каких-либо декларациях.

27 марта 1939 года в связи с проектом совместной декларации правительств СССР, Англии, Франции и Польши по вопросу об угрозе германской агрессии Бек

направил польскому послу Лукасевичу в Париж инструкцию следующего содержания:

«Прошу конфиденциально довести до сведения французского правительства, что польское правительство сделало некоторые оговорки относительно английского предложения по вопросу о совместной декларации Великобритании, Франции, Советского Союза и Польши. Оговорки эти объясняются тем, что мы не верим, что такого рода акт был бы достаточным. Польское правительство, тем не менее, не уклоняется от двухсторонних переговоров с правительством Великобритании по тем вопросам, которые должны были явиться предметом декларации. Польское правительство хотело бы в связи с этим заявить французскому правительству, что всякие польско-английские переговоры оно рассматривает как соответствующие интересам польско-французских отношений и укреплению польско-французского союза».

Формальным мотивом отказа Бека было неверие в то, «что такого рода акт был бы достаточным». Однако из дальнейшего текста инструкции явствует, что Бек упоминает об Англии и Франции и совершенно не упоминает об СССР. Следовательно, именно в этом причина отказа, что, впрочем, полностью подтверждают следующие документы.

13 мая 1939 года Бек телеграфировал польскому посольству в Лондоне:

«Постоянно выдвигаемое западными державами требование советской декларации о помощи Польше делается без нашего участия.

...Польское правительство не пойдет ни на какое соглашение с одним из своих соседей против другого...»

На следующий день польский посол в Лондоне Рачинский телеграфировал Беку:

«Англо-советские отношения, как их можно видеть отсюда, представляются следующим образом:

Советы в качестве цены за свое сотрудничество на стороне Англии выдвинули требование союза с Англией, Францией (и эвентуально с Польшей)...

Правительство Чемберлена не склонно заключать союз и выдвинуло декларацию в качестве альтернативы.

...Советы ищут у нас поддержки своей позиции по вопросу о декларации; они делают это для того, чтобы

усилить нажим на Англию и Францию в пользу принятия советских предложений. Этот нажим объясняется тем, что политическое положение Советов в результате обострения польско-германских отношений значительно укрепились.

Доводя до Вашего, господин министр, сведения об английской точке зрения, я вынужден констатировать, что правительство Чемберлена является объектом все более и более усиливающегося давления со стороны общественного мнения, требующего союза с Россией.

Меня все время просят высказаться по вышеизложенному вопросу, и я постоянно подтверждаю нашу основную точку зрения. Ввиду быстрого развития событий прошу Вас, господин министр, дать мне указание, как я должен поступать и какими аргументами пользоваться в первую очередь.

Рачинский».

Бек ответил немедленно, в тот же день:

«Наша позиция по вопросу об англо-франко-советских переговорах не может быть ни отрицательной, ни положительной, поскольку в этих переговорах мы участия не принимаем и в наши задачи не входит стеснять политику какой-либо из этих трех держав в указанной области. Единственной нашей оговоркой по вопросам, затрагивающим Польшу (например, по вопросу об оказании помощи Польше), есть принцип: ничего о нас без нас. Что касается нашего участия в подобном рода соглашениях, то мы попрежнему придерживаемся той точки зрения, что договор о взаимной польско-советской помощи ускорил бы конфликт».

9 июня 1939 года Бек еще раз по телеграфу информировал Рачинского об отрицательном отношении польского правительства к помощи Советского Союза.

«В связи с отъездом Стрэнга в Москву прошу заявить в Форин офис, что через Париж мы получили текст советского ответа на последнее предложение и что наша позиция остается прежней, а именно:

1. Мы не можем согласиться на упоминание Польши в соглашении между западными державами и СССР.

2. Принцип предоставления Советским Союзом помощи государству, которое подвергнется нападению, без согласия последнего, мы считаем неприемлемым и

нарушающим стабилизацию и безопасность в Восточной Европе».

На следующий день Рачинский сообщил Беку, что Стрэнг выразил согласие с точкой зрения польского правительства. Позиция Польши, конечно, отвечала интересам англичан, которые лишь искали предлога для того, чтобы затянуть переговоры с Советским Союзом, ведя одновременно переговоры с Германией (Вольгат — Вильсон).

Приближались трагичные августовские дни. 20 августа Бек послал телеграмму в польское посольство в Лондоне:

«Французский и английский послы обратились ко мне с просьбой сообщить нашу точку зрения в связи с франко-англо-советскими штабными переговорами, во время которых Советы потребовали предоставления им плацдармов для борьбы с германской армией в Поморье, на Сувалщине и в Восточной Малопольше. Англичане и французы поддерживают эту точку зрения.

Я ответил, что считаю недопустимым обсуждение этими государствами вопроса об использовании в военных целях территории другого суверенного государства.

Никакие военные соглашения не связывают Польшу с Советами, и польское правительство не намерено заключать подобные соглашения.

Французский посол предложил сообщить Советам либо что польское правительство отказалось обсуждать этот вопрос, либо что французское правительство не сочло возможным сделать формальный демарш, будучи уверенным в отрицательном ответе.

Вопрос об ответе Советам я оставляю за Францией и Англией. Делаю лишь оговорку, что их ответ не должен дать повода для недоразумений.

Бек».

Приведем, наконец, еще один из этих документов позора и предательства. Ежемесячный журнал «Культура», издаваемый реакционной польской эмиграцией в Париже, поместил в № 5 за 1948 год воспоминания бывшего санационного премьера генерала Славой-Складковского, озаглавленные «Деятельность польского правительства в сентябре 1939 года». 31 августа 1939 года Славой-Складковский делает следующую запись в связи с пре-

рванными несколько дней до этого переговорами в Москве:

«...Мы снова вынуждены были отказаться от... предложения пропустить советские войска через Вильно и Львов с целью «спасения» Польши от нападения Германии».

Слово «спасения» Славой-Складковский взял в кавычки. История же взяла в кавычки санационного премьерера и весь его лагерь, который своей политикой измены лишил Польшу предложенной Советским Союзом помощи и привел ее к трагической сентябрьской катастрофе.

* * *

Последний шанс был отвергнут. Стало совершенно очевидным, что политика английских, американских и французских империалистов имеет своей целью втянуть Советский Союз в войну с Германией один на один и что с этой целью империалисты готовы принести в жертву как польский, так и другие народы. Еще в январе 1939 года один из видных представителей американского монополистического капитала, Буллит, в беседе с послом Польши в Вашингтоне Потоцким самым циничным образом определил отношение империалистов к Советскому Союзу. Вот отрывок из донесения Потоцкого Беку:

«...Что касается Советской России, то Буллит высказался о ней с явным недоброжелательством и пренебрежением. Он заявил, что не думает, что Германия хотела бы сейчас выступить как агрессор в Восточной Европе, ибо Польша слишком сильна...

Однако,— заявил далее Буллит, — я убежден, что Германия осуществит свой план захвата Украины, но сделает она это лишь в 1940 году. Я спросил: «Если бы это случилось, выступили бы западные державы активно и объявили ли бы они войну Германии в целях защиты Советской России?» Буллит ответил, что демократические государства раз и навсегда покончили с нереальными идеями вооруженного вмешательства с целью оказания помощи какому-либо государству, которое явилось бы жертвой германской агрессии».

Когда ход московских переговоров и позиция санационного польского правительства полностью подтверди-

ли изложенные Буллитом тенденции в политике империалистов, правительству Советского Союза стало ясно, что единственный выход из положения, выход, более всего соответствующий интересам Советского Союза и делу свободы всех народов, — это принятие немецкого предложения о заключении договора о ненападении. 23 августа 1939 года договор был заключен. О причинах, побудивших советское правительство пойти на этот шаг, говорит заявление Ворошилова, сделанное 27 августа 1939 года представителю газеты «Известия»:

Вопрос: Чем закончились переговоры с военными миссиями Англии и Франции?

Ответ: Ввиду вскрывшихся серьезных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из Москвы обратно.

Вопрос: Можно ли знать, в чем заключаются эти разногласия?

Ответ: Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР. Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран. В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры.

Вопрос: Агентство Рейтер по радио сообщает: «Ворошилов сегодня заявил руководителям английской и французской военных миссий, что ввиду заключения

договора о ненападении между СССР и Германией, Советское правительство считает дальнейшие переговоры с Англией и Францией бесцельными».

Соответствует ли действительности это заявление агентства Рейтер?

Ответ: Нет, не соответствует действительности. Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий».

Следовательно, советско-германский договор о ненападении не был отступлением от последовательной политики Советского Союза, который в течение всего межвоенного периода был решающей силой в борьбе за мир, свободу и безопасность народов, в борьбе за обуздание агрессоров. Договор о ненападении, заключенный с Германией, был продолжением той же политики иными методами, применение которых стало необходимо в условиях, когда усилия советского правительства, направленные на создание эффективной антигитлеровской коалиции, неизменно наталкивались на стену вражды и коварных махинаций со стороны западных покровителей гитлеризма, привыкших загребать жар чужими руками. Договор от 23 августа 1939 года давал Советскому Союзу возможность остаться вне конфликта хотя бы на некоторое время, давал ему возможность дальнейшего укрепления своих вооруженных сил и увеличения военно-экономического потенциала для решительного выступления против гитлеровской Германии тогда, когда сам ход событий уже сделал невозможным осуществление империалистических планов изоляции СССР.

Англо-франко-американские империалисты, считавшие с первого же момента после победы Октябрьской революции главной целью своей политики организацию «крестового похода» против СССР, решили, что путем направления гитлеровской агрессии на Восток им удастся осуществить, наконец, свои планы. Во имя осуществления этих планов они отдали Гитлеру Австрию и Чехословакию; во имя осуществления этих планов лишили

Польшу единственной реальной помощи — помощи Советского Союза; во имя осуществления этих планов они нарушили все свои торжественные обещания, оставив Польшу в сентябре 1939 года в полном одиночестве.

Однако Советский Союз сорвал эти планы, осуществление которых означало бы погружение всего человечества в долгую ночь неволи и варварства. Важным средством в срыве коварной игры империалистов было решение о заключении договора о ненападении от 23 августа 1939 года.

«Чтобы во время войны создалась антигитлеровская коалиция трех держав, надо было перед этим расстроить антисоветские планы правительств Англии, Франции и стоявших за их спиной империалистических кругов, имевшие целью толкнуть Германию на войну с Советским Союзом, а затем поживиться за их счет, и особенно за счет СССР. Советский Союз вынужден был даже пойти на заключение пакта о ненападении с Германией, когда окончательно выяснилось, что все усилия Советского правительства в деле создания единого фронта с другими государствами Европы, чтобы противостоять нарастающей фашистской агрессии стран «оси», были сорваны правительствами Англии и Франции из-за их слепой ненависти к советскому рабоче-крестьянскому государству. Товарищ Сталин во-время разгадал коварный смысл тогдашних англо-французских интриг против Советского Союза, что позволило не только вывести из-под удара нашу Родину, отсрочив нападение гитлеровской Германии на СССР, но и привести развитие событий к такому положению, при котором правительства Англии и США были поставлены перед необходимостью создания англо-советско-американской антифашистской коалиции, что отвечало интересам всех свободлюбивых народов»¹.

Ход второй мировой войны полностью подтвердил правильность и дальновидность решения советского правительства заключить договор с Германией, подписанный 23 августа 1939 года.

¹ В. М. Молотов, Сталин и сталинское руководство, Госполитиздат, 1950, стр. 13—14.

Глава 10

Сентябрь

Сентябрь 1939 года вписал в анналы истории Польши много новых замечательных страниц мужества и самоотверженности тех, кого санационная клика преследовала и третировала. Образ выдающегося коммунистического деятеля Мариана Бучека, который по воле польской реакции 16 лет просидел в тюрьме, а в сентябре 1939 года выломал решетку тюрьмы в Равиче и, став во главе отряда солдат, защищавших Варшаву, погиб в бою в момент, когда санационные заправилы удирали в Румынию, навсегда останется символом горячего патриотизма, присущего борцам за свободу и социальную справедливость. В окопах Вестерплатте, Варшавы, Модлина и во многих других местах, где происходили стычки с врагом, польский народ и его солдаты с честью выдержали сентябрьское испытание.

Сентябрь 1939 года, точно молния, осветил весь путь, пройденный Польшей в течение двадцати лет независимого существования. Сентябрь 1939 года показал, что это был путь, который неизбежно вел в пропасть поражения, что строй, основанный на насилии и эксплуатации, есть вместе с тем строй национальной катастрофы. Сентябрь 1939 года вскрыл всю низость и предательство тех, кто пытался узурпировать право управлять Польшей.

Полное банкротство буржуазно-помещичьих правительств Польши межвоенного периода нашло в сентябре 1939 года свое отражение в их внешней политике. Беки, рыдз-смиглы и славой-складковские считали верхом политической изворотливости то, что после многих лет

прямого пособничества гитлеризму они получили весной 1939 года англо-французские гарантии. Срывая возможность получения помощи от Советского Союза, санационные дипломаты хвастались наличием союзных соглашений с Англией и Францией, которые якобы должны были спасти Польшу от катастрофы. Трагические события сентябрьских дней показали, чего стоили бековские козыри. Англо-франко-американский империализм еще раз проявил свое действительное отношение к Польше. Были три основные причины сентябрьской катастрофы Польши: первая причина — агрессия гитлеровских захватчиков, вторая — предательство и позорная трусость польской реакции, третья — преступное коварство империалистов Запада.

В главе 6 мы вкратце разобрали мотивы, которыми руководствовалась Англия, предоставляя Польше гарантии весной 1939 года. Как известно, Англия была заинтересована прежде всего в том, чтобы укрепить свою позицию по отношению к Германии. О предоставлении действительной помощи Польше Англия и не помышляла. Западные империалисты все еще считали, что им удастся направить германскую агрессию на Восток, против СССР. Лишь позже, когда гитлеризм решился также выступить в западном направлении, противоречия между двумя империалистическими группами взяли верх, хотя тенденция к сотрудничеству не исчезала и тогда. Она проявлялась даже в кульминационный момент войны (оттяжка открытия второго фронта, тайные переговоры о заключении сепаратного договора с Гитлером за спиной СССР и т. д.). Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в момент нападения Гитлера на Польшу мюнхенские концепции были на Западе забыты лишь формально. По отношению к Польше Мюнхен был также применен, только в ином, более ничтожном издании.

Вот что писал о позиции западных империалистов по отношению к Польше американский историк Ф. Шуман:

«Некоторые предлагали оставить Польшу на произвол судьбы, другие считали, что необходимо сделать более широкий жест и объявить войну. Но все предпочитали гибель Польши защите ее Советским Союзом и

все надеялись, что в результате возникнет война между Германией и СССР».

Таким образом, Гитлер имел полное основание констатировать 22 августа 1939 года на сборище вождаков своей партии: «Политическая обстановка способствует нам... Ввиду этого конфликт наиболее выгоден нам сейчас... Англия фактически не хочет поддерживать Польшу».

«Компромисс» в отношении Чехословакии и объявления войны в связи с нападением на Польшу — это были лишь две формы одной и той же политики. Германия беспрепятственно бросила на Польшу 78 дивизий, оставив на Западе 11. Как признал на Нюрнбергском процессе Кейтель, «в случае если бы французы в период польской кампании перешли в наступление, они не встретили бы сопротивления со стороны Германии». Но дело в том, что правительства Франции и Англии, равно как и стоящее за их спиной правительство США, и не думали мешать гитлеровским захватчикам.

Если не считать формального объявления войны Германии, польский народ в трагические сентябрьские дни ничего не получил от Англии и Франции. Кроме банальных фраз сочувствия ничего не получил он и от Соединенных Штатов. Напрасно всматривались поляки в небо, с которого падал град немецких бомб, желая увидеть самолеты союзников. Напрасно ждал польский народ генерального наступления на западном фронте, хотя варшавские газеты кричали о «прорыве линии Зигфрида» (во что, кстати сказать, мало кто верил).

А ведь Англия и Франция приняли на себя прямое обязательство, которое должно было быть выполнено в момент, когда Германия почти все свои силы бросила на Польшу.

Как сообщает официальный санационный историк, один из наиболее доверенных людей бековского МИД, Владислав Побуг-Малиновский, протокол, подписанный 19 мая 1939 года санационным военным министром Каспицким и начальником французского генерального штаба Гамеленом, предусматривал, что в случае нападения на Польшу Франция начнет военные действия автоматически. Действия французской авиации должны были начаться немедленно. Действия сухопутной армии

на позициях линии Зигфрида — на третий день после объявления мобилизации во Франции, генеральное же наступление — на пятнадцатый день.

Одновременно (23—24 мая 1939 года) велись переговоры с англичанами. От Англии в переговорах участвовали: генерал Клейтон, командор Раулингс и полковник Давидсон. Польшу представляли генерал Стахевич (начальник генерального штаба), генерал Уейский и контр-адмирал Свирский. В результате переговоров было установлено, что английская бомбардировочная авиация начнет действия против Германии немедленно после объявления войны, причем англичане делали оговорку, что они будут бомбить исключительно военные объекты, что же касается гражданских объектов, то лишь в том случае, если немцы первые начнут их бомбить в Польше. Это обязательство было подтверждено тогдашним начальником штаба английской армии генералом Айронсайдом во время его пребывания в Варшаве в июле 1939 года.

Правда, тогда не был разработан детальный план и методы осуществления этой помощи. И вина за это также ложится на санационное командование. Однако общий смысл англо-французских обязательств не подлежал никакому сомнению, равно как и обязательство оказания Польше помощи в вооружении и снаряжении.

Между тем еще до начала войны отношение западных союзников к Польше было, деликатно выражаясь, странным. Финансовая делегация, выехавшая в Лондон, чтобы получить заем на вооружение, вернулась, по сути дела, ни с чем. Английские капиталисты, представители которых еще в августе 1939 года вели через посредство шведского промышленника Далеруса переговоры с Герингом, отнюдь не спешили с предоставлением Польше займа на покупку оружия, которое должно было быть использовано против Германии. Бывший лейбористский министр финансов Дальтон в своей книге «Hitler war», изданной во время войны, сообщает интересные детали о деятельности английского правительства:

«...в течение следующих пяти месяцев [после предоставления гарантий, то есть после 31 марта 1939 года.— М. С.] не было согласовано никаких планов. В Лондон прибыла польская финансовая делегация, но займа она

не получила. Мы сказали полякам, что все наше оружие необходимо нам самим и никакого оружия мы им продать не можем. После этого они попытались купить самолеты и другое оружие в Соединенных Штатах, но мы отказали им в займе для этой цели. Поляки хотели получить заем в долларах. Мы сказали, что можем предоставить им только стерлинговый заем и что польские деньги [злотый] должны быть девальвированы. Так сэр Джон Саймон [тогдашний министр финансов.— М. С.] и финансовые работники помогали нашему союзнику. Переговоры закончились ничем, и поляки оружия не получили».

В другом месте Дальтон пишет:

«Переговоры между представителями штабов также не принесли результатов. Генерал Айронсайд в июле поехал в Варшаву. Он взял с собой минимальное количество штабных работников и пробыл в Варшаве всего несколько дней...»

Не подлежит сомнению (об этом пишет Ноэль), что, несмотря на угрозу войны, «союзнические» штабы не согласовывали между собой своих военных планов. Интерес «союзников» к военным приготовлениям Польши нашел яркое проявление в требовании... отложить всеобщую мобилизацию. В этом отношении представители западных держав мало чем отличались от папского нунция Кортези, который по поручению Ватикана усиленно настаивал на необходимости проявить уступчивость по отношению к Гитлеру...

Правда, германское вторжение в Польшу вызвало объявление Англией и Францией войны Германии. Но, во-первых, это произошло с опозданием на три дня (Чемберлен и Даладье все еще надеялись на «мирное» разрешение конфликта), а во-вторых, этот факт не имел для Польши никакого практического значения. Французские войска продвинулись на несколько километров в Саарском бассейне, не встречая, конечно, никакого сопротивления, а когда они приблизились к военным заводам Рехлинга, им был дан приказ... не повредить артиллерийскими снарядами завод. Завод остался нетронутым, а французы спустя несколько дней спокойно отошли обратно. «Деятельность патрулей» — такими были ежедневные сводки о военных действиях на западе.

То же самое можно сказать о действиях авиации. Авиация западных держав вообще не появлялась над Германией, если не считать тех немногочисленных случаев, когда сбрасывались... листовки.

В ходе кампании поляки неоднократно обращались к правительствам Англии и Франции с просьбами и требованиями об оказании хоть какой-нибудь помощи Польше. В Париже и Лондоне отвечали выражением сочувствия и разводили руками: «Мы-де бессильны».

Драматические подробности переговоров представителей Польши с правительством и командованием Великобритании в сентябре 1939 года получили огласку уже после войны в результате опубликования документов из найденного близ Вроцлава архива бывшего посла Германии в Варшаве фон Мольтке. Эти документы содержат записи бесед генерала Норвид-Нойгебауэра и майора Иллинского, отправленных в Лондон на самолете 3 сентября 1939 года. Вот несколько деталей о ходе этих переговоров.

3 сентября представители Польши прибыли в Лондон. Запись первой беседы с начальником генерального штаба английской армии генералом Айронсайдом датирована... 9 сентября. Раньше генерал не мог, очевидно, принять делегацию из-за отсутствия времени...

«9 сентября 1939 года, 9 часов. Посещение начальника штаба генерала В. Эдмунда Айронсайда. Присутствует заместитель начальника штаба Бьюмонт-Нэсбитт.

Генерал Айронсайд спрашивает, что может сделать Англия, чтобы наиболее эффективно отвлечь силы противника от Польши, и просит поделиться оперативной информацией».

Итак, 9 сентября английский штаб все еще не имел никакого плана оказания помощи Польше. Генерал Айронсайд только просил предоставить ему информацию. Получив ее вместе с просьбой о немедленном открытии действий английской бомбардировочной авиации и посылке в Польшу истребителей и средств противовоздушной обороны, он «заметил, что сухопутные действия — это дело французского командования, что же касается других вопросов, то он доложит о них на заседании начальников штабов армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота, а также в военном кабинете,

который как раз собирается начать обсуждение вопроса о военных действиях».

Несколько минут спустя генерал Айронсайд, извиняясь за то, что у него нет больше времени, прерывает беседу и на прощание советует полякам закупить «известное количество вооружения в нейтральных государствах, в таких, например, как прибалтийские государства и Швеция».

Следующий день генерал Нойгебауэр потратил на то, чтобы добиться возможности закончить беседу с генералом Айронсайдом. Это ему удалось лишь после полудня:

«...10 сентября 1939 года, 17 часов. Встреча с генералом Айронсайдом.

Айронсайд сообщает, что он разобрался в военной обстановке в Польше и готов пойти как можно дальше в сотрудничестве и помощи. Имеются положительные известия.

Айронсайд утверждает, что авиация начала на Западе активные действия против военных объектов.

Сообщает, что после вчерашней встречи с генералом Норвид-Нойгебауэром он сообщил на заседании военного кабинета о необходимости активизировать действия английской авиации над территорией Германии. Решение до сих пор не принято. На завтрашнем заседании военного кабинета будет продолжаться обсуждение этого вопроса.

Кроме того, сообщает о перевозках военных материалов для Польши: в Констанцу прибыл пароход с истребителями — 14 «Харрикейнов» и 30 «Моран-Солнеров»; готовится следующий транспорт — 5 тысяч «Гочкиссов». 15—20 миллионов патронов, полмиллиона противогазов».

Оба сообщения (об активизации действий авиации и прибытии в Констанцу парохода с истребителями) оказались ложными. Польша не видела в сентябре 1939 года ни одного английского самолета, а ведь если бы самолеты были в Констанце 10 сентября, то 11-го они могли бы быть в Польше.

Генерал Норвид-Нойгебауэр выдвинул проект посылки в Польшу 100 истребителей типа «Харрикейн», которые в течение двух часов могли бы перелететь с французских баз в Польшу. Генерал Айронсайд не мог

сказать, что Англия не в состоянии послать истребители. Поэтому он сослался на... министерство авиации:

«В принципе генерал Айронсайд одобряет этот проект, но указывает, что окончательное решение зависит от министра авиации. Одновременно генерал Айронсайд заверяет, что он готов послать в Польшу любые военные материалы, имеющиеся в Англии».

После окончания переговоров генерал Нойгебауэр сообщил в Варшаву:

«Сегодня после довольно сильного нажима, вызванного тем, что английские власти хотели отложить беседу, генерал Айронсайд заверил, что сделает все возможное, чтобы повлиять на политических деятелей».

В этом — объяснение всего или почти всего: политические соображения мешали Англии оказать помощь борющемуся польскому народу. Какие именно политические соображения, — это не требует пояснения после того, как мы ознакомились с приведенными в предыдущих главах документами. 13 сентября генерал Нойгебауэр направил генералу Айронсайду письмо, в котором, в частности, констатировал следующее:

«...Мы стоим перед фактом отказа использовать мощные воздушные силы Англии, а также отказа в помощи, которую могла бы оказать английская армия, возместив потери в технике и естественный износ материальной части польской авиации».

На следующий день генерал Айронсайд опять был занят. Кончая беседу с его заместителем генералом Бьюмонт-Нэсбиттом, генерал Норвид-Нойгебауэр «констатирует вполне определенно, что Англия не сдержала, как и прежде, своих обязательств, ибо в течение 14 дней войны мы остаемся предоставленными самим себе и помощь, которая должна была быть направлена в Польшу в результате переговоров с генералом Клейтоном, происходивших в мае в Варшаве, не была предоставлена Польше».

15 сентября генерал Айронсайд дает окончательный ответ; 15 сентября 1939 года в 15 часов генерала Норвид-Нойгебауэра приглашают в военное министерство, где он имеет продолжительную беседу с генералом Айронсайдом, который в связи с беседой с генералом Бьюмонт-Нэсбиттом заявляет:

«Кроме 10 тысяч «Гочкиссов» и 15—20 миллионов патронов, Англия не может в настоящее время предоставить Польше ничего из военных материалов — ни танков, ни зенитной и противотанковой артиллерии, ни истребителей, ни обмундирования. Первые транспорты из Англии можно ожидать не раньше как через 5—6 месяцев».

Начальник английского генерального штаба закончил беседу добрым советом:

«Он вновь советуется произвести закупки в нейтральных государствах — в Бельгии и Испании. Упоминает также Канаду. Он считает такие закупки наиболее быстрым разрешением проблемы. Он не предвидит никаких возражений со стороны министерства финансов на расходование за пределами Англии средств из суммы 8 миллионов фунтов стерлингов, находящихся в Лондоне. Он считает, что для того, чтобы выиграть время, нужно быстро сделать заказы, подписать контракты и лишь потом приступить к урегулированию формальностей, связанных с перевозками. В этом отношении он обещает свою помощь и должный нажим на финансовые круги».

Таким было последнее слово генерала Айронсайда. Как назвать его? Как расценить сделанное Айронсайдом 15 сентября предложение заключить контракт на поставку оружия из нейтральных государств, в том числе из франкистской Испании? Спокойно говорить об этом нет возможности.

В дни, когда горит Варшава, генерал Айронсайд заявляет, что первые транспорты из Англии могут прибыть лишь через 5—6 месяцев. Его французский коллега генерал Гамелен записывает в своем дневнике, что Франция сможет оказать помощь Польше в 1940 году, а к наступлению на широком фронте она подготовится лишь в 1941 или 1942 году. Не стоит комментировать эти сроки, не стоит доказывать, были они обоснованы или нет. За нас сделали это другие; за нас сделал это сам премьер Чемберлен. 19 марта 1940 года Чемберлен заявил в парламенте, что в течение трех месяцев (декабрь 1939 года — февраль 1940 года) Великобритания послала в Финляндию 101 самолет, свыше 200 орудий, сотни тысяч комплектов боеприпасов, авиабомб и противотанковых мин. Одновременно Даладье сообщил в палате депутатов, что Франция передала Финляндии 175 самолетов;

496 орудий, 5 тысяч пулеметов, 20 миллионов патронов и гранат, а также другое оружие. Кроме того, согласно заявлению Чемберлена, в середине марта был готов к отправке английский экспедиционный корпус численностью в 100 тысяч человек и французский — численностью в 50 тысяч человек (последний находился в порту и ждал отправки уже 28 февраля). 17 апреля 1940 года командующий 150-тысячной союзнической армией на Ближнем Востоке генерал Вейган докладывал Гамелену:

«Мы находимся уже на такой стадии подготовки к бомбардировке нефтяных районов Кавказа, что имеем возможность определить, когда эти действия могут быть осуществлены».

Что изменилось в течение этих нескольких месяцев? Почти ничего, поскольку дело касается возможностей Англии и Франции; очень многое, поскольку дело касается их желания действовать. В сентябре 1939 года речь шла о помощи народу, ведущему неравный бой во имя защиты своей независимости от гитлеровской Германии. В декабре 1939 года речь шла об оказании помощи финским реакционерам, воевавшим против Советского Союза и вскоре ставшим официальными и самыми верными союзниками Гитлера в его походе против СССР. Поэтому-то Финляндия получила то оружие, которое не получила Польша, поэтому в Финляндию даже посылались экспедиционные корпуса. А ведь Англия и Франция не имели по отношению к Финляндии никаких обязательств, не заключали с ней никаких договоров, не давали ей никаких торжественных обещаний...

Позиция, занятая государствами Запада по отношению к Польше в сентябре 1939 года, является ярким примером их циничных политических махинаций. Польша отделяла Германию от СССР. Западные государства, стремившиеся вызвать конфликт на Востоке, умыли руки, когда помощь Польше была необходима. Вот она, правда! Ее нельзя опровергнуть. Польский народ был оставлен в одиночестве перед лицом смертельного врага.

* * *

С циничным удовлетворением встретили западные империалисты дело своих рук — поражение Польши:

Особенно развязно вели себя представители «нейтральных» Соединенных Штатов. Ванденберг, вернувшийся из своего путешествия уже после того, как началась война, заявил совершенно спокойно, что «для Соединенных Штатов не имеет значения, которая из сторон победит». Линдберг, получивший от Гитлера орден, прямо заявил: «Война против Германии — ошибка; настоящую войну нужно вести на Востоке».

Генерал Маршалл дал следующую оценку положения, создавшегося после поражения Польши: «Польша попала в ярмо, но положение в Западной Европе, по сути дела, стабилизировалось». 12 октября 1939 года Уолтер Липпман следующим образом выразил в «Нью-Йорк геральд трибюн» расчеты и надежды американских, английских и французских империалистов:

«Вопрос не в том, каковы будут границы Германии, Польши или Чехословакии, а в том, где будет проходить граница между Европой и коммунизмом. Главный вопрос войны в том, вернется ли Германия в ряды государств Запада как защитник Запада».

Этот «главный вопрос» не перестает занимать западных империалистов и по сей день. Он занимал их осенью 1939 года и зимой 1940 года, когда они вели «странную войну», готовясь к нападению на СССР через Финляндию и Кавказ и предоставляя Гитлеру время для спокойного накапливания сил для дальнейшего наступления. Он занимал их и после 1941 года, когда они перед лицом героических усилий Советского Союза, громившего мощные вооруженные силы гитлеровской Германии и ее союзников, всячески тормозили открытие второго фронта в Европе и непрерывно вели переговоры с представителями Гитлера с целью окончания войны на Западе и обращения всех сил против СССР. Он занимал их и тогда, когда Советский Союз разгромил гитлеровскую Германию, когда они, в нарушение ялтинских и потсдамских соглашений, шаг за шагом восстанавливали экономические основы германского милитаризма, когда они брали под свое покровительство военных преступников, пытались задуть в зародыше все то, что должно было служить делу создания новой, мирной и демократической Германии. Этот вопрос занимает их и сегодня, когда они уже явно, отбросив всякую маскировку, превращают Западную Гер-

манию в основной бастион новой агрессии, когда из нового вермахта создают ядро «европейской» армии стран Атлантического пакта под американским командованием, сейчас, когда они разжигают германский шовинизм, планируя новые разбойничьи походы на Восток, и прежде всего на Польшу с ее границей на Одере и Нейссе.

Сентябрьская катастрофа и события всего предшествующего ей периода, события, подготовившие эту катастрофу, являются столь ярким обвинительным актом против империалистов Запада и против класса, стоявшего у власти в довоенной Польше, что империалистическая пропаганда по сей день напрягает все свои силы, чтобы фальсифицировать эти события, скрыть правду о сентябре, о его причинах и выводах, которые из него следуют.

В небогатом арсенале приемов пропаганды, используемых радио и прессой империалистических стран при освещении сентябрьской катастрофы, видное место занимают лживые «материалы и документы» о германосоветских отношениях периода 1939—1941 годов. При помощи этих «документов» пропагандисты «Голоса Америки» и Би-би-си лезут из кожи вон, чтобы «доказать» миру, что пакт о ненападении, заключенный Советским Союзом с Германией 23 августа 1939 года, был якобы сговором, долженствовавшим вызвать войну и «четвертый раздел Польши», а выступление Красной Армии 17 сентября 1939 года будто бы привело к военному поражению Польши.

Нетрудно догадаться, какова цель этой шумной клеветнической кампании. Империалистические инициаторы этой кампании и их прислужники из лагеря польской реакции хотят таким путем не только снять с себя ответственность за все то, что произошло в сентябре 1939 года. Они хотят, чтобы шум о мнимом «советско-гитлеровском сговоре» хотя бы на некоторое время отвлек внимание от действий Америки, Англии и Франции в Западной Германии, где возрождается германский империализм. Они хотят скрыть такие очевидные факты, как решающая роль СССР в освобождении Польши и всего мира от гитлеризма, как нынешняя руководящая роль Советского Союза во всемирном движении за прогресс, мир и суверенитет народов. Они жаждут хотя бы до известной

степени замаскировать свою антипольскую позицию, находящую наиболее яркое проявление в Атлантическом пакте, означающем возрождение германского милитаризма в худшем его виде, в поддержке требований германских реваншистов относительно возвращенных польских земель.

Итак, фальсификаторы истории заботятся отнюдь не о восстановлении исторической истины. Они искажают ее. Искажение исторической истины необходимо опекунам шахтов, рундштедтов, манштейнов для проведения политики, направленной против мира, против прогресса, против Польши. И весьма характерно, что чем больше проходит времени от памятных сентябрьских дней и окончания войны, тем выше поднимается мутная волна клеветы, назойливо распространяемой реакционной пропагандой. Вдохновители и организаторы этой кампании, очевидно, рассчитывают на то, что память у людей коротка и что по прошествии ряда лет можно уже безнаказанно искажать историческую правду.

Внешняя политика Советского Союза межвоенного периода была нами детально освещена в предыдущих главах. Мы разбирали также причины и истинный смысл советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года. Поэтому нет никакой необходимости доказывать полную абсурдность обвинений, распространяемых клеветниками. Однако чтобы не оставить ни одной лазейки для враждебной пропаганды, мы сделаем несколько замечаний по поводу так называемого «вопроса о 17 сентября 1939 года», то есть о вступлении Красной Армии на бывшую территорию Польши.

В первый же день войны, 1 сентября 1939 года, советский посол в Варшаве в ответ на запрос Бека сделал заявление о нейтралитете СССР в польско-германском конфликте. Советский Союз соблюдал этот нейтралитет самым точным образом. Красная Армия перешла бывшую польско-советскую границу 17 сентября 1939 года, в момент, когда стало очевидным, что кампания полностью проиграна, когда немцы беспрепятственно могли занять остальную часть страны, когда удирающее в Румынию польское правительство уже не имело никакой власти.

Разгром Польши не вызывал, к сожалению, никакого сомнения уже по истечении нескольких дней кампании.

Трагизм положения был усилен вследствие полной бездарности и малодушия санационного командования. Пожалуй, ни один приказ Рыдз-Смиглы, изданный им в период кампании, не возымел положительного действия на ее ход. Наоборот, все его приказы лишь усиливали хаос и были причиной бессмысленной гибели многих тысяч людей.

Своего рода показателем того, как быстро наступило поражение Польши, может служить быстрота, с которой верховный главнокомандующий, президент и правительство панически бежали в юго-восточном направлении.

Уже 6 сентября Рыдз-Смиглы удрал из столицы, оборону которой взяло на себя варшавское население. Рыдз-Смиглы убежал столь быстро, что даже не успел обеспечить себе связи с начальником генерального штаба генералом Стахевичем. С этого момента верховный главнокомандующий, президент и правительство находились в постоянном, все убыстряющемся движении...

7 сентября Рыдз-Смиглы был в Бресте, 10 сентября переехал во Владимир-Волинский, 13-го выехал в Млынов (близ Дубно), 15-го был уже в Коломне (50 километров от румынской границы). 17 сентября верховный главнокомандующий был в Косове (10 километров от румынской границы). Уже 14 сентября на самую румынскую границу выехали также президент Мосцицкий и правительство. Вот как Славой-Складковский описывает в своих мемуарах резиденцию Мосцицкого в Залуче (16 сентября):

«Имение и деревня расположены на левом берегу реки Черемош, неподалеку от ее впадения в Прут. Отсюда виден вокзал в Снятыне и часть города. По другую сторону Черемоша — уже Румыния».

Реакционная публицистика упорно муссирует версию, будто эвакуация польского правительства в Румынию произошла лишь в результате вступления Красной Армии в пределы бывшей Польши. Это явная ложь. Вот как описывает эвакуацию ее очевидец Побуг-Малиновский, который уж никак не может быть заподозрен в антипатии к санации:

«Вопрос о переезде высших органов власти на запад, на территорию союзников, возник не в Кутах и не в последние дни или часы пребывания на польской земле».

Отнюдь нет! Этот вопрос — чрезвычайно трудный, неприятный, деликатный и трагический — обсуждался уже в начале второй недели войны. В ходе секретных и конфиденциальных бесед, происходивших 9 сентября, кампанию в Польше считали проигранной».

Именно в этот день, 9 сентября, вице-министр иностранных дел Шембек согласовывал с послом Ноэлем вопрос о предоставлении польскому правительству «убежища» на территории Франции. 11 сентября беседовал на эту тему с Ноэлем Бек, получивший соответствующие заверения. Оставалось лишь согласовать с румынским правительством вопрос о проезде через Румынию. Побуг-Малиновский пишет:

«В Кутах, в субботу 16 сентября, надо было уже конкретно обсудить этот вопрос с румынами; соглашение с Францией о праве пребывания необходимо было дополнить соглашением с румынами о праве проезда».

На сей раз Рыдз-Смиглы действовал без промедлений. Пограничный мост в Кутах был «форсирован» с молниеносной быстротой. Никому из этих беглецов, забившихся 17 сентября в переполненные чемоданами лимузины, стоявшие у румынского пограничного поста, и в голову не пришло вернуться к боровшимся отрядам, прорваться на самолете в столицу или Модлин, что было, по признанию самого Рыдз-Смиглы, вполне возможно.

И после всего этого в декабре 1939 года обанкротившийся президент Мосцицкий имел еще наглость произнести слова, которые должны войти в историю как образец безнадежной политической тупости.

«С оттенком спокойного и грустного удивления,— пишет Побуг-Малиновский,— говорил он [Мосцицкий], что поляки грозят ему трибуналом, а ведь конституция... гласит, что он за свои действия отвечает лишь перед богом и историей».

Санационные предатели, как огня боявшиеся ответственности перед народом и ссылавшиеся на «бога и историю», остались верны себе до конца...

* * *

17 сентября советские войска перешли бывшую границу Польши. К этому времени военная кампания в целом

была уже фактически закончена. Оставалось лишь несколько изолированных очагов сопротивления, которые свидетельствовали о мужестве польских солдат, но не могли оказать влияния на общий ход событий. Восточнее Вислы 17 сентября войска всех трех польских фронтов были разбиты, окружены и истреблялись врагом. Войска северного фронта под командованием генерала Домб-Бернацкого, равно как и войска центрального фронта, которыми командовал генерал Пискор, были сбиты в кучу на западном берегу реки Буг. Примерно такой же была судьба войск южного фронта (командовал генерал Соснковский), окруженных в районе Львов — Перемышль. Вся эта территория больших и малых «котлов» была охвачена немцами широким полукольцом с востока: 16 сентября установили между собой контакт двигавшаяся по восточному берегу Буга с севера третья германская бронетанковая дивизия и двигавшаяся с юга четвертая мотомеханизированная дивизия. Таким образом были отрезаны все сражавшиеся на левом берегу Буга остатки польских войск.

В этих условиях вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии не могло иметь никаких отрицательных последствий для судеб войны. Этим путем Советский Союз уберег от захвата Гитлером земли, населенные в большинстве своем украинцами и белорусами, земли, отторжение которых от СССР противоречило принципу самоопределения наций и о которых советское правительство не ставило до того вопроса перед Польшей только потому, что не хотело осложнять ее положение перед лицом германской угрозы. В условиях, создавшихся в результате поражения, объединение Западной Украины и Западной Белоруссии с братскими советскими республиками было естественным и полностью обоснованным явлением.

Вместе с тем занятие Красной Армией линии Буга имело огромное значение с точки зрения борьбы против гитлеровской Германии, к которой Советский Союз готовился уже тогда. Выдвижение линии будущего фронта на несколько сот километров на запад облегчило действия Красной Армии в первый период советско-германской войны и не дало возможности Гитлеру использовать в период с 1939 по 1941 год Западную Украину в каче-

стве базы для диверсионной работы на территории СССР. Тот факт, что первые битвы в германо-советской войне разыгрались под Брестом и Львовом, а не под Минском и Киевом, сыграл большую роль в деле разгрома гитлеровской Германии. Даже Черчилль вынужден был тогда признать, что это мероприятие советского правительства значительно укрепило позиции СССР. 1 октября 1939 года Черчилль заявил по радио:

«То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении Балтийских государств и Украины должен быть положен конец»¹. В течение всего дальнейшего периода Советский Союз продолжал политику накопления сил для борьбы против гитлеровского фашизма. Этой цели служил решительный отпор, данный Советским Союзом в ответ на провокации финских реакционеров: советско-финский мирный договор, заключенный после победы над связанной уже тогда с Гитлером и получавшей помощь от западных государств Финляндией, отодвинул линию обороны на 150 километров от Ленинграда. Этой цели служило также вступление советских войск летом 1940 года на территорию Латвии, Литвы, Эстонии, а также Молдавии и Северной Буковины, которые присоединились к СССР.

«Что было бы,— читаем мы в исторической справке Советского Информбюро «Фальсификаторы истории»,— если бы СССР не создал «восточного» фронта еще до нападения Германии — далеко на западе от старых границ СССР, если бы этот фронт проходил не по линии Выборг — Каунас — Белосток — Брест — Львов, а по старой границе Ленинград — Нарва — Минск — Киев?

Это дало бы возможность войскам Гитлера выиграть пространство на сотни километров, приблизив немецкий

¹ «Фальсификаторы истории» (Историческая справка), М., 1948, стр. 58.

фронт к Ленинграду — Москве — Минску — Киеву на 200—300 километров, серьезно ускорило бы продвижение немцев в глубь СССР, ускорило бы падение Киева и Украины, привело бы к захвату Москвы немцами, привело бы к захвату Ленинграда соединенными силами немцев и финнов и заставило бы СССР перейти на длительную оборону, что дало бы немцам возможность высвободить на востоке дивизий пятьдесят для высадки на английские острова и для усиления немецко-итальянского фронта в районе Египта. Вполне вероятно, что английскому Правительству пришлось бы эвакуироваться в Канаду, а Египет и Суэцкий канал попали бы под власть Гитлера.

Но это не все. СССР был бы вынужден перебросить большую часть своих войск с маньчжурской границы на «восточный» фронт для усиления своей обороны, а это дало бы возможность японцам высвободить до 30 дивизий в Маньчжурии и направить их против Китая, против Филиппин, против Юго-Восточной Азии вообще, в конечном счете — против американских вооруженных сил на Дальнем Востоке.

Все это привело бы к тому, что война затянулась бы по крайней мере еще года на два, и вторая мировая война была бы окончена не в 1945 году, а в 1947 году или несколько позже.

Одновременно с созданием мощного фронта против гитлеровской Германии в СССР велась энергичная подготовка в военно-экономической области. Решения XVIII конференции ВКП(б) явились могучим фактором мобилизации масс к усилению темпов и улучшению работы основных отраслей промышленности и транспорта. Осуществление этих решений имело огромное значение для усиления оборонно-экономического потенциала СССР как в период, непосредственно предшествовавший началу советско-германской войны, так и в период войны.

В то время как западные государства, и прежде всего Франция, пожинали трагические плоды своей политики изоляции СССР, которая в конечном счете привела к изоляции их же самих и к поражению Франции, Советский Союз, несмотря на неслыханно трудные условия, систематически, шаг за шагом готовил предпосылки для будущей победы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие можно сделать выводы, рассмотрев международные отношения периода 1918—1939 годов, проанализировав причины возрождения германского империализма после первой мировой войны, а следовательно, и причины сентябрьской катастрофы?

Первым выводом, который напрашивается уже непосредственно в ходе анализа, является следующий: империалистическая политика правительств Соединенных Штатов, Англии и Франции, политике, проведению которой содействовала, в частности, предательская позиция польской реакции, имела трагические последствия, причем не только для польского народа или для советского народа, понесшего наибольшие жертвы в период второй мировой войны, но и для народов всего мира, в том числе народов Англии и Соединенных Штатов, которые также должны были расплачиваться за циничные махинации реакционных политиканов. Объективные факты столь убедительно говорят сами за себя, что их не удается скрыть даже при помощи лухищрений англо-американской пропаганды. Сотни миллионов людей хорошо понимают сегодня, что ответственность за смерть и разрушения, принесенные второй мировой войной, несут в равной мере как гитлеровцы, так и их западные покровители с Уолл-стрита.

Это — основной, но не единственный вывод. Не менее важно наряду с уяснением истинного характера политики империалистов полностью уяснить, что эта политика, проводившаяся с таким рвением на протяжении всего межвоенного периода и в ходе войны, окончилась полным провалом.

К чему стремились американские, английские и французские империалисты? Прежде всего к политической изоляции Советского Союза, к его разгрому силами германского фашизма; во-вторых — к охране своих интересов от германского конкурента путем направления его экспансии на Восток. Они стремились к ослаблению противоречий между империалистическими группировками за счет СССР, Польши и других стран.

Ни одна из этих целей не была достигнута. Правда, германские империалисты ударили на Восток, но отнюдь не отказались от попытки одержать победу и над своими западными покровителями и конкурентами, желая «по пути» на Москву растоптать не только Варшаву и Прагу, но также Париж и Лондон, а затем и Нью-Йорк. Таким образом, ход событий со всей наглядностью показал, что противоречия внутри империалистического лагеря — явление неизбежное, вытекающее из объективных законов развития капитализма.

А самое главное это то, что западным империалистам не удалось изолировать, а тем более разбить Советский Союз. Авторы сумасбродных планов, согласно которым СССР должен был быть стерт с лица земли, недооценили не только военно-экономической мощи Советского Союза. Они недооценили также силы советской внешней политики, эффективность которой проистекает прежде всего из ее нового, социалистического характера, из того, что она является ясной, бескомпромиссной мирной политикой, политикой защиты интересов человечества, а не клики империалистов.

Итак, если говорить о победе СССР во второй мировой войне, то следует подчеркнуть, что это была вместе с тем огромная победа советской внешней политики, советской дипломатии, сорвавшей разбойничьи планы смертельных врагов мира, а следовательно, ставшей существенным фактором спасения человечества от грозившей ему катастрофы.

Таким образом, история международных отношений в 1918—1939 годах предоставляет нам возможность не только дать правильную оценку предательскому характеру политики империализма. Она также учит нас, как обнаружить внутреннюю слабость политики, направленной против кровных интересов народов всего мира,

политики, при помощи которой империалисты пытаются повернуть колесо истории вспять.

В задачу настоящей работы не входит подробный анализ современных международных отношений. Ясно, однако, что оба сформулированных выше основных вывода имеют большое значение для правильной оценки нынешнего международного положения и перспектив его развития. Опыт межвоенного двадцатилетия и опыт второй мировой войны дают нам возможность во всей полноте оценить масштабы опасности, которую несет свободным странам, и прежде всего Польше, проводимая в настоящее время американским империализмом и его сателлитами политика превращения германского и японского милитаризма в ударную силу новой агрессии. Этот опыт дает возможность уяснить внутреннюю слабость политики империализма, особенно сегодня, перед лицом громадного укрепления сил мира и прогресса, а также дает возможность учесть все реальные возможности парализовать агрессию еще до того, как темным силам империализма удастся ее развязать.

Единый фронт свободных народов, возглавляемый Советским Союзом, простирается ныне на гигантском пространстве от Тихого океана до Эльбы. В значительной части Германии, в Германской Демократической Республике, вырваны корни империалистической агрессии, и это оказывает все большее и большее влияние на позицию всего немецкого народа; горит под ногами империалистов земля колониальных и зависимых стран; мир охвачен величайшим движением нашего времени — движением сторонников мира. Вот важнейшие черты новой исторической эпохи, для которой характерно постоянное усиление лагеря мира и свободы.

До какой степени отлично нынешнее положение от положения, существовавшего до второй мировой войны, ясно видно на примере Польши. Из пешки в руках империалистических шулеров, из страны, отсталой в экономическом и военном отношении, из страны классового и национального гнета Польша превратилась в действительно независимое государство, охраняющее народные интересы, в страну, сильную своим общественно-политическим строем и замечательным экономическим развитием, в страну, имеющую такую прочную, непоколеби-

мую опору, как могучий Советский Союз и всемирный лагерь мира. Буржуазно-помещичья Польша была слабым звеном в империалистической цепи; она потерпела сентябрьскую катастрофу, явившуюся результатом ее слабости как в экономическом, так и в политическом отношении. Народная Польша является прочным звеном фронта мира; она навсегда устранила условия, породившие сентябрь 1939 года.

Империалисты прилагают все усилия к тому, чтобы повернуть мир на старый путь, путь поражений и катастроф. Однако новая историческая обстановка создает все возможности для того, чтобы сделать эти усилия тщетными. Ясно, что эти возможности не могут автоматически, самотеком превратиться в действительность. Их нужно сознательно использовать. Этого можно достигнуть путем активной борьбы за мир на любом участке. Необходимость уяснения этих возможностей и путей их осуществления — вот главный вывод из анализа истории межвоенного двадцатилетия, вывод, соответствующий требованиям нашей великой эпохи.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступительная статья	3
От автора	9

Часть первая

Политика западного империализма — движущая сила гитлеровской агрессии

<i>Глава 1.</i> Версаль — зародыш сентября	15
<i>Глава 2.</i> Золотой дождь долларов	40
<i>Глава 3.</i> Международный союз торговцев смертью	61
<i>Глава 4.</i> «Завтра может быть уже поздно...»	82
<i>Глава 5.</i> Мюнхен	106
<i>Глава 6.</i> Московские переговоры летом 1939 года	132

Часть вторая

Политика польской реакции — политика национальной измены

<i>Глава 7.</i> Всегда против Польши	157
<i>Глава 8.</i> Коммивояжеры Гитлера	180
<i>Глава 9.</i> Санация отвергает единственный шанс	201
<i>Глава 10.</i> Сентябрь	221
З а к л ю ч е н и е	239

Редактор *О. В. БОГДАНОВ*
Художник *Н. А. Шишловский*
Техн. редактор *В. И. Шаповалов*

Сдано в производство 10/XII 1952 г.
Подписано к печати 19/II 1953 г.
A02014. Бумага $84 \times 108^{1/8}$ ==
= 3,8 бум. л. 12,5 печ. л.
Уч.-издат, л. 12,2. Изд. № 7/1855
Цена 8 р. 30 к. Зак. № 922

20-я типография
«Союзполиграфпрома»
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Цена 8 р. 30 к.